

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2686-9527

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОБРАЗОВАНИИ

PSYCHOLOGY IN EDUCATION

T. 3 № 3 2021

VOL. 3 No. 3 2021

1797

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2686-9527 (online)
psychinedu.ru
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3>
2021. Том 3, № 3
2021. Vol. 3, no. 3

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОБРАЗОВАНИИ

PSYCHOLOGY IN EDUCATION

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 74247,
выдано Роскомнадзором 09.11.2018

Рецензируемое научное издание

Журнал открытого доступа

Учрежден в 2018 году

Выходит 4 раза в год

16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 – 74247,
issued by Roskomnadzor on 9 November 2018

Peer-reviewed journal

Open Access

Published since 2018

4 issues per year

16+

Редакционная коллегия

Главный редактор

Л. А. Цветкова (Санкт-Петербург, Россия)

Заместитель главного редактора

Е. Н. Волкова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

А. В. Микляева (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

С. В. Васильева (Санкт-Петербург, Россия)

А. Н. Веракса (Москва, Россия)

П. Дзюкколотти (Рим, Италия)

С. Н. Ениколопов (Москва, Россия)

Ю. П. Зинченко (Москва, Россия)

К. В. Карпинский (Гродно, Республика Беларусь)

А. Квятковска (Варшава, Польша)

Н. Н. Королева (Санкт-Петербург, Россия)

С. Б. Малых (Москва, Россия)

Т. А. Нестик (Москва, Россия)

Т. Н. Носкова (Санкт-Петербург, Россия)

А. А. Реан (Москва, Россия)

Шихуэй Хан (Пекин, Китай)

В. П. Шейнов (Минск, Республика Беларусь)

В. А. Янчук (Минск, Республика Беларусь)

Editorial Board

Editor-in-chief

Larisa A. Tsvetkova (Saint Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Elena N. Volkova (Saint Petersburg, Russia)

Executive Editor

Anastasia V. Miklyaeva (Saint Petersburg, Russia)

Assistant Editor

Svetlana V. Vasilieva (Saint Petersburg, Russia)

Alexandr N. Veraksa (Moscow, Russia)

Pierluigi Zoccolotti (Rome, Italy)

Sergey N. Enikolopov (Moscow, Russia)

Yuri P. Zinchenko (Moscow, Russia)

Konstantin V. Karpinsky (Grodno, Belarus)

Anna Kwiatkowska (Warsaw, Poland)

Natalya N. Koroleva (Saint Petersburg, Russia)

Sergey B. Malykh (Moscow, Russia)

Timofey A. Nestik (Moscow, Russia)

Tatyana N. Noskova (Saint Petersburg, Russia)

Artur A. Rean (Moscow, Russia)

Shihui Han (Beijing, China)

Viktor P. Sheynov (Minsk, Belarus)

Vladimir A. Yanchuk (Minsk, Belarus)

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

E-mail: izdat@herzen.spb.ru

Телефон: +7 (812) 312-17-41

Publishing house of Herzen State Pedagogical
University of Russia

48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

E-mail: izdat@herzen.spb.ru

Phone: +7 (812) 312-17-41

Объем 5,50 Мб

Подписано к использованию 22.09.2021

Published at 22.09.2021

При использовании любых фрагментов ссылка
на журнал «Психология человека в образовании»
и на авторов материала обязательна.

The contents of this journal may not be used in any
way without a reference to the journal "Psychology
in Education" and the author(s) of the material in question.

Редактор В. М. Махтина

Редакторы английского текста И. А. Наговицына, А. С. Самарский

Корректор А. Е. Смирнова

Оформление обложки О. В. Рудневой

Верстка А. М. Ходан

Санкт-Петербург, 2021

© Российский государственный

педагогический университет им. А. И. Герцена, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья главного редактора	221
Особенности познавательной деятельности и личности современных детей, подростков и молодежи в контексте проблем обучения	222
Ольховская С. С. Переживание кризиса социальной идентичности в период ранней взрослости	222
Личность как субъект образования на различных этапах жизненного пути и проблемы психологии воспитания	248
Andreevsky E. V., Khudyakov A. I., Paderno P. I. Security officers for hazardous industrial facilities: Validating a perspective system of job-related psychological selection	248
Виноградов П. Н., Яркин П. А. Этико-психологические основания социоприродного взаимодействия	257
Кухтова Н. В. Структурные компоненты просоциальной личности специалистов, ориентированных на оказание помощи	273
Никифоров О. В. Проявления различных видов интеллекта и успешность деятельности представителей социономических профессий (на примере продавцов)	288
Реброва Н. П. Гендерные стереотипы: социокультурная или биологическая обусловленность?	304
Шейнов В. П., Девицын А. С. Личностные корреляты зависимости от смартфона женщин и мужчин	313
Шингаев С. М. Психологическая оценка программ обучения, направленных на сохранение и укрепление профессионального здоровья менеджеров	329
Цифровая эволюция современного образования: психологическая теория и практика	339
Коробова Е. В., Васильева С. В. Психологическая адаптация к обучению с использованием дистанционных образовательных технологий обучающихся, имеющих перерыв в получении образования	339
Клинические и образовательные аспекты психологии здоровья	352
Балтийская Д. А., Пархоменко О. Г. Особенности взаимоотношений со сверстниками дошкольников с общим недоразвитием речи	352

CONTENTS

Introductory article by the Editor-in-chief.	221
Special aspects of cognitive activity in modern children, teenagers and young adults in the context of educational issues.	222
<i>Olkhovskaya S. S.</i> Social identity crisis in early adulthood	222
An individual as an active element of education and the issues of education psychology ...	248
<i>Andreevsky E. V., Khudyakov A. I., Paderno P. I.</i> Security officers for hazardous industrial facilities: Validating a perspective system of job-related psychological selection	248
<i>Vinogradov P. N., Yarkin P. A.</i> Ethical and psychological foundations of socio-natural interaction	257
<i>Kukhtova N. V.</i> Structural components of the prosocial personality of assistance-oriented professionals	273
<i>Nikiforov O. V.</i> Various types of intelligence and professional success in human interaction professions (case study of salespeople)	288
<i>Rebrova N. P.</i> Gender stereotypes: Sociocultural or biological conditioning?	304
<i>Sheinov V. P., Dziavitsyn A. S.</i> Personality traits correlated with smartphone addiction in women and men	313
<i>Shingaev S. M.</i> Psychological assessment of training programs aimed at maintaining and strengthening the professional health of managers	329
Digital evolution of modern education: Psychological theory and practice.	339
<i>Korobova E. V., Vasileva S. V.</i> Psychological adaptation of students continuing their education after a break to distance learning	339
Clinical and educational aspects of health psychology	352
<i>Baltiyskaya D. A., Parhomenko O. G.</i> Relationships of pre-schoolers with delayed speech development with their peers	352

Вступительная статья главного редактора

Здравствуйте, уважаемые читатели!

В очередной, одиннадцатый по счету выпуск журнала «Психология человека в образовании» преимущественно вошли статьи, характеризующие психологические аспекты профессиональной деятельности людей, занятых в разных сферах жизни. Проблемы профессионализации, как первичной, так и вторичной, неразрывно связаны с образовательной активностью человека, которая в современных условиях не просто является «инструментом» получения знаний, умений и навыков, позволяющих выполнять те или иные трудовые функции в рамках конкретного вида профессиональной деятельности, но приобретает принципиально иной статус. Этот статус обеспечивает человеку возможности для профессионального самоопределения, поддерживая и укрепляя мотивацию профессионального саморазвития и самосовершенствования. Одной из задач современного образования становится сопровождение профессионального становления личности на протяжении всего жизненного пути.

В современной социальной ситуации процессы профессионального становления личности происходят в условиях стремительно возрастающей неопределенности, причины которой связаны с трансформацией рынка труда, новыми требованиями к личности профессионала в различных видах деятельности, изменениями перечня востребованных компетенций, увеличением значимости так называемых надпрофессиональных навыков (soft skills), не связанных с конкретными областями профессиональной деятельности. В таких условиях задача формирования исчерпывающего списка профессиональных компетенций, необходимых людям, занятым в конкретных сферах профессиональной деятельности, является абсолютно невыполнимой. В этих условиях профессиональное становление личности, по сути, осуществляется на фоне отсутствия конкретных ориентиров, которые позволяли бы рефлексировать свои профессиональные возможности в единой для той или иной профессиональной области системе координат.

В контексте наблюдаемой сегодня дестандартизации жизненного пути, обуславливающей широкое разнообразие потенциально возможных траекторий профессионального и карьерного развития, в особенно трудной ситуации оказываются молодые люди. Они вынуждены принимать жизненно важные решения, связанные с профессиональным самоопределением, в ситуации отсутствия «эталонных моделей» профессиональных и карьерных выборов. Проблема дестандартизации профессиональных траекторий, безусловно, затрагивает и людей, находящихся на более поздних этапах профессионализации. В связи с этим сегодня многократно возрастает значение профессиональной субъектности, формирующейся и укрепляющейся в ходе профессионализации личности и позволяющей самостоятельно ориентироваться в многообразии возможностей профессиональной самореализации в современном мире, успешно выстраивать свой профессиональный путь в условиях неопределенности, эффективно решать новые профессиональные задачи.

Становление профессиональной субъектности, развитие которой является сегодня одной из важнейших задач образования, связано с формированием тех личностных компетенций, которые будут способствовать эффективному осуществлению профессионального выбора в масштабе конкретной профессиональной ситуации, отдельного отрезка профессионального пути, жизненного пути в целом. Решение этой задачи возможно только с опорой на результаты научных исследований, посвященных различным психологическим аспектам профессиональной активности, осуществляемой в условиях возрастающей неопределенности. Мы надеемся, что статьи, опубликованные в текущем выпуске нашего журнала, позволят уточнить представления о психологическом содержании различных видов профессиональной деятельности, осуществляемых в современном социальном контексте, и тем самым внесут вклад в решение одной из острейших проблем сегодняшнего образования — сближение содержания профессионального образования с реальными потребностями рынка труда.

Интересного чтения и до новых встреч на страницах нашего журнала!

*Лариса Александровна Цветкова,
академик, вице-президент Российской академии образования, профессор РГПУ им. А. И. Герцена*

Check for updates

Особенности познавательной
деятельности и личности современных
детей, подростков и молодежи в контексте
проблем обучения

УДК 159.9

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-222-247>

Переживание кризиса социальной идентичности в период ранней взрослости

С. С. Ольховская^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Софья Сергеевна Ольховская,
e-mail: sofiaolhovskaya@gmail.com

Для цитирования:

Ольховская, С. С. (2021)
Переживание кризиса социальной
идентичности в период ранней
взрослости. *Психология человека
в образовании*, т. 3, № 3, с. 222–247.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-222-247>

Получена 20 марта 2021; прошла
рецензирование 24 марта 2021;
принята 11 мая 2021.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © С. С. Ольховская (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Введение: Статья посвящена изучению переживания кризиса социальной идентичности в период ранней взрослости. Проживание кризиса является важным условием адаптации молодых людей, при этом в настоящее время в обществе наблюдается размытие критериев взрослости, в связи с чем изучение идентичности молодых людей в современных условиях является актуальным. Целью исследования было выявление особенностей переживания кризиса социальной идентичности в период ранней взрослости.

Материалы и методы: В исследовании приняли участие 58 человек, выборка делилась по критериям трудовой занятости и осознания проблемной идентичности. Выявлены статистически значимые различия в структуре идентичности работающих и неработающих молодых людей, а также юношей и девушек с благополучной и проблемной идентичностью. **Результаты исследования:** Юноши и девушки, имеющие работу, выше оценивают свой потенциал и в предметной деятельности, и в сфере общения. Значимость восприятия себя как участника близких межличностных отношений и персональная идентичность выше у работающих молодых людей. Неработающие юноши и девушки более склонны оценивать собственные стремления и упоминать актуальные состояния и переживания при описании себя. Кроме того, они чаще дают себе негативную оценку и отмечают проблемную идентичность.

Юношей и девушек без проблем в самоидентификации отличает более высокая оценка собственной подверженности эмоциональному реагированию. Внимание к персональному Я выше у людей с благополучным прохождением кризиса идентичности. При этом для них более значимы сфера работы и сфера отношений с другими.

Экзистенциальное описание своей личности чаще встречается у юношей и девушек с проблемной идентичностью. Люди в этой группе чаще опираются на ситуативные характеристики при самоописании, а также ниже оценивают свои способности в предметной деятельности, чем вторая группа. Молодые люди с проблемной идентичностью реже указывают свои интересы и оценивают собственную деятельность.

Результаты исследования показали, что идентификация с социальной ролью работающего является одним из признаков успешного разрешения кризиса идентичности, а наличие проблемной идентичности связано с блокировкой социального развития.

Заключение: Полученные результаты могут послужить материалом для создания программ индивидуального консультирования юношей и девушек, а также профилактической работы.

Ключевые слова: ранняя взрослость, кризис, идентичность, социальная идентичность, социальная роль, проблемная идентичность.

Social identity crisis in early adulthood

S. S. Olkhovskaya✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Sofya S. Olkhovskaya,
e-mail: sofiaolhovskaya@gmail.com

For citation:

Olkhovskaya, S. S.
(2021) Social identity crisis in early adulthood. *Psychology in Education*, vol. 3, no. 3, pp. 222–247.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-222-247>

Received 20 March 2021;
reviewed 24 March 2021;
accepted 11 May 2021.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © S. S. Olkhovskaya (2021). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](#).

Abstract. Introduction: This article focuses on the experience of the crisis of social identity in early adulthood, which is a major factor in young adults' social adaptation. Notably, the criteria of maturity are now being eroded, making the study of young adults' identity all the more relevant in the current conditions. This study specifically focuses on what makes the experience of social identity crisis in early adulthood distinct.

Materials and methods: The study involved 58 people, who were grouped by employment status and self-report of problematic identity. Statistically significant differences were identified in the identities of employed and unemployed participants, as well as those reporting a crisis of identity and lack thereof.

Results of the study: Employed men and women have a higher assessment of their potential both in terms of their career and social relationships. They also assign more value to their close interpersonal relations and have a higher level of personal identity. Unemployed young people are more likely to reference their own aspirations and mention current states and experiences when describing themselves. Additionally, they are more likely to give a negative assessment of their own personality and note a problematic identity. Young people not undergoing an identity crisis tend to see themselves as more prone to emotion-based responses. People who have successfully overcome an identity crisis also pay more attention to their Self, focusing on their work sphere and relations with others.

The existential outlook on their personal identity is more prevalent in men and women undergoing an identity crisis. They tend to use situational traits to describe themselves and have a lower assessment of their abilities in their chosen field. They reference their interests and activities less often.

The study has shown that one's identification with the social role of a working person is a mark of successful identity crisis resolution, while a problematic identity is associated with stunted social development.

Conclusion: The results obtained can serve as a material for creating individual counselling programmes for young people as well as in preventive counselling.

Keywords: early adulthood, crisis, identity, social identity, social role, problematic identity.

Введение

В период перехода от юности к ранней зрелости молодые люди сталкиваются с необходимостью трансформации образа «Я», обретения и выполнения новых социальных ролей, что призвано обеспечить успешную социализацию и адаптацию в обществе. В сознании юноши или девушки на этот момент должен сложиться эталонный образ взрослого человека, ориентируясь на который, молодой человек будет иметь возможность сопоставлять знание о себе и свое представление о «взрослом». Известно, что изменение социальной идентичности сопровождается переживаниями человека в связи с необходимостью преодоления разрыва между реальным «Я» и тем эталоном, который он установил себе сам, ориентируясь на собственные представления и давление социума. При этом

в современном обществе мы можем наблюдать несоответствие тех требований, которые предъявляют молодому человеку социальная ситуация в современном мире и общество «взрослых», социализация и формирование личности которых произошли в другой культурной среде, и его представлений о том, каким должен быть «взрослый» (Толстых 2015). Данное расхождение может порождать внутреннее напряжение у молодых людей и вызывать сложности на пути к формированию личностной зрелости и восприятию себя как взрослого человека.

В научной психологии понятие зрелости рассматривается с точки зрения внутреннего субъективного ощущения себя взрослым человеком (Ильин 2012). При этом известно, что нынешняя молодежь даже при равных условиях реже идентифицирует себя со зрелостью и чаще относит себя к категории «детей», находясь

по биологическим классификациям уже в возрасте ранней взрослости (Микляева 2016).

Сравнение чувства взрослости у подростков в 1989 г. и 2014 г. существенно отличается в пользу первых (Швец 2014). Данный термин автор заимствует из концепции Эльконина, где под чувством взрослости понимается «особая форма самосознания, которая формируется в процессе усвоения различных образцов и эталонов взрослой жизни путем подражания своего поведения и деятельности к этим образцам. При этом приобретение статуса взрослого человека теряет свою значимость» (Ефимова 2014).

Кроме того, значимость заключения брака и создания семьи значительно снизилась в сравнении с предыдущими поколениями (Витковский, Кузнецова 2019). Мнения ученых по поводу сложившейся ситуации значительно расходятся: с одной стороны, данный феномен можно объяснить нежеланием молодых людей брать на себя дополнительные обязанности, а следовательно, инфантилизмом молодежи, а с другой — существующей свободой в нынешних культурных условиях, желанием построить карьеру и подойти к браку личностно зрелым и способным взять ответственность за семью (Толстых 2015).

Важно также отметить, что сегодня молодые люди не доверяют традиционным каналам информации и устоявшимся ранее эталонам, в связи с чем возникает противостояние разных ценностей и взглядов, а возможности идентификации увеличиваются (Бугайчук, Коряковцева 2018).

В зарубежных исследованиях также отмечают утрату прежних норм и ориентиров в процессе взросления и принятия новых социальных ролей и связывают данный феномен с изменениями в социально-экономической среде (Mortimer, Moen 2016). Среди других факторов, существенно выделяющих реальность XX века и влияющих на социально-психологические процессы, называют глобализацию и неограниченный доступ к информации (Maddi 2013).

Исходя из вышесказанного, становится понятно, что маркеры взрослости претерпевают значительные изменения. К примеру, формально обладая всеми возможностями для реализации своих гражданских, имущественных, экономических и других прав, закрепленных законодательством, молодые люди продолжают идентифицировать себя с социальной группой «детей». Чаще всего это происходит в связи с тем, что определяющими социальными ролями для молодежи становятся роль «обучающегося» и семейная роль «ребенка». Удлиняющийся

период детства связывают с изменениями культурных условий, повышенным влиянием на социальные институты информационной среды, пропагандирующей детство как приоритетный возрастной этап в жизни человека (Толстых 2015). Кроме того, данный период характеризуется неопределенностью личностных смыслов, что усложняет возможность опоры в процессе взросления молодых людей на определенные ориентиры (Безгодова 2017). Данный факт усугубляется все более теряющими свою значимость ценностями семьи и опыта старшего поколения, на основе которых можно было бы построить собственную траекторию жизненного пути. В связи с возрастающей опасностью жизни в современном мире дети часто подвергаются повышенному контролю со стороны родителей, что не может не сказаться на отсутствии готовности к взрослению в более старшем возрасте (Морозова 2015). При этом средства массовой коммуникации, являясь основным информационным каналом, все чаще транслируют привлекательность периода детства, оказывая влияние на нынешнюю молодежь, являющуюся главным потребителем их услуг (Соболь 2012). Внутреннее осознание несоответствия своего социально-ролевого поведения тем требованиям, которые предъявляются представителями старшего поколения к определенному возрасту, способно вызывать негативные состояния и ощущения собственной неадаптивности. Несмотря на изменяющиеся культурные условия, личностная незрелость до сих пор активно осуждается со стороны общества. При этом психологически зрелым можно считать человека, нашедшего свое место в социальной среде, готового выполнять соответствующие социальные роли (Калашникова 2014).

Кроме того, в период ранней взрослости юноши и девушки впервые сталкиваются с необходимостью принятия супружеских и профессиональных ролей. При этом формирование идентичности и смысловой структуры продолжается. Возникает ситуация, когда молодой человек должен соответствовать общественным требованиям, но далеко не всегда оказывается к этому личностно готовым (Климов 2001).

Таким образом, приобретение статуса взрослого человека подразумевает под собой смену основной деятельности (в данный период часто заканчивается профессиональное обучение, за которым следует начало трудовой деятельности) и изменение семейных ролей (создание собственной семьи), овладение новыми формами поведения, соответствующими социальным представлениям о «взрослом», эмоциональную

и экономическую сепарацию от родителей, а также раскрытие внутреннего потенциала и возможностей, позволяющих успешно функционировать в обществе.

При этом известно, что начало трудовой активности, а также усвоение новых семейных ролей является одним из самых значимых периодов на протяжении всего жизненного пути человека, что, безусловно, объясняет влияние данного процесса на все личностные характеристики. Затруднение вхождения в новый социальный круг и реализации только приобретаемых способов поведения способно вызвать состояние фрустрации и ощущение собственной некомпетентности и несостоятельности. В связи с этим нам представляется важным изучить, каким образом молодые люди переживают смену социальной идентичности и приобретение новых ролей в контексте современного общества.

Задачи нашего исследования:

- 1) сконструировать теоретическую модель изучения переживания кризиса социальной идентичности в период ранней взрослости на основе анализа научной литературы;
- 2) выявить особенности социальной идентичности молодых людей в условиях современного общества;
- 3) выявить особенности переживания смены социальных ролей, отраженных в характеристиках социальной идентичности, в период ранней взрослости;
- 4) сравнить факторную структуру социальной идентичности у работающих и не работающих молодых людей;
- 5) выявить особенности структуры социальной идентичности проблемным и благополучным переживанием ее кризиса.

Теоретический обзор современного состояния проблемы

В зарубежных исследованиях под социальной идентичностью понимают сочетание множества социальных категорий, к которым относит себя человек, а также усвоенную исходя из этого ценностно-смысловую и поведенческую структуру. Так, человек относит себя не к одной социальной группе, а к их набору, формируя из них цельный образ самого себя (Werner 2010).

При этом любой психологический кризис наступает тогда, когда внутренняя система координат перестает быть эффективной в решении личностью жизненных задач и проблем, а новая

еще не сформирована. С точки зрения отечественных психологов, кризис служит отправной точкой для расширения картины мира, обретения новых навыков и знаний и качественного развития личности (Духновский 2015). Другими словами, кризис переживается как неопределенность и дискомфорт, а также необходимость найти новые паттерны и ориентиры, более эффективные в контексте новых жизненных условий.

Г. М. Андреева в своей работе, посвященной изучению феномена кризиса идентичности, говорит о преобразованиях данного явления в современном мире. Например, по мнению ученого, в наше время происходит отстранение людей от стремления иметь жесткую и стабильную социальную идентичность по причине расширения репертуара всех возможных социальных групп. Другим важнейшим фактором изменения отношения современных людей по отношению к своей социальной идентичности становится смещение фокуса внимания с коллективизма на значимость индивидуальности и раскрытия своих уникальных черт (Андреева 2011).

По мнению С. Сури и К. Ишала, кризис идентичности может происходить в любой период жизненного пути, а не быть строго нормированным. Под кризисом идентичности исследователи в данном случае понимают ощущение недостаточности арсенала возможных действий и возможностей для успешного функционирования в обществе. Ситуация, в которой человек сталкивается с осознанием неадекватности и актуальной неадаптивности некоторых характеристик своего «Я», становится толчком для возникновения и протекания кризиса идентичности и последующего его разрешения (Suri, Ishala 2018). Ощущение оптимальности и конгруэнтности внутренним потребностям и внешним требованиям собственной идентичности при этом является важнейшим условием как социального, так и субъективного ощущения успешности и благополучия.

Таким образом, кризис социальной идентичности символизирует такую перемену внешних и внутренних условий, когда для человека как носителя идентичности становится заметной неэффективность прежних форм взаимодействия с миром и критериев собственного самоопределения.

Современные исследователи подчеркивают необходимость изучения профессиональной идентичности, т. к. ее успешное формирование тесно связано с адаптацией к изменившимся условиям социальной среды (Фофанова 2019).

В исследовании Г. А. Фофановой была высказана гипотеза, что в системе высшего образования существует недостаток получения практических навыков и включенности в предметную деятельность, в связи с чем юноши и девушки сталкиваются с трудностями в формировании профессиональной идентичности, что, в свою очередь, затрудняет адаптацию и приобретение независимости молодыми людьми.

Опросы современной молодежи также выявили, что юноши и девушки стремятся к противоречивой социальной адаптации: с одной стороны, возросла ценность индивидуализма и значимости личности, с другой — остается потребность в социальных контактах и объединениях (Зубок, Чупров 2018).

Исследователи трудовой адаптации молодежи отмечают, что в современных условиях юноши и девушки сталкиваются с ригидностью работодателей касательно современных изменений и новых вызовов социальной среды, в связи с чем возникает несоответствие ожиданий работодателя и актуальных потребностей молодых людей. На этой почве у молодых людей может возникать ощущение «покинутости» и отсутствия социальных опор (Гнатюк, Кротов, Самыгин 2017).

Таким образом, в области знания о переживании кризиса социальной идентичности в ранней взрослости в современных источниках транслируется необходимость пересмотра тех критериев взрослости, что были сформированы ранее в связи с изменением социальной ситуации и специфических особенностей нынешних юношей и девушек, а также изменившегося информационного поля и способов взаимодействия с поступающей информацией. Кроме того, анализ литературы показывает, что изменился и формат взаимодействия, а также его границы, что, вероятно, оказывает влияние на социализацию и адаптацию современных молодых людей в обществе.

Определения основных понятий

Идентичность — это «результат развития личности, психологический механизм формирования чувства тождественности человека самому себе, ощущения целостности в изменяющихся социальных условиях» (Соловьева 2018, 2).

Социальная идентичность — это «результат процесса социальной идентификации, под которым понимается процесс определения себя через членство в социальной группе» (Микляева, Румянцева 2008, 15).

Личная идентичность — это «набор персональных характеристик, делающих данного индивида уникальным» (Соловьева 2018, 7).

Кризис идентичности — период, в который те параметры и представления о себе, которыми руководствовался человек до кризиса, перестают быть актуальными и значимыми, а фундамент и категории для формирования новой идентичности еще не сформированы (Белинская 2018).

Под зрелостью мы понимаем готовность соответствовать тем социальным ролям, которые ожидаются со стороны общества, ощущение себя взрослым человеком и адаптированность человека в социальной среде (Ильин 2012).

Переживание — это «особое, субъективное, пристрастное отражение, причем отражение не окружающего предметного мира самого по себе, а мира, взятого в отношении к субъекту, с точки зрения предоставляемых им (миром) возможностей удовлетворения актуальных мотивов и потребностей субъекта» (Василук 1984, 10). Известно, что в психологической науке феномен идентичности рассматривается с разных сторон: как противостояние личной и социальной идентичности, как их отдельное существование, как их взаимодействие и взаимосвязь. На основании методологии интегрального синтеза мы считаем необходимым рассматривать идентичность как совокупность факторов, влияющих на ощущение себя собой и соотнесение себя с социальным миром.

Интегративное рассмотрение идентичности, на наш взгляд, основано на признании взгляда на идентичность как на целостное восприятие себя, заключающееся как в переживании человеком личной уникальности и изолированности от других людей, так и в рассмотрении себя через призму отношений с другими людьми и окружающим миром. В связи с этим на основании литературы и имеющихся данных мы можем дать следующее определение общей идентичности: внутреннее переживание аутентичности, связанное с осознанием собственной уникальности и тождественности самому себе, при одновременном соотнесении себя с остальными людьми и социальными категориями и проецированием своего Я на прошлое, будущее, настоящее (рис.).

Таким образом, под переживанием особенностей собственной идентичности мы подразумеваем оценочное отношение к структурным элементам своей идентичности и соотнесение собственных мотивационных и ценностно-смысловых структур с возможностями их реализации в предметном мире и межличностной деятельности.

В связи с тем, что социальная идентичность связана с удовлетворением множества основных

потребностей человека как субъекта социального взаимодействия, а также служит некоторым защитным механизмом и инструментом адаптации, такое переживание становится эмоционально дискомфортным для личности. Из этого следует, что человек, находясь на стадии проблемной идентичности, будет стремиться

преодолеть данное состояние, овладев новыми паттернами поведения и категориями самоопределения. Одним из переломных и значимых кризисов социальной идентичности считается кризис, приходящийся на период ранней взрослости, что и послужило отправной точкой для нашего дальнейшего исследования.

Рис. Теоретическая модель исследования

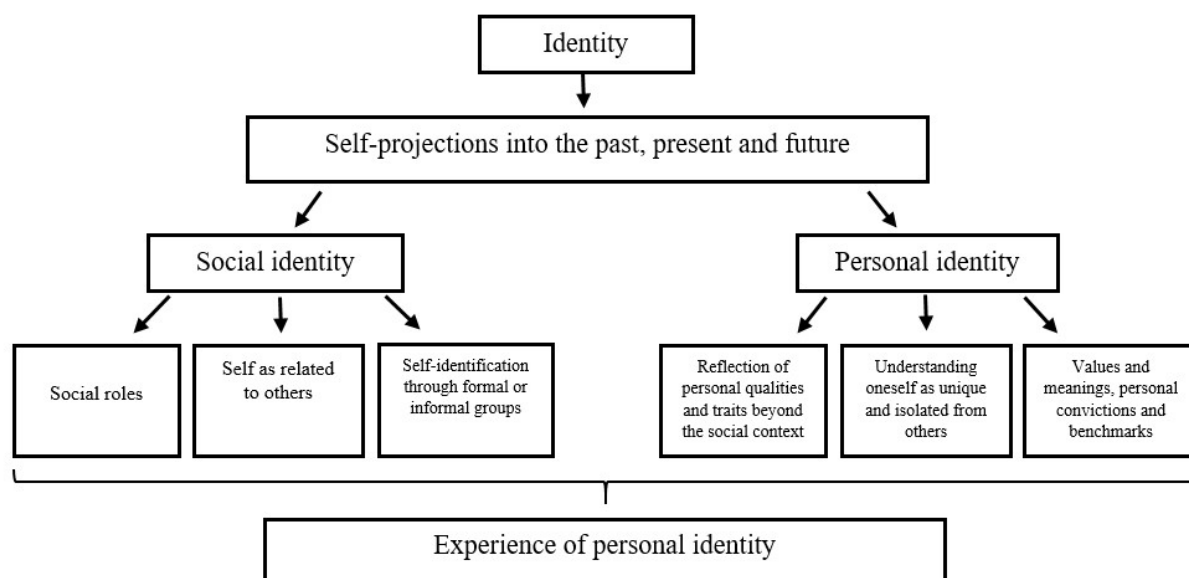

Fig. Theoretical model of the research

Организация и методы исследования

В нашем исследовании приняли участие 58 человек, средний возраст которых составляет 23,4 года. При этом выборку составили 19 юношей и 39 девушек. Все испытуемые имеют высшее образование или находятся в процессе его получения.

Объект — социальная идентичность.

Предмет — переживание кризиса социальной идентичности в ранней взрослости, отраженного в различных аспектах самоотношения.

Для изучения структуры и особенностей идентичности юношей и девушек нами были выбраны следующие методики: «Личностная и социальная идентичность» (А. А. Урбанович), «Аспекты идентичности» (Дж. М. Чик, Л. Р. Тропп), «Кто я?» (М. Кун и Т. Макпартленд).

Рассмотрение себя в контексте прошлого, будущего и настоящего, отношение к собственной жизни, а также насыщенность отдельных ее сфер изучалась при помощи «Психологической автобиографии» (Е. Ю. Коржова, Л. Ф. Бурлачук).

Самоотношение и оценка собственной адаптированности изучались при помощи следующих методик: «Франкфуртские шкалы Я-концепции», «Методика определения уровня самооффективности» (Дж. Маддукс и М. Шеер, модификация Л. Бояринцевой).

Уровень инфантилизма и незрелость отдельных аспектов психической структуры определялись при помощи опросника А. А. Серегинной «Инфантилизм». В связи с тем, что вопросы данной методики подразумевают скорее отношение к собственной зрелости и возможностям, а не объективное положение дел, по нашему мнению, результаты показывают не уровень зрелости и инфантилизма сами по себе, а переживание, т. е. оценку и субъективное представление личности об особенностях собственного Я.

Группы для сравнительного анализа отбирались по критерию наличия или отсутствия трудовой занятости, что является объективным показателем принятия новых социальных ролей. По итогу сбора данных выборка неработающих и работающих молодых людей составила 28 и 30 человек соответственно.

Кроме того, нами было проведено разделение выборки на две группы по параметру наличия проблем в процессе идентификации и отсутствия таковых (группы молодых людей с субъективно благополучной и проблемной идентичностью).

Деление производилось на основании параметра «проблемная идентичность», используемого в методике М. Куна и Т. Макпартленда «Кто я?». В группу, обозначенную как «группа молодых людей с проблемной идентичностью»,

вошли молодые люди, отметившие в самоописаниях затруднения в самоопределении и идентификации себя. В группу, обозначенную как «группа молодых людей с благополучной идентичностью», вошли молодые люди, не отмечавшие в самоописаниях затруднения в самоопределении и идентификации себя.

Результаты и их обсуждение

В связи с тем, что распределение данных не по всем параметрам соответствовало нормальному, для выявления различий между группами использовался непараметрический критерий Манна — Уитни. Кроме того, по параметрам, демонстрирующим нормальное распределение, нами был проведен факторный анализ с целью выявления структуры проблемной и благополучной идентичности.

В структуре идентичности молодых людей с проблемной и благополучной идентичностью были выявлены следующие факторы (табл. 1).

1. Благополучная идентичность юношей и девушек включает в себя «Самооценку в предметной деятельности», где успех в достижении целей и эффективность деятельности связаны со способностями устанавливать контакты и поддерживать социальные связи, «Образ-Я», вбирающий в себя и социальные, и личностные характеристики при доминировании последних, «Готовность/Неготовность к смене социальных ролей», «Направленность на внешнее/внутреннее Я», «Ориентацию на карьеру/семью», «Духовное/Материальное Я».

2. Проблемная идентичность включает в себя «Прагматичность», предполагающую направленность на предметную, «осязаемую» деятельность, а не внутреннюю реальность; «Ориентированность на ближайшее социальное окружение / общество в целом»; «Многообразие и лабильность образа-Я / устойчивость»; «Социальное принятие», которое в случае высоких значений означает субъективное ощущение социального одобрения и включенности в социальную среду, в случае низких — стремление к детализированному анализу собственных коммуникативных ролей и уход в экзистенциальное рассмотрение себя; «Зрелость личности в зависимости от половых характеристик», где мужской пол связан с низкой оценкой собственной незрелости (что мы связываем с давлением социальных стереотипов на самовосприятие юношей и девушек); «Отсутствие опыта работы», где значимым является вопрос о причинах отсутствия такового (по причине непринятия социальных ролей / в связи с актуальной кризисной ситуацией в стране / по обоим причинам сразу).

Табл. 1. Структурные компоненты социальной идентичности неработающих юношей и девушек

Названия переменных	Название факторов				
	Аспекты Я-концепции	Самооценка	Направленность и внешнее/внутреннее Я	Незрелость личности	Стабильные предпочтения
Способность к достижениям	0,693				
Способность к устранению проблем	0,681				
Самооценка	0,731				
Устойчивость	0,637				
Способность к социальным контактам	0,633				
Чувства и отношения с другими людьми	0,726				
Потенциал в предметной деятельности	0,776				
Потенциал в межличностной деятельности	0,806				
Работа	0,636				
Внутренний мир	0,699				
Здоровье	0,704				
Работа		0,699			
Личная идентичность		0,809			
Реляционная идентичность		0,750			
Социальная идентичность		0,830			
Специальная идентичность		0,812			
Поверхностная идентичность		0,791			

Табл. 1. Продолжение

Социальное Я		0,673			
Учебно-профессиональные роли		0,659			
Семейная принадлежность		0,659			
Отрицательная оценка себя		–0,642			
Общий уровень инфантилизма				0,817	
Незрелость ценностной сферы				0,721	
Незрелость рефлексивной сферы				0,835	
Незрелость преодолевающего поведения				0,661	
Еда и привычки					0,729
Деятельное Я					0,753
Интересы					0,650
Внешние фактические характеристики			0,794		
Рефлексивное Я			–0,692		
Персональное Я			–0,705		
Перспективное Я			–0,868		
Prp. Totl _____	0,14	0,13	0,09	0,10	0,09

Factor Loadings (Varimax raw)

Marked loadings are >.630000 (был выбран коэффициент, характеризующий степень применимости факторного анализа для данной выборки выше удовлетворительного 0,6 с целью сохранения достоверности полученных результатов с одной стороны и с другой стороны — для максимальной включенности переменных в описание факторной структуры).

Table 1. Structural components of the social identity of non-working boys and girls

Variables	Factors				
	Aspects of Self	Self-assessment	Internal / external Self	Personal immaturity	Stability of interests
Capacity for achievements	0.693				
Capacity for problem solving	0.681				
Self-assessment	0.731				
Stability	0.637				
Capacity for social contacts	0.633				
Feelings and relations with others	0.726				
Potential in a particular subject area	0.776				
Potential in interpersonal relations	0.806				
Job	0.636				
Inner world	0.699				
Health	0.704				
Job		0.699			
Personal identity		0.809			
Relational identity		0.750			
Social identity		0.830			
Special identity		0.812			
Surface identity		0.791			

Table 1. Completion

Social Self		0.673			
Educational and professional roles		0.659			
Family identity		0.659			
Negative self-assessment		−0.642			
General level of immaturity				0.817	
Immaturity of values				0.721	
Immaturity of reflection				0.835	
Immaturity of coping behaviour				0.661	
Food and habits					0.729
Active Self					0.753
Interests					0.650
Actual external characteristics			0.794		
Reflexive Self			−0.692		
Personal Self			−0.705		
Prospective Self			−0.868		
Prp. Totl _____	0.14	0.13	0.09	0.10	0.09

Factor Loadings (Varimax raw)

Marked loadings are >.630000. We chose the coefficient that describes the factor analysis for the sample in question as the satisfactory 0.6. This was done, on the one hand, to make the obtained data reliable, and, on the other hand, to include as many variables in the structure of factors as possible.

Структурные особенности содержания социальной идентичности работающих и неработающих юношей и девушек (табл. 2):

1. Имеющие работу юноши и девушки в основном направлены на поддержание позитивного и целостного образа Я, где физическое Я находится в гармонии с психологическими состояниями, а материальное Я — с духовным, а также ориентированы на поддержание

социального статуса и оценку себя через спонтанную деятельность.

2. Неработающие юноши и девушки, напротив, опираются на дихотомию физического и духовного, стремятся к пониманию себя, а также склонны к детализированному анализу собственной личности, вероятно, переживая состояние фрустрации, усиливающегося в связи с отсутствием возможности опереться на собственные и социальные ориентиры.

Табл. 2. Структурные компоненты социальной идентичности работающих юношей и девушек

Названия переменных	Названия факторов					
	Позитивное самоотношение	Сочетание внутреннего и материального мира	Социальный статус	Идентификация себя через групповую принадлежность	Динамичность	Образ-Я
Способность к достижениям	0,853					
Самооценка	0,761					
Способность к социальным контактам	0,666					
Предметная деятельность	0,908					
Межличностное общение	0,644					
Материальное положение		0,667				
Внутренний мир		0,667				
Здоровье	0,657					
Личная идентичность						-0,635
Коллективная идентичность						-0,797
Специальная идентичность						-0,864
Поверхностная идентичность						-0,829
Социальная роль				0,715		
Сексуальная роль			0,723			
Мировоззрение			0,852			
Групповое принятие				0,822		
Коммуникативное Я					0,774	
Дружеское Я				0,739		
Материальное Я			0,821			
Обеспеченность			0,882			
Деятельное Я		0,761				

Табл. 2. Продолжение

Интересы		0,801				
Перспективное Я					0,818	
Профессиональные перспективы			0,784			
Хаотичное поведение					0,685	
Prp. Totl	0,14	0,10	0,11	0,10	0,08	0,08

* Factor Loadings (Varimax raw)
Marked loadings are >.630000

Table 2. Structural components of social identity in working young men and women

Variables	Factors					
	Positive self-awareness	The spiritual and the material combined	Social status	Self-identification through group identity	Dynamics	Self-concept
Capacity for achievements	0.853					
Self-identity	0.761					
Capacity for social contacts	0.666					
Activity in a particular subject area	0.908					
Interpersonal communication	0.644					
Material well-being		0.667				
Inner world		0.667				
Health	0.657					
Personal identity						-0.635
Collective identity						-0.797
Special identity						-0.864
Surface identity						-0.829

Table 2. Completion

Social role				0.715		
Sex role			0.723			
Worldview			0.852			
Group acceptance				0.822		
Communicative Self					0.774	
Friendly Self				0.739		
Material Self			0.821			
Material security			0.882			
Active Self		0.761				
Interests		0.801				
Prospective Self					0.818	
Professional prospects			0.784			
Chaotic behavior					0.685	
Prp. Totl	0.14	0.10	0.11	0.10	0.08	0.08

* Factor Loadings (Varimax raw)

Marked loadings are >.630000

Достоверные различия переживания особенностей процесса самоидентификации у работающих и неработающих юношей и девушек:

1. Юноши и девушки, имеющие работу, выше оценивают свой потенциал как в предметной деятельности, так и в межличностном общении. Значимость реляционной идентичности также выше у работающих молодых людей. Исходя из того, что данный аспект идентичности предполагает оценку себя как партнера по взаимодействию, а также оценку своего вклада в существующие отношения, вероятно, у работающих юношей и девушек сильнее развит мотив принесения пользы и присутствия в социальном поле, что повышает трудовую мотивацию. В большей степени у представителей данной группы выражено многообразие персональной идентичности, что позволяет говорить о более целостном образе-Я и высоком интересе к собственной личности. Значимость

собственного внутреннего мира и опора на него положительно взаимосвязана с принятием новых социальных ролей. Однако юноши и девушки, имеющие работу, чаще отмечают негативные события, связанные с родительской семьей. Вероятно, негативный образ семьи провоцирует желание сепарироваться от нее, в связи с чем адаптация к профессиональной деятельности и финансовой независимости, происходит быстрее. Кроме того, негативная оценка отношений с родителями сопровождается сам процесс сепарации и обретения независимости, выступая тем самым мобилизующим и поддерживающим на данном этапе фактором. При этом можно отметить, что данный негативизм в предыдущих поколениях был характерен для окончания подросткового возраста и перехода в юношеский, что подчеркивалось в классических работах по возрастной психологии.

2. Оценка собственных стремлений чаще встречается в структуре идентичности неработающих юношей и девушек. Вероятно, переживание несоответствия социальным требованиям может вызывать потребность в изменении собственных характеристик. Кроме того, это может свидетельствовать о внутреннем поиске и планировании собственного развития у неработающих юношей и девушек. При этом упоминание актуальных состояний и переживаний в описании собственного Я также больше свойственно данной выборке. Вероятно, это связано с повышенным вниманием к собственным актуальным ощущениям и чувствам в период внутренних изменений. Кроме того, отвлечение от постоянных и фундаментальных характеристик собственной личности само по себе может подтверждать наличие кризиса. Юноши и девушки, не имеющие работы, чаще обозначают проблемную идентичность, что отчасти может подтверждать факт наличия конфликта между переживанием особенностей собственного Я и ожиданиями со стороны социума. При этом важно, что данная группа чаще оценивает себя в негативном ключе. Это может быть связано как с ощущением рассогласования реального

положения дел с общественными требованиями, так и с интернализацией социального осуждения. Кроме того, важна и более высокая оценка уровня собственного общего инфантилизма и его частных параметров: незрелости эмоционально-волевой и ценностной сфер, трудовой мотивации, автономности, упорядоченности поведения и навыков преодолевающего поведения. Вероятно, это связано с рядом причин, а именно: с внутренним протестом по отношению к общественным правилам и нормам, недостаточной сепарацией от родительской семьи в связи с наличием гиперопеки с ее стороны, не произошедшим профессиональным самоопределением и трудностями в самостоятельном создании и поддержании трудовых мотивов. Кроме того, недостаток навыков саморегуляции может негативно сказываться на способности личности к социальному взаимодействию и предметной деятельности и отражаться негативным образом на смене социальных ролей.

Структурные особенности содержания социальной идентичности у юношей и девушек с проблемной и благополучной идентичностью (табл. 3, табл. 4):

Табл. 3. Структурные элементы социальной идентичности юношей и девушек без проблем идентификации

Названия переменных	Названия факторов					
	Самооценка в предметной деятельности	Образ-Я	Готовность/неготовность к смене социальных ролей	Направленность на внешнее/внутреннее Я	Ориентация на карьеру/семью	Духовное/материальное Я
Способность к достижениям	0,834					
Самооценка	0,687					
Способность к социальным контактам	0,701					
Чувства и отношения с другими	0,779					
Потенциал в предметной деятельности	0,837					
Потенциал в межличностной деятельности	0,695					
Работа	0,663					

Табл. 3. Продолжение

Наличие работы в актуальный момент			–0,702			
Наличие работы до пандемии коронавируса			–0,680			
Инфантилизм			0,794			
Незрелость ценностной сферы			0,634			
Зависимость			0,640			
Личная идентичность		0,805				
Реляционная идентичность		0,740				
Социальная идентичность		0,666				
Специальная идентичность		0,790				
Поверхностная идентичность		0,776				
Учебно- профессиональные роли		0,682				
Физическое Я				0,725		
Внешние фактические характеристики				0,653		
Рефлексивное Я				–0,791		
Персональное Я				–0,759		
Отрицательная оценка своих характеристик				–0,659		
Семейные роли					–0,763	
Профессиональная перспектива					0,743	
Отношения						–0,805
Материальное Я						0,630
Prp. totl	0,11	0,08	0,10	0,10	0,08	0,07

Factor Loadings (Varimax raw)

Marked loadings are >,630000

Table 3. Structural components of social identity in young men and women with non-problematic identity

Variables	Factors					
	Self-assessment as regards activity in a particular subject area	Self-concept	Readiness/lack of readiness to change social roles	Orientation towards internal/external Self	Orientation towards career/family	Spiritual/material Self
Capacity for achievements	0.834					
Self-assessment	0.687					
Capacity for social contacts	0.701					
Feelings and relations with others	0.779					
Potential in a particular subject area	0.837					
Potential in interpersonal activity	0.695					
Job	0.663					
Current employment			–0.702			
Employment before the Covid-19 pandemic			–0.680			
Immaturity			0.794			
Immaturity of values			0.634			
Dependence			0.640			
Personal identity		0.805				
Relational identity		0.740				
Social identity		0.666				
Special identity		0.790				
Surface identity		0.776				
Educational and professional roles		0.682				
Physical Self				0.725		
Actual external characteristics				0.653		
Reflexive Self				–0.791		

Table 3. Completion

Personal Self				–0.759		
Negative assessment of one's traits				–0.659		
Family roles					–0.763	
Professional prospects					0.743	
Relations						–0.805
Material Self						0.630
Prp. totl	0.11	0.08	0.10	0.10	0.08	0.07

Factor Loadings (Varimax raw)

Marked loadings are >.630000

Табл. 4. Структурные компоненты социальной идентичности юношей и девушек с проблемной идентичностью

Названия переменных	Названия факторов					
	Прагматичность	Ориентированность на ближайшее социальное окружение/общество в целом	Многообразие и лабильность образа-Я/устойчивость	Социальное принятие	Зрелость личности в зависимости от половых хар-к	Отсутствие опыта работы
Способность к достижениям	0,758					
Способность к устранению проблем	0,916					
Самооценка	0,814					
Предметная деятельность	0,800					
Здоровье	0,764					
Общество	0,675					
Будущее	0,828					
Незрелость эмоционально-волевой сферы	–0,829					
Социальное Я		0,913				
Сексуальные роли		0,730				

Табл. 4. Продолжение

Учебно-профессиональные роли		0,671				
Семейная принадлежность		0,782				
Групповая принадлежность		0,812				
Общество		-0,635				
Внешние характеристики		0,706				
Финансовая зависимость			0,641			
Устойчивость			-0,701			
Личная			0,774			
Реляционная			0,662			
Коллективная			0,638			
Специальная			0,699			
Еда, привычки			-0,648			
Персональное Я			0,836			
Положительная оценка своих характеристик			0,662			
Оценивание со стороны окружающих				0,649		
Коммуникативное Я				-0,838		
Дружеские роли				-0,719		
Оценка реализации коммуникативных ролей				-0,689		
Экзистенциальное Я				-0,738		
Мужской пол					-0,716	
Инфантилизм					0,745	
Незрелость ценностной сферы					0,673	
Незрелость рефлексивной сферы					0,696	
Зависимость					0,841	

Табл. 4. Продолжение

Наличие работы в актуальный момент						-0,901
Наличие работы до актуального кризиса в стране						-0,903
Prp. totl	0,18	0,19	0,13	0,10	0,11	0,09

Factor Loadings (Varimax raw)

Marked loadings are >.630000

Table 4. Structural components of social identity in young men and women with problematic identity

Variables	Factors					
	Pragmatism	Orientation towards an immediate social environment/society at large	Diversity and lability of the Self-concept/stability	Social acceptance	Gender-related personal maturity	Lack of prior employment experience
Capacity for achievements	0.758					
Capacity for problem solving	0.916					
Self-assessment	0.814					
Activity in a particular subject area	0.800					
Health	0.764					
Society	0.675					
Future	0.828					
Immaturity of emotions and volition	-0.829					
Social Self		0.913				
Sex roles		0.730				
Educational and professional roles		0.671				
Family identity		0.782				
Group identity		0.812				

Table 4. Completion

Society		–0.635				
External characteristics		0.706				
Financial dependence			0.641			
Stability			–0.701			
Personal			0.774			
Relational			0.662			
Collective			0.638			
Special			0.699			
Food and habits			–0.648			
Personal Self			0.836			
Positive assessment of one's traits			0.662			
Assessment by other people				0.649		
Communicative Self				–0.838		
Roles in friendship				–0.719		
Assessment of the implementation of communicative roles				–0.689		
Existential Self				–0.738		
Male gender					–0.716	
Immaturity					0.745	
Immaturity of values					0.673	
Immaturity of reflection					0.696	
Dependence					0.841	

Table 4. Completion

Current employment						–0.901
Employment before the current crisis						–0.903
Prp. totl	0.18	0.19	0.13	0.10	0.11	0.09

Factor Loadings (Varimax raw)

Marked loadings are >.630000

1. Юноши и девушки без проблем в самоидентификации характеризуются целостным восприятием себя, ориентируясь и на свою уникальность, и на взаимодействие с социумом, опираясь при этом на личные взгляды и ориентиры и рассматривая себя прежде всего в актуальный момент, без сильной перспективы на будущее.

2. У юношей и девушек с проблемной идентичностью, напротив, осознание многообразия и разносторонности собственной идентичности и психической структуры может приводить к негативному восприятию собственной личности. Кроме того, в то время как юноши и девушки с благополучной идентичностью ориентированы и на общественные ценности, и на собственные представления, молодые люди с проблемной идентичностью, вероятно, направлены скорее на ближайшее социальное окружение, чем на общественные критерии и нормы, что может быть обусловлено их стремлением найти четкие и «осязаемые» опоры при разрешении кризиса. Мы получили достоверные различия переживания процесса самоидентификации у юношей и девушек с проблемной и благополучной идентичностью:

1. Юношей и девушек без проблем в самоидентификации отличает более высокая оценка собственной уязвимости и подверженности эмоциональному реагированию. Внимание к своему персональному Я также выше у людей с благополучным прохождением кризиса идентичности. При этом для них более значима сфера работы и отношений с другими в процессе формирования образа-Я. Вероятно, наличие четко выраженных карьерных стремлений и видение области профессионального развития, а также восприятие себя как субъекта социального взаимодействия помогает юношам и девушкам сформировать целостное и благополучное переживание особенностей самого себя. Для юношей и девушек с благополучным

прохождением кризиса идентичности более значим акцент в самовосприятии на «зеркальное Я». Мы можем предполагать, что значимость данной категории при идентификации помогает в этот возрастной период в формировании благополучного переживания особенностей собственной идентичности.

2. Экзистенциальное описание своей личности (отличающееся при этом «обезличенностью» характеристик, отсутствием акцента на своей уникальности) чаще встречается у юношей и девушек с проблемным прохождением кризиса идентичности, что может быть способом преодоления чувства изоляции при помощи стирания различий с другими людьми, а также свидетельствовать об экзистенциальных переживаниях кризиса идентичности. Кроме того, люди этой группы в большей степени склонны называть ситуативные характеристики при описании себя, что, вероятно, свидетельствует о повышенной концентрации на актуальных переживаниях, а также отсутствии стабильного и четкого представления о себе. При этом юноши и девушки с проблемным прохождением кризиса идентичности оценивают свои способности в предметной деятельности ниже, чем представители второй группы. Вероятно, это может быть связано как с неблагоприятным опытом и его социальным подтверждением, так и с влиянием кризисного состояния на самооценку и восприятие себя. В связи с тем, что большинство испытуемых с проблемной идентичностью не имеют работы (75%), мы можем предположить о влиянии социальных требований в сфере принятия профессиональных ролей на внутреннее самоощущение юношей и девушек. Кроме того, вероятно, проблемная идентичность может сама по себе затруднять адаптацию в социуме и освоение новых социальных функций. При этом молодые люди с проблемной идентичностью реже указывают свои интересы и оценивают собственную деятельность

в процессе самоописания, что может говорить о негативном восприятии, нестабильности и неопределенности своих актуальных предпочтений, а также неуверенности в области предметной деятельности. Также юноши и девушки с проблемной идентичностью чаще положительно отзываются о событиях, связанных с учебой. Мы предполагаем, что это связано со стремлением молодых людей в процессе преодоления кризиса найти опору в прошлых учебных достижениях, возвращении в психологически благополучное и устойчивое состояние.

На наш взгляд, важным также является отсутствие различий у девушек и юношей с проблемным и благополучным прохождением кризиса идентичности в отношении смены семейных ролей и перспектив развития в данной сфере. В связи с этим мы можем предполагать, что современные юноши и девушки в данный возрастной период в основном не склонны испытывать негативные переживания в связи с отсутствием собственной семьи и детей. Отметим, что создание семьи и рождение детей не входит в перспективные планы подавляющего большинства участников нашего исследования. Кроме того, наименее важными и насыщенными для всех групп стали сферы физической среды, природы и общества как широкой и формальной категории, в связи с чем мы предполагаем тенденцию к концентрации современных юношей и девушек на ближайшем социальном окружении и своей личности, т. е. значимость скорее индивидуальных, а не коллективных интересов. Таким образом, нами были выявлены различия в структурах проблемной и благополучной идентичности, а также идентичности работающих и неработающих молодых людей, в характере переживания особенностей собственной идентичности каждой из групп. Кроме того, нам удалось выявить переживания как самих особенностей собственной идентичности современными юношами и девушками, так и особенности переживания кризиса социальной идентичности, связанного по объективному критерию с нормативной сменой социальных ролей, а также с субъективным представлением о самом себе в контексте отношений с собой и социальной средой.

Выводы

Таким образом, идентификация с социальной ролью работающего является одним из признаков успешного разрешения кризиса идентичности: юноши и девушки, имеющие работу, реже обозначают собственную проблемную идентичность и в целом демонстрируют более положительное отношение к себе. Наличие проблемной идентичности связано с блокировкой социального развития, при этом юноши и девушки, обозначившие проблемы с идентификацией, демонстрируют более негативные переживания относительно потенциала и способностей своей личности. Кроме того, нам удалось выявить содержательные различия в структуре идентичности работающих и не работающих юношей и девушек, а также подтвердить предположение о том, что современные юноши и девушки более направлены на карьеру, собственную личность, материальное благополучие и межличностные отношения, чем на построение семьи, заботу о здоровье и включение в макросоциальные процессы в контексте формирования идентичности.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

При проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics approval

During the research, the ethical principles provided for research involving humans and animals were observed.

Литература

Андреева, Г. М. (2011) К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций. *Психологические исследования*, № 6 (20), статья 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580-andreeva20.html#e3> (дата обращения 18.03.2021).

- Безгодова, С. А. (2017) Социальная психология взросления: к постановке проблемы исследования в рамках интегративного подхода. В кн.: Е. Ю. Коржова (ред.). *Интегративный подход к познанию психологии человека*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. А. Герцена, с. 223–233.
- Белинская, Е. П. (2018) Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология и Педагогика*, т. 8, № 1, с. 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>
- Васильюк, Ф. Е. (1984) *Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций)*. М.: Изд-во Московского университета, 200 с.
- Витковский, Е. О., Кузнецова, О. З. (2019) Современное отношение молодежи к семье и браку. *Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ*, спец. выпуск 6, статья 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/S06/00661.pdf> (дата обращения 28.06.2021).
- Духновский, С. В. (2015) Кризис и его переживание личностью: результаты эмпирического исследования. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*, т. 21, № 2, с. 30–35.
- Ефимова, Г. З. (2014) Социальный инфантилизм студенческой молодежи как фактор противодействия модернизации современного российского общества. *Интернет-журнал Науковедение*, № 6 (25), статья 9. <http://dx.doi.org/10.15862/09PVN614>
- Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. (2018) Смыслжизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи. *Научный результат. Социология и управление*, т. 4, № 3, с. 3–12. <http://dx.doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1>
- Ильин, Е. П. (2012) *Психология взрослости*. СПб.: Питер, 544 с. (Мастера психологии).
- Калашникова, Е. М. (2014) «Кризис идентичности» и исследование культуры самосознания современного человека. *Вестник Вятского государственного университета*, № 11, с. 14–18.
- Климов, И. А. (2001) Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности. В кн.: Т. Г. Стефаненко (ред.). *Трансформация идентификационных структур в современной России*. М.: Московский общественный научный фонд, с. 54–81.
- Коряковцева, О. А., Бугайчук, Т. В. (2018) Молодежь России: кризис гражданской идентичности. *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*, № 1, с. 140–150.
- Микляева, А. В. (2016) Зрелость и инфантилизм личности в социальных представлениях различных поколений. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, т. 5, № 4 (17), с. 473–477.
- Микляева, А. В., Румянцева, П. В. (2008) *Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 118 с.
- Морозова, С. В. (2015) Психологические проблемы инфантилизма у современной молодежи. В кн.: *Наука ЮРГУ. Материалы 67-й научной конференции 14–17 апреля 2015 г.* Челябинск: Изд-во Южно-Уральского государственного университета, с. 1265–1271.
- Самыгин, С. И., Гнатюк, М. А., Кротов, Д. В. (2017) Особенности трудовой адаптации российской молодежи на рынке труда. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, № 11, с. 61–65.
- Соболь, Т. В. (2012) Проблема формирования социальной идентичности в условиях глобальных общественных изменений. *Философия и космология*, т. 11, с. 211–230.
- Соловьева, С. Л. (2018) Идентичность как ресурс выживания. *Медицинская психология в России*, т. 10, № 1 (48), статья 5. <http://dx.doi.org/10.24411/2219-8245-2018-11050>
- Толстых, Н. Н. (2015) Современное взросление. *Консультативная психология и психотерапия*, т. 23, № 4 (88), с. 7–24. <http://dx.doi.org/10.17759/cpp.2015230402>
- Фофанова, Г. А. (2019) Проблема исследования профессиональной идентичности в период ранней взрослости. В кн.: И. В. Казакова, И. В. Олюнина (ред.). *Женщины-ученые Беларуси и Китая. Материалы международной научно-практической конференции. Минск, 15 марта 2019 г.* Минск: Изд-во БГУ, с. 67–70.
- Швец, Ф. А. (2014) Чувство взрослости у современных российских подростков: на основе сравнения с исследованиями 80-х годов XX века. В кн.: В. Т. Кудрявцев (ред.). *Мышление и речь: подходы, проблемы, решения: Материалы XV Международных чтений памяти А. С. Выготского. Москва, 17–21 ноября 2014 г.* Т. 2. М.: Левъ, с. 319–327.
- Bohleber, W. (2010) *Destructiveness, intersubjectivity and trauma: The identity crisis of modern psychoanalysis*. London: Routledge, 236 p. <https://doi.org/10.4324/9780429473623>
- Maddi, S. R. (2013) *Hardiness: Turning stressful circumstances into resilient growth*. New York; London: Springer, 88 p. (Springer briefs in psychology). <https://doi.org/10.1007/978-94-007-5222-1>
- Mortimer, J. T., Moen, P. (2016) The changing social construction of age and the life course: Precarious identity and enactment of “early” and “encore” stages of adulthood. In: M. J. Shanahan, J. T. Mortimer, M. K. Johnson (eds.). *Handbook of the life course. Vol. 2*. Heidelberg; Switzerland: Springer, pp. 111–129. (Handbooks of sociology and social research). https://doi.org/10.1007/978-3-319-20880-0_5
- Suri, S., Ishala, K. (2018) Identity crisis, procrastination and academic motivation among university students. *Journal of Education and Management Studies*, vol. 8, no. 1, pp. 148–152.

References

- Andreeva, G. M. (2011) K voprosu o krizise identichnosti v usloviyakh sotsial'nykh transformatsij [On the question of identity crisis in the context of social transformations]. *Psikhologicheskie issledovaniya*, no. 6 (20), article 1. [Online]. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580-andreeva20.html#e3> (accessed 18.03.2021). (In Russian)
- Belinskaya, E. P. (2018) Sovremennye issledovaniya identichnosti: ot strukturnoj opredelennosti k protsessual'nosti i nezavershennosti [Modern identity studies: from structural certainty to processality and incompleteness]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psikhologiya i pedagogika*, vol. 8, no. 1, pp. 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101> (In Russian)
- Bezgodova, S. A. (2017) Sotsial'naya psikhologiya vzrosleniya: k postanovke problemy issledovaniya v ramkakh integrativnogo podkhoda [Social psychology of growing up: To the formulation of the research problem within the framework of an integrative approach]. In: E. Yu. Korzhova (ed.). *Integrativnyj podkhod k poznaniyu psikhologii cheloveka [An integrative approach to cognition of human psychology]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ., pp. 223–233. (In Russian)
- Bohleber, W. (2010) *Destructiveness, intersubjectivity and trauma: The identity crisis of modern psychoanalysis*. London: Routledge, 236 p. <https://doi.org/10.4324/9780429473623> (In English)
- Dukhnovskij, S. V. (2015) Krizis i ego perezhivanie lichnost'yu: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya [The crisis and its experience as a person: The results of empirical research]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika — Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Social Work. Juvenology. Sociokinetics*, no. 2 (36), pp. 51–55. (In Russian)
- Efimova, G. Z. (2014) Sotsial'nyj infantilizm studencheskoj molodezhi kak faktor protivodejstviya modernizatsii sovremenno go rossijskogo obshchestva [Social infantilism of student youth as a factor in counteracting the modernization of modern Russian society]. *Internet-zhurnal Naukovedenie*, no. 6, article 9. <http://dx.doi.org/10.15862/09PVN614> (In Russian)
- Fofanova, G. A. (2019) Problema issledovaniya professional'noj identichnosti v period rannej vzroslosti [The problem of researching professional identity in early adulthood]. In: I. V. Kazakova, I. V. Olyunin (eds.). *Zhenshchiny-uchenye Belarusi i Kitaya. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Minsk, 15 marta 2019 g. [Women scientists of Belarus and China. Proceedings of the International scientific and practical conference. Minsk, 15 March, 2019]*. Minsk: Belarusian State University Publ., pp. 67–70. (In Russian)
- Il'in, E. P. (2012) *Psikhologiya vzroslosti [Psychology of adulthood]*. Saint Petersburg: Piter Publ., 544 p. (Mastera psikhologii [Masters of psychology]). (In Russian)
- Kalashnikova, E. M. (2014) Krizis identichnosti i issledovanie kul'tury samosoznaniya sovremenno go cheloveka [“Crisis of identity” and the study of culture of modern human's self-consciousness]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta — Herald of Vyatka State University*, no. 11, pp. 14–18. (In Russian)
- Klimov, I. A. (2001) Psichosotsial'nye mekhanizmy vozniknoveniya krizisa identichnosti [Psychosocial mechanisms of the emergence of the identity crisis]. In: T. G. Stefanenko (ed.). *Transformatsiya identifikatsionnykh struktur v sovremennoj Rossii [Transformation of identification structures in modern Russia]*. Moscow: Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond Publ., pp. 54–81. (In Russian)
- Koryakovtseva, O. A., Bugaychuk, T. V. (2018) Molodezh' Rossii: krizis grazhdanskoj identichnosti [Youth of Russia: The crisis of civic identity]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly — Locus: People, Society, Cultures, Meanings*, no. 1, pp. 140–150. (In Russian)
- Maddi, S. R. (2013) *Hardiness: Turning stressful circumstances into resilient growth*. New York; London: Springer, 88 p. (Springer briefs in psychology). <https://doi.org/10.1007/978-94-007-5222-1> (In English)
- Miklyaeva, A. V. (2016) Zrelost' i infantilizm lichnosti v sotsial'nykh predstavleniyakh razlichnykh pokolenij [Personal maturity and infantilism in the social beliefs of different generations]. *Azimut nauchnykh issledovanij: Pedagogika i psikhologiya — Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, vol. 5, no. 4 (17), pp. 473–477. (In Russian)
- Miklyaeva, A. V., Rumyantseva, P. V. (2008) *Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержание, struktura, mekhanizmy formirovaniya [Social identity of the individual: Content, structure, mechanisms of formation]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ., 118 p. (In Russian)
- Morozova, S. V. (2015) Psikhologicheskie problemy infantilizma u sovremennoj molodezhi [Psychological problems of infantilism in modern youth]. In: *Nauka YuRGU. Materialy 67-j nauchnoj konferentsii 14–17 aprelya 2015 g. [Science of YRGU. Materials of the 67th scientific conference, 14–17 April, 2015]*. Chelyabinsk: South Ural State University Publ., pp. 1265–1271. (In Russian)
- Mortimer, J. T., Moen, P. (2016) The changing social construction of age and the life course: Precarious identity and enactment of “early” and “encore” stages of adulthood. In: M. J. Shanahan, J. T. Mortimer, M. K. Johnson (eds.). *Handbook of the life course. Vol. 2*. Heidelberg; Switzerland: Springer, pp. 111–129. (Handbooks of sociology and social research). https://doi.org/10.1007/978-3-319-20880-0_5 (In English)

- Samygin, S. I., Gnatyuk, M. A., Krotov, D. V. (2017) Osobennosti trudovoj adaptatsii rossijskoj molodezhi na rynke truda [Features of labor adaptation of Russian youth in the labor market]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki — Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, no. 11, pp. 61–65. (In Russian)
- Shvets, F. A. (2014) Chuvstvo vzroslosti u sovremennykh rossijskikh podrostkov: na osnove sravneniya s issledovaniyami 80-kh godov XX veka [Sense of adulthood in modern Russian adolescents: Based on comparison with studies in the 1980s]. In: V. T. Kudryavtsev (ed.). *Myshlenie i rech': Podkhody, problemy, resheniya. Materialy XV Mezhdunarodnykh chtenij pamyati L. S. Vygotskogo, (Moskva, 17–21 noyabrya 2014 g. [Thinking and speech: Approaches, problems, solutions. Materials of the XV International readings in memory of L. S. Vygotsky, (Moscow, 17–21 November, 2014)]. Vol. 2. Moscow: Lev Publ., pp. 319–327. (In Russian)*
- Sobol, T. V. (2012) Problema formirovaniya sotsial'noj identichnosti v usloviyakh global'nykh obshchestvennykh izmenenij [The problem of social identity formation in the context of global social changes]. *Filosofiya i kosmologiya — Philosophy and Cosmology*, vol. 11, pp. 211–230. (In Russian)
- Solov'eva, S. L. (2018) Identichnost' kak resurs vyzhivaniya [Identity as a survival resource]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii*, vol. 10, no. 1 (48), article 5. <http://dx.doi.org/10.24411/2219-8245-2018-11050> (In Russian)
- Suri, S, Ishala, K. (2018) Identity crisis, procrastination and academic motivation among university students. *Journal of Education and Management Studies*, vol. 8, no. 1, pp. 148–152. (In English)
- Tolstykh, N. N. (2015) Sovremennoe vzroslenie [Modern growing up]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya — Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 23, no. 4 (88), pp. 7–24. <http://dx.doi.org/10.17759/cpp.2015230402> (In Russian)
- Vasilyuk, F. E. (1984) *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsij [Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations)]*. Moscow: Moscow University Press, 200 p. (In Russian)
- Vitkovsky, E. O., Kuznetsova, O. Z. (2019) Sovremennoe otnoshenie molodezhi k sem'e i braku [The modern attitude of young people to family and marriage]. *Elektronnyj nauchno-metodicheskij zhurnal Omskogo GAU — Research and Scientific Electronic Journal of Omsk SAU*, special no. 6, article 5. [Online]. Available at: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/S06/00661.pdf> (accessed 28.06.2021). (In Russian)
- Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. (2018) Smyslozhiznennye tsennosti v kul'turnom prostranstve rossijskoj molodezhi [Life-meaning values in the cultural space of Russian youth]. *Nauchnyj rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie — Research Result. Sociology and Management*, vol. 4, no. 3, pp. 3–12. <http://dx.doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1> (In Russian)

Личность как субъект образования
на различных этапах жизненного пути
и проблемы психологии воспитания

UDC 159.9.07

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-248-256>

Security officers for hazardous industrial facilities: Validating a perspective system of job-related psychological selection

E. V. Andreevsky¹, A. I. Khudyakov¹, P. I. Paderno^{✉2}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

² St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI" named after V. I. Ulyanov (Lenin),

5 Professor Popov Str., Saint Petersburg 197022, Russia

Authors

Elisey V. Andreevsky,
SPIN: 2457-7183,
e-mail: eliseyandreevsky@mail.ru

Andrey I. Khudyakov,
SPIN: 2563-6956,
ORCID: 0000-0002-7880-7467,
e-mail: haipsy@yandex.ru

Pavel I. Paderno,
RSCI AuthorID: 403133,
ORCID: 0000-0001-9032-5084,
e-mail: pipaderno@list.ru

For citation:

Andreevsky, E. V.,
Khudyakov, A. I., Paderno, P. I.
(2021) Security officers
for hazardous industrial facilities:
Validating a perspective system
of job-related psychological
selection. *Psychology in Education*,
vol. 3, no. 3, pp. 248–256.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-248-256>

Received 17 May 2021;

reviewed 4 June 2021;

accepted 12 June 2021.

Funding: The members of the
author team were not funded
from Russian or foreign sources
when working on this publication.

Copyright: © E. V. Andreevsky,
A. I. Khudyakov, P. I. Paderno
(2021). Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](#)
License 4.0.

Abstract. Any professional activity centres around a person with his/her individual psychological characteristics and possible deviant behaviour. Armed security officers working at hazardous industrial facilities (HIF) may pose a potential threat. The study aimed to improve the system of job-related psychological selection to identify psychological causes behind offences committed by HIF security officers.

The criteria underpinning new systems of job-related psychological selection have to be valid. Questions of validity may also arise as regards individual psychodiagnostic tests included in the new system.

Professionally important qualities (PIQ) of HIF security officers were identified through a psychographic study and expert interviews with military guards working at critical state facilities. The personality traits identified in those HIF security officers who committed offences were presented as “profiles”.

We developed a psychological selection module as the main processing module of the job-related psychological selection system. The module implements basic selection algorithms. The validity of test methods used in the module was assessed in view of their prevalence in traditional approaches to job-related psychological selection of military personnel.

The empirical testing of the psychological selection module was carried out during the recruitment of HIF security officers. The next phase of the study is to complete reliability and criterion validity tests of job-related psychological selection in question.

Keywords: hazardous industrial facility, methodology, professionally important qualities, professional psychological selection, insider model, threat model, psychological reference model, experts.

К вопросу валидности перспективной системы профессионального психологического отбора специалистов по охране опасных производственных объектов

Е. В. Андреевский¹, А. И. Худяков¹, П. И. Падерно^{✉2}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

² Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), 197022, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. профессора Попова, д. 5

Сведения об авторах

Елисей Владимирович Андреевский,
SPIN-код: 2457-7183,
e-mail: eliseyandreevsky@mail.ru

Андрей Иванович Худяков,
SPIN-код: 2563-6956,
ORCID: 0000-0002-7880-7467,
e-mail: haipsy@yandex.ru

Павел Иосифович Падерно,
РИНЦ AuthorID: 403133,
ORCID: 0000-0001-9032-5084,
e-mail: pipaderno@list.ru

Для цитирования:

Е. В. Андреевский, А. И. Худяков, П. И. Падерно (2021) К вопросу валидности перспективной системы профессионального психологического отбора специалистов по охране опасных производственных объектов. *Психология человека в образовании*, т. 3, № 3, с. 248–256.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-248-256>

Получена 17 мая 2021; прошла рецензирование 4 июня 2021; принята 12 июня 2021.

Финансирование:

Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Е. В. Андреевский, А. И. Худяков, П. И. Падерно (2021). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии](#) CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В центре любой профессиональной деятельности находится человек со своими индивидуальными психологическими характеристиками и, с другой стороны, возможными поведенческими девиациями. Специалист по охране опасного производственного объекта (ОПО) с табельным вооружением, допущенный в различные защищаемые зоны, представляет собой потенциальную угрозу. Целью исследования являлось совершенствование системы профессионального психологического отбора для обеспечения своевременного выявления психологических причин нарушений в служебной деятельности специалистов по охране ОПО и повышения безопасности эксплуатации ОПО. Разрабатывая новые системы профессионального психологического отбора, необходимо помнить об обосновании их критериальной валидности. Вопросы критериальной валидности могут возникать и по отношению к отдельным психодиагностическим тестовым методикам, входящим в новую разработанную систему отбора.

Для объективного выявления профессионально-важных качеств (ПВК) личности специалиста по охране ОПО предложено использование психографического метода. В вышеуказанных целях было проведено психографическое исследование, в рамках которого осуществлен ряд экспертных опросов военнослужащих воинских частей по охране важных государственных объектов. Выделенные на основании работы экспертов характерные свойства личности внутренних нарушителей в лице специалистов по охране ОПО были представлены в виде «профилей». Разработан модуль психологического отбора, который является основным обрабатывающим модулем системы профессионального психологического отбора и реализует основной алгоритм проведения профессионального отбора. В части оценки критерия валидности при подборе тестовых методик для использования в модуле отмечена их распространенность в традиционных подходах к осуществлению профессионального психологического отбора военнослужащих.

Проведение эмпирической апробации модуля психологического отбора проводилось в ходе мероприятий по приему на военную службу по контракту в воинских частях по охране важных государственных объектов. Разработанная система позволяет осуществлять комплекс мероприятий профессионального психологического отбора специалистов по охране ОПО. При разработке данной системы за основу был взят передовой опыт организации службы по охране важных государственных объектов. Отмечена важность завершения исследования надежности и валидности данного метода проведения профессионального психологического отбора.

Ключевые слова: опасный производственный объект, методика, профессионально важные качества, профессиональный психологический отбор, модель внутреннего нарушителя, модель угроз, психологический эталон, эксперты.

Introduction

Any professional activity centres around a person with his/her individual psychological characteristics and possible deviant behaviour. It is a very serious

issue for jobs related to the use of service weapons. This is where an effective job-related psychological selection system may help to identify risk factors and exclude unreliable candidates from the selection process. In general, job-related psychological selection

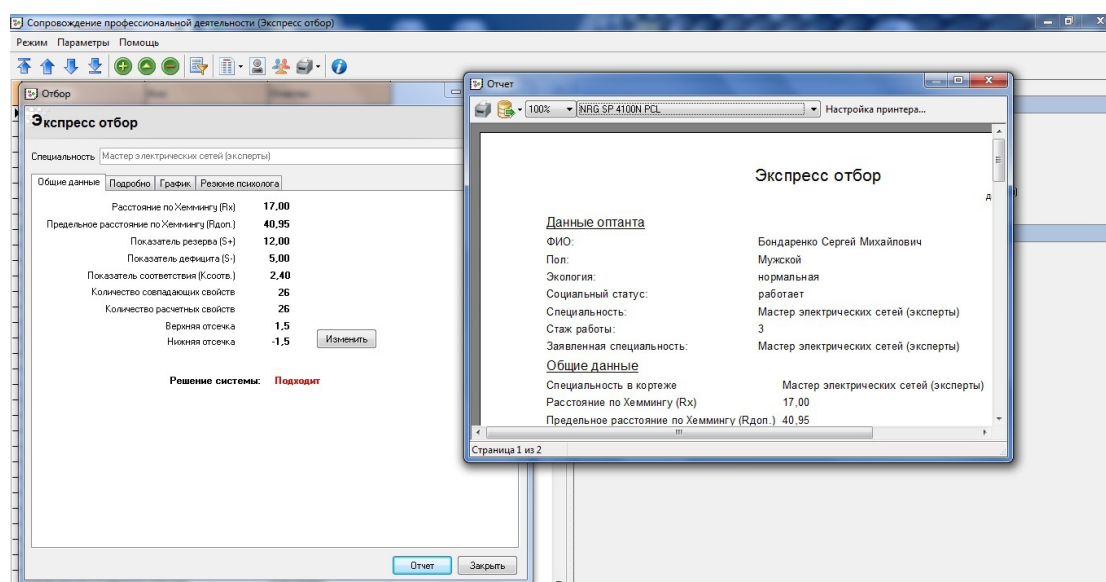

Fig. 1. ASPSA software dialog box

is a set of measures to ensure efficient selection of candidates by assessing individual psychological and psychophysiological traits.

Nuclear power is one of the priority areas for Russian science and industry. Hence, it is necessary to eliminate / minimize all the risks associated with the use of nuclear energy (for workers, nearby settlements and even remote areas), to manage security threats, etc.

One of the potential threats is an armed HIF security officer who may access a range of protected areas. In view of the above, the systems of job-related psychological selection of HIF personnel require high-quality mathematical, informational, algorithmic and other support, including the use of appropriate automated systems. At the same time, the development of these systems should be guided by the results of a preliminary analysis of threats, one way or another related to human factor (Ko, Divakaran, Liao, Thing 2016).

The foregoing necessitated the development of a new promising system of job-related psychological selection and its integration as a supporting subsystem in a single HIF management system (Andreevsky, Akhmedkhanov, Daneykin 2015). With the above in mind, new systems of job-related psychological selection (SJPS) have to be based on valid criteria. Questions of validity may also arise as regards individual psychodiagnostic tests included in the new system.

The present study is based on seminal works by Russian and international scholars, including B. G. Ananiev, V. A. Bodrov, K. M. Gurevich, E. A. Klimov, N. D. Levitov, F. W. Taylor, B. M. Teplov, A. Fayol, V. D. Shadrikov, and others (Lisnik, Gornostaev 2020).

At the moment, consolidated research focusing on the relationship between individual psychological traits and risk factors is lacking. As a consequence, if risk factors are identified inaccurately, a psychologist may decide that the candidate is prone to deviant or destructive behavior. Modern theories of deviant and/or destructive behavior claim that such behavior manifests itself when an individual has a set of specific psychological traits. Hence, job-related selection will benefit from, first, determining such specific traits and, second, from establishing the level at which they correlate with the manifestation of deviant behavior (Zlokazov, Vlasov 2019).

International studies in job-related selection focus on the selection of candidates for police service. See, for example, the works by M. L. Dantzker and J. H. McCoy (Dantzker, McCoy 2006).

The hypothesis of the study is the assumption that some candidates should be denied employment as HIF security officers due to their individual psychological risk factors.

The study aimed to improve the system of job-related psychological selection through duly identification of psychological causes behind offences committed by HIF security officers resulting in an improved HIV operational security.

The objective of the study was to find the ways to substantiate the validity of the developed system of job-related psychological selection.

Methodology

We used the psychographic method of T. Zinchenko and A. Frumkin (Zinchenko, Frumkin, Vinokurov 1999) to identify professionally important qualities (PIQ) of an HIF security officer.

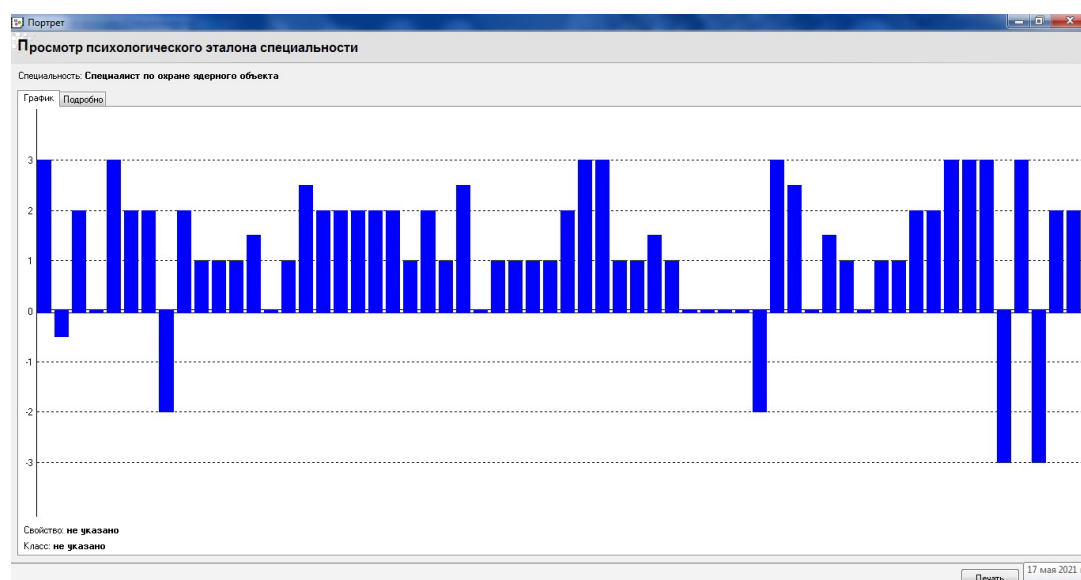

Fig. 2. Psychological reference model of an HIF security officer

The psychographic method has proved its effectiveness in solving various practical tasks. We also used the software package Automated System of Psychological Support of Activities (ASPSA).

Professionally important qualities (PIQ) of HIF security officers were identified through a psychographic study and expert interviews.

To make the assessment more objective, the expert group included employees directly involved in security issues (security staff and inspection staff) and managerial personnel (commanders).

The pool of experts was supposed to be able to assess the relevance of a particular psychological trait for security jobs. Besides, the experts were chosen so that they could “level out” individual deviations of estimates from the average values when assessing the psychological traits of prospective security officers (Deulin, Alekseev 2020).

A group of fifty people included male security officers aged from 18 to 27 with different educational backgrounds (secondary / higher education) and different work experience. All of them successfully passed the final annual assessment (score no lower than 4), had no disciplinary sanctions, medical contraindications or criminal record. They also showed a high level of personal safety and security culture (knowledge and strict adherence to safety and security requirements). The qualitative composition of the pool of experts was based on their professional and personal qualities, professional knowledge, and motivation to participate in the study. The experts were selected with the documentary method (formal social and professional indicators as well as documentary sources, e.g., performance reports, personal files, etc.), a method of consolidating independent feedback (selection of experts based

on summing up independent opinions about their professional qualities given by colleagues) as well as recommendations provided by the commanders of military units (Andreevsky, Akhmedkhanov, Gubin 2015).

To obtain expert assessments, a single psychographic questionnaire with a list of PIQ was used. The experts were asked to evaluate an employee’s competencies listed in the questionnaire from professionally important (3 points) to unacceptable (–3 points). These data were used to develop a psychological reference model (a list of psychological traits which determine the effectiveness of professional activity) of an HIF security officer and to determine the most significant PIQ.

The software package ASPSA was used. The reference model was used to select the most significant as well as unacceptable PIQ (the traits that received above 2.5 or below 2.5 points) for the specified category of security officers. The PIQ were evaluated using ASPSA psychodiagnostic methods. This toolkit allowed to assess the compliance of a candidate’s psychological characteristics with the required PIQ.

To check the list of PIQ and unacceptable traits for a prospective HIF security officer, the full list of PIQ from the questionnaire was supplemented with the following items: “compliance with the job-related PIQ requirements”, “suicidal risks”, “alcohol addiction”, “drug addiction”, “propensity to commit murder”, “propensity to commit acquisitive crimes”, “propensity to theft”, “safety and security culture” (Akhrimenko 2017; Zlokazov, Vlasov 2019).

Practical experience shows that technical measures alone do not provide the required level of safety and security at hazardous facilities. The role of human factor at an HIF is extremely high. HIF personnel constantly interact with mechanical

engineers and make operational managerial decisions. At the same time, HIF personnel are supposed to perform security functions consciously and feel that providing security is their internal personal need (Geraskin, Krasnoborodko, Glebov, Piskureva 2015).

According to the studies conducted in the 1990s–2000s by Russian forensic psychologists, terrorists (extremists) do not constitute a specific diagnostic or psychiatric group, nevertheless, people with a specific personality predisposition are more likely to become terrorists (extremists) (Rutic 2016). The examination of individuals accused of terrorism (extremism) showed that they tend to be aggressive, see others as a constant source of threat, have rigid emotions and experiences that persist after the cause has disappeared, and have low emotional stability. These conclusions became the basis of the “Extremist” offender profile. The PIQ list already had such items as “aggressiveness” and “emotional stability”. “Rigidity” was included into the list additionally.

Criminologists from the Ministry of Internal Affairs of Russia (Yu. Antonyan, M. Yenikeev, V. Eminov and other high-profile experts with relevant expertise) studied the groups of individuals who committed similar crimes. The study used the method of multilateral personality research (MMPI) and focused on the combination of various indicators (MMPI profile). The study identified characteristic profiles of criminals who committed murder, rape, hooliganism, theft, robbery, burglary, and caused grievous bodily harm (Antonyan, Enikeev, Eminov 1996).

The personality traits of those committing crimes at HIF were identified with the help of experts. Then the identified traits were structured as “profiles”.

A match coefficient K ($0 < K < 1$) was introduced. It showed the degree to which the profile of the tested candidate matches the offender profile. The similarity rate is high when $K > 0.8$.

To make the experiment more objective, the data obtained as a result of psychographic research was subjected to mathematical and statistical analysis. By outputting the coefficients of the linear regression equation in Excel, a formula was obtained to assess the correspondence of psychological characteristics to the required PIQ. Linear regression equation is written as $Y = a_0 + a_1 * X_1 + \dots + a_n * X_n$, where Y is an indicator of effective professional performance of a candidate (Andreevsky, Paderno 2020). The values of the coefficients of the linear regression equation are shown in Table.

Similar systems are used by numerous law enforcement agencies. According to the results of the testing, candidates were divided into four categories of professional suitability depending on the PIQ values and the presence of threat factors (the similarity of the candidate’s profile with one or more of the offender profiles).

The developed system (SJPS) can find application as an effective tool to identify potential offenders among the candidates for HIF security jobs. It may also be used to assess the reliability of the already working HIF personnel.

The SJPS is a distributed, client-server corporate automated decision support system. To effectively implement the threat-eliminating algorithms described above, the popular software environment Microsoft Visual Studio 2010 was chosen.

Uninterrupted communication with databases requires a lot of system resources. To solve this issue, it was proposed to establish the connection

Table. The values of coefficients of the linear regression equation

Variable	Variable value	Coefficient	Coefficient value
		a_0	1,312553
X_1	Concentration of attention	a_1	0,037207
X_2	Stability of attention	a_2	0,024459
X_3	Nervous system strength	a_3	0,039097
X_4	Nervous system lability	a_4	0,029767
X_5	Visual performance	a_5	0,047399
X_6	Speech properties	a_6	0,042046
X_7	Responsibility	a_7	0,040509
X_8	Emotional stability	a_8	0,006654
X_9	Adaptive potential	a_9	0,101077
X_{10}	Aggressiveness	a_{10}	–0,05662
X_{11}	Conflictness	a_{11}	–0,05047

only for the time necessary to work with the database (disconnected data access).

Psychological selection module *Psy_otbor* is the main processing module of the SJPS. It implements the main algorithm for professional selection. The primary data for the *Psy_otbor* module are the results of the candidate's psychodiagnostic testing.

First, the module uses the Hamming formula to determine the compliance of the candidate's PIQ with the requirements (Frumkin 2014). This stage includes the following steps:

- 1) The results of testing (assessment) for each of the most significant PIQ are introduced.
- 2) The median values of the estimations for each PIQ are calculated, the number of non-zero median values is calculated.
- 3) The sum of the modules of differences between the corresponding reference and median values of the PIQ estimations is found.
- 4) The critical Hamming distance is calculated.
- 5) The sum of the absolute values of differences between the corresponding reference and median values of the PIQ estimations is compared with the Hamming critical distance.

If the sum of the modules exceeds the critical distance, it is concluded that the candidate's PIQ does not meet the requirements and vice versa.

At the second stage of its operation the *Psy_otbor* module checks the psychological profile of the candidate for characteristic features of an offender posing a threat to the HIF security.

The second stage comprises the following:

- 1) Test results (by parameters: PIQ; attentiveness; safety and security culture; emotional stability; neuropsychic stability; suicidal risks; propensity to commit murder; propensity to commit acquisitive crimes; propensity to theft; courage; alcohol addiction; drug addiction; rigidity) are introduced on a 10-point scale to build a psychological profile.
- 2) The program calculates the coefficient K_i (in fractions of one). It shows the degree to which the profile of the tested candidate matches the profile of the offender. If $K_i > 0.8$, a conclusion is made about a high degree of similarity and unsuitability of the candidate.

This approach (and the value of the coefficient) has proved to be valid during the successful testing of the psychological selection module.

During the third stage of its operational cycle the *Psy_otbor* module provides a detailed interpretation of test results.

The validity is one of the most important criteria for assessing the quality of a test, ranking second after reliability. By itself, the question of testing the

validity is considered as one of the most difficult. Validity should indicate how well the test is doing what it was designed to do. It is commonly considered to classify validity by content, construct validity, criteria (current and predictive), validity by distribution, by discriminative ability (Rupp, Pant 2007).

There is no common approach to determining validity. The method of verification will depend on the type of validity chosen by the researcher. In other words, validity is a complex concept that embraces several types of validity each with its own special meaning. Checking the validity of a test method is called validation. The validity of psychological tests reflects the correspondence of their results to the essence of the measured psychological phenomena.

There are two main ways to determine the validity of psychological tests.

The first way is to compare the test results with similar indicators produced by other tests. For example, to check the validity of a self-assessment test, you can do the following:

- use a new test on a sample of individuals;
- reveal how the sample of individuals assessed themselves in a different test (it is assumed that the different test is valid);
- calculate the correlation of self-esteem indicators using the two psychodiagnostic techniques;
- a statistically significant correlation will imply that the new test is valid.

This method is used to identify the so-called construct validity. It reflects the correspondence of the revealed psychological indicator to the psychological construct.

The second way to identify the validity of a psychological test is to compare the test results with external criteria. This type of validity is called the criterion validity of a psychological test.

For example, an indicator of the criterion validity of a test for deviant behavior is an actual number of juvenile delinquency cases. With regard to the achievement motivation test, an indicator of criterion validity is effectiveness of a particular activity.

The reliability of the test reflects its quality as a diagnostic method. Here, we mean formal indicators only and do not take into account the meaningful analysis of the results.

These are the meaningful test results that measure validity, i. e., how much the test results correspond to real psychological phenomena.

A reliable test is not necessarily valid. For example, a test of initiative can show high retest reliability and consistency of parts. However, from a meaningful

point of view, the test results do not reflect so much initiative, rather, they reflect willpower. That is, the reliability of this test is high, but the validity is low.

The validity of psychological tests is usually verified through the comparison of obtained scores with the results of other tests that measure similar psychological phenomena.

The validity of test methods used in present research is based on the prevalence of such methods in traditional job-related psychological selection of military personnel. For example, a multi-level personal questionnaire “Adaptability” by A. Maklakov and S. Chermyanin (Raigorodsky 2006) is used to assess some psychophysiological and socio-psychological characteristics that reflect mental and social development of candidates for the admission to volunteer military service. The scales of the 1st level of the “Adaptability” questionnaire are independent and correspond to the basic scales of MMPI. They allow to obtain typological characteristics of a person and determine their character accentuations. Forensic researchers of the Ministry of Internal Affairs of Russia conducted an extensive study of the possibility of using such scales to assess the propensity to commit, e.g., acquisitive crimes, theft, etc. (Antonyan, Enikeev, Eminov 1996).

Throughout the study, the validity of the psychological selection module is subject to monitoring. Overall validity is ensured by research standards as well as validity and wide applicability of basic psychodiagnostic techniques used in the research and in the development of the module. The study will also use assessments provided by the group of experts with first-hand experience of working with HIF security officers selected using the new model. The results of the study will be published once the study is over.

Results and discussion

The SJPS module of psychological selection was tested during the selection of volunteer military recruits to serve in military units protecting critical state facilities.

The module has proved to be effective for use by workers with little relevant work experience (HR managers without a degree in psychology, or those with 6 to 12 months of work experience).

The automated testing saved time and labor costs on the examination of military personnel compared to the manual processing of the results of psychodiagnostic tests. On average, it takes an hour and a half time to manually processes the tests results and draft a report on professional suitability. The automated selection with the help of the

psychological module reduced this time to thirty minutes.

The empirical testing has revealed some trends.

The number of volunteer military service recruits has increased. This trend may be the result of the unfavorable social and economic conditions in the region and the country as a whole, the prestige of military service, and related social benefits (Shaimova 2019).

The analysis of the obtained qualitative characteristics of job-related selection showed that the number of candidates recommended for acceptance in the early stages of recruitment process has decreased (from 9% to 6%), while there was a sharp increase in the number of candidates not recommended for acceptance (from 2% to 11%).

It should be remembered that candidates from category 4 of professional suitability may still show some factors of threat. Thus, when this category is screened out, a scheme for managing threats of unauthorized actions by HIF security officers is implemented.

The tendency for the deterioration of indicators in category 1 and 4 in terms of professional aptitude can also be caused by the use of the psychological selection module, which contains more stringent selection algorithms compared to common psychodiagnostic tools.

In 2021 we summarized the results of the study (use) of the SJPS psychological selection module by the students of a military education institution (specialization 37.05.02—Psychology of Service Activity). They used the module in their studies and research. The results were also compared with those obtained by traditional selection systems.

So far, there have been no offenders among those HIF security officers who took part in the experiment.

The SJPS is supposed to be validated by establishing the validity of its selection criteria. The validity of the test will be confirmed through its comparison with some external criterion. For this purpose, a comprehensive external criterion was selected, i.e., effective performance of duties, score no lower than 4 for the final annual assessment, absence of disciplinary penalties, violations of safety and security culture, administrative fines or convictions. Once the criterion validity study is completed, the results will be published in an article.

Conclusion

The designed system (SJPS) offers a set of measures to conduct job-related psychological selection of HIF security officers. The system embraces advanced practices and experience in organizing protection of critical state facilities.

This system, with certain limitations, allows both in-house and external HR personnel to access detailed information about candidates and already employed HIF security officers. The tool is a contribution to the development of professional psychological selection systems used in various state-run organisations.

The empirical testing of the SJPS module of psychological selection was a success. The testing was carried out at an HIF in real operational conditions. The next phase of the study in the

job-related psychological selection is to complete the reliability and criterion validity tests.

Conflict of interest

The members of the author team are not parties to any conflict of interest.

Author contributions

All the members of the author team made an equal contribution to the publication.

References

- Akhremenko, S. A. (2017) Nuclear safety and security. In: K. D. Shabunina (ed.). *Aspire to science. Materials of the City Scientific and Practical Conference for secondary school, undergraduate, graduate and postgraduate students. April 12, 2017*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University Publ., pp. 4–8. (In English)
- Andreevsky, E. V., Akhmedkhanov, M. A., Daneykin, Yu. V. (2015) Improvement of the reliability of force structures personnel by effective professional selection. In: *GSOM Emerging Markets Conference: Business and government perspectives. Proceedings of the International conference October 15–17, 2015*. Saint Petersburg: St. Petersburg State University Publ., pp. 19–27. (In English)
- Andreevsky, E. V., Akhmedkhanov, M. A., Gubin, V. A. (2015) Model' vyyavleniya psikhologicheskikh kharakteristik, sposobstvuyushchikh soversheniyu nesanktsionirovannykh deystviy voennosluzhashchimi VV MVD Rossii, okhranyayushchimi yaderno-opasnyy ob'ekt [A model for identifying psychological characteristics that contribute to the commission of unauthorized actions by servicemen of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia guarding a nuclear-hazardous facility]. *Nauchno-informatsionnyy zhurnal Armiya i obshchestvo*, no. 3 (46), pp. 22–32. (In Russian)
- Andreevsky, E. V., Paderno, P. I. (2020) Metodika organizatsii professional'nogo otbora spetsialistov po okhrane opasnykh promyshlennykh ob'ektov [Methodology of organizing professional selection of guards of hazardous industrial facility]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya — The World of Science. Pedagogy and Psychology*, vol. 8, no. 4, article 42. [Online]. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/44PSMN420.pdf> (accessed 17.06.2021). (In Russian)
- Antonyan, Yu. M., Enikeev, M. I., Eminov, V. E. (1996) *Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestuplenij [Psychology of the criminal and crime investigation]*. Moscow: Yurist Publ., 336 p. (In Russian)
- Dantzer, M. L., McCoy, J. H. (2006) Psychological screening of police recruits: A Texas perspective. *Journal of Police and Criminal Psychology*, vol. 21, no. 1, pp. 23–32. <https://doi.org/10.1007/BF02849499> (In English)
- Deulin, D. V., Alekseev, D. E. (2020) Faktory lichnostno-professional'noj prigodnosti kandidatov na sluzhbu v organy vnutrennikh del [Factors of personal and professional suitability of candidates for service in the internal affairs agencies]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh — Psychopedagogy in Law Enforcement*, vol. 25, no. 1 (80), pp. 14–18. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-11002> (In Russian)
- Frumkin, A. A. (2014) Pis'mo drugu, ili mysli vsluhk [A letter to a friend, or thoughts out loud]. *Organizatsionnaya psikhologiya — Organizational Psychology*, vol. 4, no. 4, pp. 166–180. (In Russian)
- Geraskin, N., Krasnoborodko, A., Glebov, V., Piskureva, T. (2015) Nuclear security culture enhancement: The role of culture coordinators at Russian nuclear sites. *Defense & Security Analysis*, vol. 31, no. 4, pp. 330–335. <http://dx.doi.org/10.1080/14751798.2015.1087103> (In English)
- Ko, L., Divakaran, D., Liao, Y., Thing, V. (2016) Insider threat detection and its future directions. *International Journal of Security and Networks*, vol. 12, no. 3, pp. 168–187. <https://doi.org/10.1504/IJSN.2017.084391> (In English)
- Lisnik, Y. S., Gornostaev, S. V. (2020) Psikhologicheskie kriterii prigodnosti lichnosti k deyatelnosti [Psychological criteria for a personal suitability for activity]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie — Pedagogical Review*, no. 6 (34), pp. 220–229. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2020-6-220-229> (In Russian)
- Mnogourovnevyy lichnostnyy oprosnik "Adaptivnost'" (MLO-AM) A. G. Maklakova i S. V. Chermianina [Multilevel personality questionnaire "Adaptability" (MLO-AM) by A. G. Maklakov and S. V. Chermianin]. (2006) In: D. Ya. Raigorodsky (ed.). *Prakticheskaya psikhodiagnostika: metodiki i testy [Practical psychodiagnosics. Techniques and tests]*. Samara: BAHRAH-M Publ., pp. 549–672. (In Russian)
- Rupp, A. A., Pant, H. A. (2007) Validity theory. In: N. J. Salkind (ed.). *Encyclopedia of measurement and statistics*. Thousand Oaks; London; New Delhi: SAGE Publ., pp. 1032–1035. (In English)
- Rutić, S. (2016) Nuclear terrorism. *Vojnotehnički glasnik*, vol. 64, no. 2, pp. 532–551. <https://doi.org/10.5937/vojtehg64-7515> (In English)

- Serpik, V. D. (2021) Problemy psikhologicheskogo otbora i obespechenie psikhologicheskoy ustojchivosti spetsialistov vzryvotekhnikov [Problems of psychological selection and ensuring the psychological stability of explosives specialists]. *Obrazovanie i pravo — Education and Law*, no. 1, pp. 164–167. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2021-00026> (In Russian)
- Shaimova, Ya. P. (2019) Motivatsiya kandidatov na sluzhbu v OVD v protsesse professional'no-psikhologicheskogo otbora [Motivation of candidates for service in the police departments in the process of professional and psychological selection]. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti — Psychology and Pedagogics in Official Activity*, no. 2, pp. 112–114. (In Russian)
- Zinchenko, T. P., Frumkin, A. A., Vinokurov, L. V. (1999) Adaptatsionnyj sindrom i professional'naya psikhodiagnostika [Adaptation syndrome and professional psychodiagnostics]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya: Sbornik nauchnykh i metodicheskikh materialov [Psychological research: Collection of scientific and methodological materials]*. Vol. 2. Saint Petersburg: Oblik Publ., pp. 32–39. (In Russian)
- Zlokazov, K. V., Vlasov, A. E. (2019) Spetsifika lichnostnykh svoystv kandidatov, ne rekomendovannykh k sluzhbe v organakh vnutrennikh del [Specificity of the personal properties of candidates not recommended for service in the internal affairs agencies]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii — Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (81), pp. 228–234. (In Russian)

Check for updates

Личность как субъект образования
на различных этапах жизненного пути
и проблемы психологии воспитания

УДК 159.9.075

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-257-272>

Этико-психологические основания социоприродного взаимодействия

П. Н. Виноградов¹, П. А. Яркин^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторах

Павел Николаевич Виноградов,
SPIN-код: 6143-3151,
ResearcherID: E-9964-2017,
ORCID: 0000-0003-0012-7813,
e-mail: palvin@mail.ru

Пётр Алексеевич Яркин,
SPIN-код: 9242-7352,
ResearcherID: D-7094-2017,
ORCID: 0000-0001-6722-2474,
e-mail: petr.yarkin@gmail.com

Для цитирования:

Виноградов, П. Н., Яркин, П. А.
(2021) Этико-психологические
основания социоприродного
взаимодействия. *Психология
человека в образовании*, т. 3, № 3,
с. 257–272.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-257-272>

Получена 16 мая 2021; прошла
рецензирование 25 мая 2021;
принята 2 июня 2021.

Финансирование: Работа
выполнена при финансовой
поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований,
проект № 19-013-00835.

Права: © П. Н. Виноградов,
П. А. Яркин (2021). Опубликовано
Российским государственным
педагогическим университетом
им. А. И. Герцена. Открытый
доступ на условиях [лицензии CC
BY-NC 4.0](#).

Аннотация. Введение: В статье рассматривается проблема выявления нравственных оснований, оказывающих влияние на выработку новых взглядов на понимание процесса взаимодействия природы и общества. Делается акцент на историчность вычленения нравственной рефлексии человека и его отношений с природным миром, демонстрируется связь в развитии естественно-научного и гуманитарного знания и взглядов на развитие нравственного аспекта человеческого сознания. Рассматриваются направления исследований взаимодействия природы и общества в современной зарубежной науке. Характеризуются различные направления и подходы к поиску нравственных оснований к оценке взаимодействия природы и общества: диспозиционно-ориентационный, ценностно-позиционный и нравственно-смысловой. Обосновывается актуальность исследования места и роли нравственных оценок экологических проблем в сознании современной молодежи.

Материалы и методы: Приводятся результаты эмпирического исследования взаимосвязи экологических ориентаций, характеристик нравственного мировоззрения и этических оснований у студенческой молодежи. Использованы методики, которые сравнительно недавно включены в банк отечественных психометрических инструментов: диагностика морально-этической ответственности личности, экологических установок ЭкО-30, опросник моральных оснований.

Результаты исследования: На основе полученных эмпирических данных построены корреляционные и регрессионные статистические модели. Установлено, что представители женской выборки значительно чаще обращаются к моральному основанию «забота» в своем выборе, чем мужчины. Представители мужской выборки демонстрируют значительно более низкие показатели экологической интернальности, биоцентризма, общей экологической озабоченности. У респондентов исследуемой выборки рефлексия на морально-этические ситуации связана с биоцентризмом, а альтруистические эмоции с биоцентризмом и показателем озабоченности экологическими проблемами. Построенная регрессионная модель свидетельствует о важной роли рефлексии озабоченности глобальными экологическими проблемами в нравственно-этическом контексте. Установлено, что увеличение экзистенциальной ответственности связано со снижением озабоченности глобальными экологическими проблемами. У мужчин озабоченность глобальными экологическими проблемами проявляется гораздо реже.

Заключение: Полученные данные позволяют интерпретировать психологические эффекты взаимодействия рассматриваемых переменных и могут носить прогностический характер. Показано, что этическими основаниями для оценки качества представлений человека о взаимодействии природы и общества может служить сопряжение между нравственными характеристиками личности и структурными элементами экологического сознания.

Ключевые слова: этико-психологические основания, социоприродное взаимодействие, моральные основания, морально-этическая ответственность, озабоченность глобальными экологическими проблемами, биоцентризм, этический выбор, эколого-гуманистическая картина мира.

Ethical and psychological foundations of socio-natural interaction

P. N. Vinogradov¹, P. A. Yarkin^{✉1}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Authors

Pavel N. Vinogradov,
SPIN: 6143-3151,
ResearcherID: E-9964-2017,
ORCID: 0000-0003-0012-7813,
e-mail: palvin@mail.ru

Petr A. Yarkin,
SPIN: 9242-7352,
ResearcherID: D-7094-2017,
ORCID: 0000-0001-6722-2474,
e-mail: petr.yarkin@gmail.com

For citation:

Vinogradov, P. N., Yarkin, P. A.
(2021) Ethical and psychological
foundations of the interaction
between society and nature.
Psychology in Education, vol. 3,
no. 3, pp. 257–272.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-257-272>

Received 16 May;
reviewed 25 May 2021;
accepted 2 June 2021.

Funding: This work was financially
supported by the Russian
Foundation for Basic Research,
project No. 19-013-00835.

Copyright: © P. N. Vinogradov,
P. A. Yarkin (2021). Published
by Herzen State Pedagogical
University of Russia. Open access
under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. Introduction: This article focuses on identifying moral foundations influencing the development of new views on the interaction between nature and society. Particular attention is paid to the historical aspect in the identification of human moral reflections and human interaction with the natural world, demonstrating the connections between natural sciences, humanities and the moral aspect of human consciousness. Different Russian and international schools of thought on the interaction between society and nature have been considered, including those identifying moral foundations driving the assessment of the interaction between nature and society: dispositional and orientational approach, the value and positional approach, and moral and notional approach. The relevance of the study of the place and role of moral assessment of environmental problems in young people is underscored.

Materials and methods: We present the results of an empirical study into the interaction between environmental positions, moral outlook and ethical foundations in students. The study used novel psychological assessment tools: personal moral and ethical responsibility assessment tool, EcO-30 environmental positions assessment tool and moral foundations survey.

Results of the study: The obtained empirical data was used to build correlational and regressive statistical models. It has been observed that women's choices are influenced by the moral foundation of "care" more often than men's. Men demonstrate lower levels of environmental internality, biocentrism and general interest in environmental issues. In study participants reflection on moral and ethical situations is linked to biocentrism, while altruistic emotions are linked to both biocentrism and one's interest in environmental issues. The regression model we built demonstrates the important role that reflection on global environmental issues plays in one's moral and ethical sphere. It has been observed that increased existential responsibility is linked to lower interest in global environmental issues. Men demonstrate much lower rate of interest in global environmental issues.

Conclusion: The data obtained makes it possible to interpret the psychological effects of the interaction between the personal values we studied and has predictive value. We observe that the ethical foundations for assessing one's notions of the interaction between nature and society can be found at the interface between their personal moral characteristics and the structural elements of the environmental outlook.

Keywords: ethical and psychological foundations, socio-natural interaction, moral foundations, moral and ethical responsibility, global environmental problems concern, biocentrism, ethical choice, natural and humanistic worldview.

Введение

Гуманитарный аспект проблемы взаимодействия природы и общества заключается в изучении способности человеческого сообщества принять на себя ответственность за возникновение и преодоление глобальных экологических проблем последних столетий. Готовность рассматривать их многоаспектно, с пониманием роли нравственной регуляции активности человека, принятием ценностей устойчивого развития как нормативного эталона образования,

воспитания и профессиональной деятельности может создать перспективы преодоления глобальной экологической опасности. Современные исследования роли групповой и индивидуальной экологической активности людей содержат настоятельное требование к психологии, заключающееся в поиске ведущих нравственно-психологических механизмов, обеспечивающих включение этических норм в процесс управления релевантным экологическим поведением человека. Исследователями выявлен состав психологических регуляторов, среди которых

представлены экологическая мотивация, экологические установки и ориентации, отношение к природе, ценности устойчивого развития, изучена их роль в проэкологической активности. Вместе с тем следует констатировать, что изменение характера среды человеческой жизнедеятельности, ее динамичность, сложность, непредсказуемость адресует человеку новые вызовы и ставит перед психологической наукой новые задачи. Ответом на это стало обращение экологической психологии к исследованию нравственно-психологической сферы, базирующейся на динамике ценностно-смысловых образований, обращенных к природе не только как к витальному условию, но и как духовной ценности. Особое место здесь уделяется пониманию взаимосвязи внешних и внутренних условий в осуществлении выбора средств релевантного экологического поведения. Конкретно-психологическая экспликация данной задачи выражается в выявлении связей высокого уровня значимости и влияния между показателями духовно-нравственной ответственности, этическими основаниями и характеристиками экологического мировоззрения. Важным компонентом решения этой задачи является осуществление литературного обзора, демонстрирующего степень разработанности проблемы включенности экологической реальности в содержание нравственно-психологической сферы человека.

В связи с усилением тенденции к экологизации различных сфер человеческой деятельности проблема нравственного осмысления отношений природы и общества нашла свое глубокое отражение в виде исторических и теоретико-методологических исследований. Первоначально отношения с природой рассматривались в контексте существования определенной картины мира, т. е. человеческий фактор существовал как носитель объективного научного мировоззрения. Затем участие человека ограничивалось рассмотрением потребительской позиции, при котором обсуждался вопрос пользы различных компонентов природного мира для него. Следующий этап связан с осуждением потребительской, антропоцентрической парадигмы и утверждением природоохранной темы. И только после этого появляются различные рефлексивные подходы, центрированные на мотивации, отношении к природе, экологических установках, когнитивном моделировании взаимодействия, экологических рисках. Собственно нравственно-психологический аспект социоприродного взаимодействия находит свое отражение только в последнее время. Осознание

важности жизненного ресурса, над которым человечество теряет контроль, было осмыслено в работах В. И. Вернадского (Вернадский 1988) и получило в начале XX столетия нравственное осмысление в трудах А. Швейцера (Швейцер 1992), О. Леопольда (Леопольд 1983), получивших развитие в работах Ж. Ж. Дорста (Дорст 1968), А. Печчеи (Печчеи 1985). Гуманитарная составляющая этого процесса в научном плане нашла отражение в обширной художественной литературе, а собственно психологическая появилась в проблематике научных исследований относительно недавно. Мотивирующим посылом становится желание ученых рассмотреть комплекс социоприродного взаимодействия под влиянием процесса глобализации, выявлять и оценивать степень рискованности и опасности различных социальных инициатив, реализуемых в нашем глобальном мире (Печчеи 1985; Нестик, Журавлев 2018).

Интересные методологические подходы для исследования комплекса этических условий в становлении нравственно-экологической картины мира предлагаются зарубежными коллегами, которые делают акцент на феноменологическом характере исследований, включающем в себя подходы, подчеркивающие особый характер переживаемого человеком опыта (Masterson, Stedman, Enqvist et al. 2017). Необходимо применение качественных методов без априорных теорий и концепций, гипотез, predetermined методологических процедур и статистических мер корреляции (Seamon 2000). В поле исследований должны попадать конкретные нравственно-экологические построения людей (Trentelman 2009). Еще одно направление изучения охватывает исследования причинно-следственных связей между концепциями, предсказание, проверку гипотез и, где это уместно, обобщение (например, см. Shamai 1991; Lalli 1992; Jorgensen, Stedman 2001). Этот подход разделяет основные конструкторы на различные сферы, такие как познание и эмоции, и подчеркивает индивидуальность как единицу анализа.

Близки к рассмотрению нравственных аспектов социоприродного взаимодействия исследования социокультурных особенностей населения в концепции экосистемных услуг, которые не в достаточной мере учитывают динамические взаимодействия между людьми, отношение и понимание человеком природы на индивидуальном и коллективном уровнях (Muhar, Raymond van den Born et al. 2018). Авторы подчеркивают актуальность индивидуального и коллективного понимания взаимоотношений человека и природы как факторов, влияющих на экологическое

поведение. Это может быть отражено в управлении природными ресурсами. Особое внимание здесь уделяется контекстуальной чувствительности социокультурных концепций при принятии решений.

В отечественной психологии также обозначились несколько подходов, позволяющих охарактеризовать собственно этико-психологические основания рассмотрения взаимодействия природы и общества и их социально-психологические эффекты. В первую очередь это связано со становлением эколого-гуманистической картины мира, заявленной в отечественной науке Д. Н. Кавтарадзе и А. А. Брудным и развитым в работах И. В. Кряж, П. Н. Виноградова и П. Н. Кириллова и др. (Кавтарадзе, Брудный 1993; Кряж 2013; Виноградов, Кириллов 2003). Анализ психологических исследований, посвященных нравственно-психологической проблематике, позволяет выделить три направления. Основанием для такого обобщения может служить расслоение исследований по степени глубины интериоризации различных средств воздействия на личность: уровень установок и ценностных ориентаций; уровень ценностей и позиций; уровень смыслов.

Первое направление восходит к исследованиям И. Айзена (Ajzen, Fishbein 2000), В. А. Ясвина (Ясвин 2000), Е. И. Чердымовой (Чердымова 2012), П. Н. Кириллова (Кириллов 2002). В нем реализуется идея определения ориентиров экологичности сознания человека. Имеется в виду нравственный регистр отражения социоприродного взаимодействия, «угол зрения», под которым моральная чувствительность позволяет отнести акты взаимодействия между человеком и природным объектом к явлениям, которые подлежат нравственной оценке.

Второе направление, представленное В. И. Пановым (Панов, Лидская 2012; Панов 2014), И. А. Шмелевой (Шмелева 2006), раскрывает нравственно-психологический аспект социоприродного взаимодействия с позиции определенных ценностей, которые принимает субъект и на основе которых регулирует свое поведение. Так, В. И. Панов дает подробную характеристику динамики позиций субъекта, позволяющих в разной степени принимать на себя активность в природе и ответственность за последствия проявления этой активности. Именно в этом направлении рассматривается и стабилизирующая роль ценностей устойчивого развития в ряде зарубежных источников (Berke, Conroy 2000; Horlings 2015; Kwon, Kim, Lee 2019; Wamsler, Brink 2000), в которых

характеризуется содержание функции ценностей устойчивого развития.

Третье направление связано с исследованиями Д. А. Леонтьева (Леонтьев 2003), И. В. Кряж (Кряж 2013), С. Д. Дерябо (Дерябо 1997), Ф. Е. Василюка (Василюк 1984), П. Н. Виноградова (Виноградов 2002), А. В. Смоловой (Смолова 2012), С. К. Нартовой-Бочавер (Нартова-Бочавер, Мухортова, Ирхин 2020). Они раскрывают глубокие механизмы постижения нравственных оснований взаимодействия человека и мира, которые связаны с исследованием морально-этических оснований регуляции экологического поведения, связывающих в единый комплекс отражение взаимодействия человека как с миром людей, так и с природным миром. Акцент делается на рассмотрении нравственно-смыслового ядра выбора способов экологического поведения. Центральное место здесь отводится динамике смысловых образований, связывающих особенности отражения природных объектов и явлений с углублением понимания социоприродной сущности человека и их проекцией в область проявления гуманистической морали, способствующей становлению эколого-гуманистической картины мира.

Существенный вклад в понимание регулятивной роли морали в современном мире внесли работы В. Х. Манерова (Манеров 2020), развивающего концепцию совести как индикатора нравственного сознания общества, и Е. К. Веселовой (Веселова 2009) о двойном моральном стандарте, возникающем из-за стимулирования потребительской активности, ценимой в современном обществе, и требованием к сберегающему жизненные ресурсы индивидуальному поведению. Эта идея двойного морального стандарта заложена и в понимание разнонаправленности векторов экологического поведения, которые развиваются в работе П. Н. Виноградова, П. А. Яркина, О. Г. Пархоменко, И. А. Ефимовой (Виноградов, Пархоменко, Яркин, Ефимова 2019; Виноградов 2020). Т. И. Ачинович (Ачинович 2020) раскрывает условия нравственного выбора, который приходится осуществлять современной молодежи в процессе приобретения профессии, и влияния половой принадлежности и жизненного опыта. В значительной мере это относится и к экологической активности молодых людей. Это процесс анализа и осознания деятельности в ситуациях, связанных с морально-этическими коллизиями и конфликтами в социально-экологической сфере. Многообразие нравственно-психологических элементов, по мнению И. Г. Тимощука (Тимощук 2016), включает

разноуровневые составляющие. Это тонкая нравственная интуиция, которая включает чувство неудобства и нечетко осознаваемого дискомфорта, альтруистические эмоции, направленные на осознание включенности другого человека в различные экологические ситуации, понимание морально-этических ценностей экологического поведения и, наконец, экзистенциальный компонент ответственности. Существенное место в современных исследованиях человеческой нравственности занимают работы, рассматривающие мораль как систему способов и критериев оценки действий в качестве правильных или неправильных. Авторы этой теории (Graham, Haidt, Koleva et al. 2012) на основе теоретического анализа и эмпирических исследований показали, что область морали можно упорядочить, выделив несколько моральных оснований: вред/заботу, справедливость/взаимность, коллективизм/лояльность, власть/уважение и чистоту/святость. Большую работу по представлению этих идей отечественному исследователю проделали О. А. Сычев, А. М. Беспалов, М. М. Прудникова, М. С. Власов (Сычев, Беспалов, Прудникова, Власов 2016), которые осуществили перевод и адаптацию диагностического инструментария, подкрепляющего данную концепцию.

Существенный вклад в исследование социоприродного взаимодействия внесла работа И. В. Кряж (Кряж 2013). На основе концепции осмысленной регуляции релевантного экологического поведения и верифицированного практического инструментария автор доказала, что ценностно-смысловое содержание субъективных представлений о качестве жизни раскрывается через оппозицию «присвоение внешних ресурсов — раскрытие внутреннего ресурса». Значение экологического окружения как показателя качества жизни определяется, прежде всего, ценностями духовной жизни. Для доказательства этого явления автор выстраивает категориальный аппарат исследования, в который включены идеи биоцентризма, указывающие на готовность к осмыслению экологических угроз с позиций биоцентризма, что соответствует содержанию биосферного спокойствия, экологическая интернальность, выражающая смыслы человеческой ответственности за разрушение природного мира ради наращивания потребления. Отрицание экологических угроз отражает готовность к осмыслению экологических изменений как малозначимых, не зависящих от людей и преувеличенных. Экономическая транскрипция экологических проблем связана с возможностями

финансового преодоления или решения экологических проблем.

В основу исследования П. Н. Виноградова и П. А. Яркина (Виноградов, Яркин 2019а; 2019b) положен интегративный подход, который рассматривает единство человека как социоприродного существа и раскрывает интрапсихические механизмы связанности различных психических образований, обеспечивающих реализацию как его творческой миссии, так и ответственности за поддержание оптимальных условий жизни для всех обитателей планеты. Показано, что детерминантами нравственного выбора в социоприродном взаимодействии выступают такие субъективные составляющие, как объединяющиеся в экологическом дискурсе представления о природе самого субъекта и его ближайшего окружения, ценностная позиция, интегрирующая представления человека об основных ценностях человеческого существования (свободе, доверии, ответственности и др.), определяющая его место в мире, чувствительность к видению и оценке социоприродных противоречий и их нравственная рефлексия, осуществляемая в смысловом поле человека, интеллектуальная активность при решении социально-экологических задач.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие студенты старших курсов педагогического вуза (22 мужчины и 29 женщин) от 21 до 25 лет (средний возраст 22 года). Основным предметом исследования стали содержательные индикаторы обусловленности нравственно-психологического развития личности и озабоченности глобальными экологическими проблемами, а также их взаимосвязь. Гипотезой исследования стало предположение о том, что эколого-гуманистический характер отношений человека и его природного окружения обусловлены особенностями взаимосвязей между нравственно-психологическими характеристиками личности и степенью озабоченности глобальными экологическими проблемами. Степень выраженности озабоченности глобальными экологическими проблемами, как компонента экологического сознания, связана с особенностями морально-этических качеств человека.

Задачи исследования:

- построить корреляционную модель связи нравственных характеристик личности и показателей экологического сознания;
- построить и интерпретировать регрессионную модель взаимообусловленности

нравственно-психологических характеристик и показателей экологического сознания.

Для решения наших задач были выбраны три методики: экологический опросник ЭКО 30, опросник «ДУМЭОЛП» — диагностика уровня морально-этической ответственности личности и опросник моральных оснований (MFQ).

Экологический опросник ЭКО 30 состоит из 30 пунктов и измеряет общий показатель озабоченности глобальными экологическими изменениями (K0). Общий показатель вычисляется на основе четырех субшкал: биоцентризма (K1), интернальности (K2), отрицания экологических изменений (K3) и шкалы финансово-экономических приоритетов (K4). В скобках приведены условные обозначения шкал. Субшкала «Биоцентризм» показывает готовность к осмыслению экологических угроз с позиций биоцентризма. Субшкала «Экологическая интернальность» связана со смыслами человеческой ответственности за разрушение природного мира ради наращивания потребления, где экологические проблемы осмысляются в их зависимости от человеческой активности, что указывает на внутренний локус контроля. «Отрицание экологических проблем» отражает идею экологических изменений как малозначимых, не зависящих от людей и преувеличиваемых. Субшкала «Деньги» измеряет идею того, что деньги — это основа жизнеобеспечения. Только решение экологических проблем позволит справиться с экологическими угрозами (Кряж 2013).

Диагностика уровня морально-этической ответственности личности связана с измерением социальной ответственности, самопонимания и социальной желательности. В методике содержатся следующие шкалы: «Рефлексия на морально-этические ситуации» (D1), «Интуиция в морально-этической сфере» (D2), «Экзистенциальный аспект ответственности» (D3), «Альтруистические эмоции» (D4), «Морально-этические ценности» (D5). Уровень сформированности морально-этической ответственности определяется по сумме баллов отдельных шкал (Тимошук 2004).

Опросник моральных оснований оценивает базовые составляющие сферы морали, выступающие в качестве критериев нравственной оценки различных поступков и событий. В основе моральных оценок лежит ограниченный набор врожденных механизмов, сложившихся в ходе эволюции, культурное развитие морали надстраивается над этими механизмами. «Заботу» (M1) и «Справедливость» (M2) авторы относят к индивидуализирующим (individualizing)

моральным основаниям, поскольку именно они находились в фокусе внимания западной индивидуалистической философии морали с ее акцентом на защите прав отдельной личности. Кроме того, есть еще три других моральных основания: «Лояльность группе» (M3), «Уважение к авторитетам» (M4) и «Чистота» (M5). «Чистота» связана с религиозными и культурными нормами, запретами в сфере отношения к пище, телу, сексу, к сакральным для группы объектам (флагу, гимну) (Сычев, Протасова, Белоусов 2018).

Дополнительно собиралась информация о возрасте и поле испытуемых. Математическая обработка проводилась в среде статистического анализа R version 4.1.0 и включала описательную статистику, корреляционный и регрессионный анализ.

Результаты и их обсуждение

Средние значения, стандартные отклонения по общей выборке и отдельно по мужской и женской подвыборкам представлены в таблице 1. Также в таблице приведены результаты анализа достоверности различий между подвыборками с помощью критерия Вилкоксона.

Представленные данные демонстрируют, что существуют значимые различия между показателями проявления «заботы» как морального основания, которое может быть положено в основу принятия решения о релевантном экологическом поведении представителей женского ($M = 20,1$) и мужского ($M = 17,8$) пола ($p = 0,04$), что может говорить о том, что представители женской выборки значительно чаще выбирают моральное основание «Забота» при выборе позиции в ситуации нравственной оценки. Девушки имеют более высокие показатели ($M = 4,6$), чем юноши ($M = 0,9$), по переменной «Экологическая интернальность» ($p = 0,022$), т. е. они больше погружены в смысловое поле человеческой ответственности за разрушение природного мира ради наращивания потребления. Они имеют и более высокие показатели $M = 7,2$, против $M = 3,5$ у юношей ($p = 0,033$) по переменной «Биоцентризм»; это значит, что у них выше уровень биосферного беспокойства, т. е. они признают право на жизнь других живых существ. В целом девушки показывают, что они в большей мере ($M = 20,0$), чем юноши ($M = 8,7$) озабочены глобальными экологическими проблемами ($p = 0,028$).

Для изучения взаимосвязей между факторами был проведен корреляционный анализ. Использовался коэффициент ранговой корреляции

Табл. 1. Сравнение средних значений по мужской и женской выборкам

Краткое наименование шкал	Вся выборка	Женщины	Мужчины	Критерий Вилкоксона
	$M \pm sd$	$M \pm sd$	$M \pm sd$	$W(p)$
Рефлексия на морально-этические ситуации	$2,37 \pm 1,09$	$2,52 \pm 1,06$	$2,18 \pm 1,14$	374,0 (0,281)
Интуиция в морально-этической сфере	$2,96 \pm 1,18$	$3,00 \pm 1,10$	$2,91 \pm 1,31$	335,0 (0,761)
Экзистенциальный аспект ответственности	$2,18 \pm 1,07$	$2,17 \pm 1,14$	$2,18 \pm 1,01$	317,5 (0,984)
Альтруистические эмоции	$3,65 \pm 1,07$	$3,79 \pm 1,01$	$3,45 \pm 1,14$	373,5 (0,281)
Морально-этические ценности	$2,45 \pm 1,08$	$2,55 \pm 0,95$	$2,32 \pm 1,25$	358,5 (0,438)
Морально-этическая ответственность	$13,61 \pm 3,22$	$14,03 \pm 3,34$	$13,05 \pm 3,03$	377,5 (0,268)
Забота	$19,12 \pm 4,51$	$20,10 \pm 3,99$	$17,82 \pm 4,91$	427,0 (0,040)*
Справедливость	$19,41 \pm 3,97$	$20,00 \pm 3,30$	$18,64 \pm 4,68$	395,0 (0,149)
Лояльность группе	$14,37 \pm 4,47$	$15,03 \pm 4,03$	$13,50 \pm 4,94$	387,0 (0,197)
Уважение к авторитетам	$12,08 \pm 4,84$	$12,07 \pm 5,38$	$12,09 \pm 4,15$	326,0 (0,901)
Чистота	$14,78 \pm 5,04$	$15,97 \pm 4,70$	$13,23 \pm 5,15$	402,5 (0,113)
Биоцентризм	$-4,33 \pm 5,26$	$-4,86 \pm 4,88$	$-3,64 \pm 5,76$	271,0 (0,365)
Интернальность	$3,02 \pm 5,63$	$4,62 \pm 4,87$	$0,91 \pm 5,98$	440,0 (0,022)*
Отрицание экологических изменений	$5,63 \pm 5,94$	$7,24 \pm 5,13$	$3,50 \pm 6,38$	431,0 (0,033)*
Финансово-экономические приоритеты	$-2,20 \pm 5,06$	$-3,31 \pm 5,03$	$-0,73 \pm 4,83$	236,0 (0,116)
Озабоченность глобальными экологическими изменениями	$15,18 \pm 16,58$	$20,03 \pm 14,10$	$8,77 \pm 17,72$	435,0 (0,028)*

* Уровень значимости: $p < 0,05$

Table 1. Comparison of mean values for male and female samples

Variables (shortened name)	Whole sample	Female	Male	Wilcoxon test
	$M \pm sd$	$M \pm sd$	$M \pm sd$	$W(p)$
Reflection on moral and ethical situations	2.37 ± 1.09	2.52 ± 1.06	2.18 ± 1.14	374.0 (0.281)
Moral and ethical intuition	2.96 ± 1.18	3.00 ± 1.10	2.91 ± 1.31	335.0 (0.761)
Existential aspect of responsibility	2.18 ± 1.07	2.17 ± 1.14	2.18 ± 1.01	317.5 (0.984)
Altruistic emotions	3.65 ± 1.07	3.79 ± 1.01	3.45 ± 1.14	373.5 (0.281)

Table 1. Completion

Moral and ethical values	2.45 ± 1.08	2.55 ± 0.95	2.32 ± 1.25	358.5 (0.438)
Moral and ethical responsibility	13.61 ± 3.22	14.03 ± 3.34	13.05 ± 3.03	377.5 (0.268)
Care	19.12 ± 4.51	20.10 ± 3.99	17.82 ± 4.91	427.0 (0.040)*
Fairness	19.41 ± 3.97	20.00 ± 3.30	18.64 ± 4.68	395.0 (0.149)
Loyalty	14.37 ± 4.47	15.03 ± 4.03	13.50 ± 4.94	387.0 (0.197)
Authority	12.08 ± 4.84	12.07 ± 5.38	12.09 ± 4.15	326.0 (0.901)
Purity	14.78 ± 5.04	15.97 ± 4.70	13.23 ± 5.15	402.5 (0.113)
Biocentrism	-4.33 ± 5.26	-4.86 ± 4.88	-3.64 ± 5.76	271.0 (0.365)
Internality	3.02 ± 5.63	4.62 ± 4.87	0.91 ± 5.98	440.0 (0.022)*
Economic priorities	5.63 ± 5.94	7.24 ± 5.13	3.50 ± 6.38	431.0 (0.033)*
Denial of environmental changes	-2.20 ± 5.06	-3.31 ± 5.03	-0.73 ± 4.83	236.0 (0.116)
Concern about global environmental changes	15.18 ± 16.58	20.03 ± 14.10	8.77 ± 17.72	435.0 (0.028)*

* Level of significance: $p < 0.05$

Спирмена. Среди значимых коэффициентов корреляции рассмотрим только те, которые связывают различные методики. Таких связей в нашей выборке оказалось три. Показатель «Рефлексия на морально-этические ситуации» связан с переменной «Биоцентризм» ($r = 0,32$; $p = 0,020$), а альтруистические эмоции с биоцентризмом ($r = 0,31$; $p = 0,025$) и показателем озабоченности экологическими проблемами ($r = 0,28$; $p = 0,049$). Это значит, что высокий уровень биосферного беспокойства и принятие равноправия с другими живыми существами, обитающими на нашей планете, опосредованный рефлексией на ситуации морально-этического характера и альтруистическими эмоциями, является центральным элементом корреляционной модели и опосредованно, через проявление альтруистических эмоций, связан со снижением озабоченности глобальными экологическими проблемами. Это позволяет предположить, что нравственная рефлексия, направленная на биоцентрическое отражение действительности человеческого сознания, опосредует активизацию альтруистических эмоций, в поле которых попадает озабоченность глобальными экологическими проблемами.

Для более полного описания взаимовлияний и построения модели влияния морально-этических конструктов на отношение к природе был проведен множественный регрессионный анализ. В соответствии с нашей гипотезой в качестве зависимой переменной был выбран общий показатель озабоченности экологическими проблемами. Отдельные шкалы методики Эко 30 в данном анализе не использовались. Регрессионная модель строилась без учета взаимодействия между факторами, в качестве независимых переменных рассматривались все шкалы двух других методик. Использовался пошаговый алгоритм выбора наиболее значимых факторов (Stepwise Algorithm, функция step) для сокращения числа независимых переменных в итоговой модели. Результаты представлены в таблице 2.

Полученная модель регрессионного анализа позволяет нам установить степени взаимосвязи между переменными и использовать ее для последующего моделирования возможной зависимости. Так, видно, что усиливающееся влияние переменной «рефлексии на морально-этические ситуации» оказывается связанной с увеличением переменной «озабоченность

Табл. 2. Регрессионная модель

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-значение	Pr(> t)
(Константа)	15,4944	10,9008	1,421	0,16209
D1: Рефлексия на морально-этические ситуации	6,2526	2,0756	3,012	0,00424
D3: Экзистенциальный аспект ответственности	-5,3055	2,0875	-2,542	0,01455
D4: Альтруистические эмоции	2,6393	1,8937	1,394	0,17024
M4: Уважение к авторитетам	-0,8024	0,4087	-1,963	0,05580
Пол — Мужской	-8,2034	3,9452	-2,079	0,04332
Стандартная ошибка остатков: 13,61 на 45 степенях свободы Множественный R-квадрат: 0,3939, скорректированный R-квадрат: 0,3266 F-statistic: 5,85 на 5 и 45 степенях свободы, p: 0,0003032				

Table 2. Regression model

Variable	Estimate	Std. Error	t value	Pr(> t)
(Intercept)	15.4944	10.9008	1.421	0.16209
D1: Reflection on moral and ethical situations	6.2526	2.0756	3.012	0.00424
D3: Existential aspect of responsibility	-5.3055	2.0875	-2.542	0.01455
D4: Altruistic emotions	2.6393	1.8937	1.394	0.17024
M4: Authority	-0.8024	0.4087	-1.963	0.05580
Male gender	-8.2034	3.9452	-2.079	0.04332
Residual standard error: 13.61 on 45 degrees of freedom Multiple R-squared: 0.3939, Adjusted R-squared: 0.3266 F-statistic: 5.85 on 5 and 45 DF, p-value: 0.0003032				

глобальными экологическими проблемами». Это может означать позитивное влияние рефлексии, актуализирующейся в ситуациях, связанных с моральной оценкой, на принятие озабоченности существованием глобальных экологических проблем. Показано, что увеличение экзистенциальной ответственности связано со снижением озабоченности глобальными

экологическими проблемами. Данная связь демонстрирует возможность снятия озабоченности, связанной с этими проблемами, через развитие экзистенциального аспекта ответственности. Взяв на себя ответственность, человек в большей мере сосредотачивается не на деструктивном беспокойстве, а на желании понять то, насколько он может стать субъектом

выбора и принятия решений в сложных экологических ситуациях. Установлено, что принадлежность к мужскому полу связана со снижением озабоченности глобальными экологическими проблемами на 8,4 балла. С одной стороны, это вызывает некоторую озабоченность, но, с другой, позволяет надеяться на то, что мужчины становятся стабилизирующим элементом общества, снимающим деструктивное беспокойство и тревогу.

Представленные эмпирические данные открывают новый ракурс рассмотрения проблем социоприродного взаимодействия, затрагивающий как выбор ориентиров нравственной оценки, помогающих избрать актуальный вектор жизненной активности, так и глубокие структуры личности, связанные с нравственным характером организации человеческой деятельности.

Следует отметить роль рефлексивной деятельности в понимании значений и смыслов сосуществования природы и общества. Глубина рефлексивного процесса открывает, с одной стороны, ресурсную ценность природы, с другой — экономическую и нравственную подоплеку этих отношений. Понимание того, что отношение к природе прочно «вплетено» в ткань человеческих взаимоотношений, приходит с расширением нравственного рефлексивного поля. Хотя в нашем случае показатели рефлексии не достигают своих максимальных значений, но ее наличие и особенно достоверная связь с переменной «Биоцентризм» позволяет говорить, что присутствует сопряженность между этими важными характеристиками, создающими условие появления нравственной оценки человеческой активности, направленной на природные объекты и явления. Сфокусированность сознания на готовности к осмыслению экологических угроз с позиций биоцентризма создает условия для появления биосферного беспокойства и экологического эгалитаризма — принятия прав природного окружения. Альтруистические эмоции могут подчеркивать, как разъясняют И. В. Кряж (Кряж 2013) и И. Г. Тимошук (Тимошук 2004), центральную роль биоцентризма и обеспечивают его общечеловеческий характер. Можно констатировать, что альтруистические эмоции стимулируют поверхностную рефлексию, но не затрагивают глубокой нравственной регуляции предметно-практической деятельности, направленной на взаимодействие с природой. Нравственная направленность сознания определяет то, насколько люди, развращенные облегченным доступом к экономическим и материальным благам цивилизации, признают

право равного доступа к ним всех обитателей планеты, включая как членов человеческого общества, так и природных сообществ.

Также мы отмечаем и значимые различия в выраженности показателей нравственных характеристик (забота) и проявлений таких референтов экологического сознания, как экологическая интернальность, биоцентризм, общая озабоченность экологическими проблемами у представителей женского и мужского пола. Действительно, забота является важнейшим индикатором деятельности современного человека; если она направлена на природные объекты, то это свидетельство выбора оптимального направления активности человека, но в нашей выборке этот показатель несколько ниже, чем в исследовании О. А. Сычева, И. Н. Протасовой, К. И. Белоусова (Сычев, Протасова, Белоусов 2018), в которых демонстрируются более высокие значения.

Факт снижения показателей нравственного поведения у юношей находит свое подтверждение в работах Т. И. Ачинович (Ачинович 2020). Вместе с тем, по сравнению с результатами, полученными в исследовании С. В. Самойловой (Самойлова 2018), характеризующими проявление озабоченности глобальными экологическими проблемами у экологически активной и пассивной молодежи, мы можем констатировать, что участники нашего исследования демонстрируют результаты по шкалам «Экологическая интернальность», «Биоцентризм», «Отрицание экологических проблем» ниже, чем у активистов, но выше, чем у экологически пассивной молодежи. А вот надежду на экономическое решение экологических проблем наши респонденты проявляют несколько чаще, чем представители экологически пассивной молодежи в исследовании С. В. Самойловой.

Вместе с тем следует отметить, что в проведенном нами регрессионном анализе исследовались отдельные факторы, в то время как диаграммы рассеяния показывают, что взаимодействие между моральными качествами и общей озабоченностью экологическими проблемами может носить различный, даже разнонаправленный характер у представителей разных полов (см. рис.). На графике изображены линии трендов и их доверительные интервалы отдельно для разных полов. Несмотря на небольшую выборку, мы можем увидеть, что во взаимодействии трех из пяти моральных оснований с переменной «Озабоченность глобальными экологическими изменениями» повторяется один паттерн. У мужчин моральные основания «Лояльность», «Уважение» и «Чистота» имеют

нулевую или слабую положительную связь с озабоченностью, тогда как у женщин эта связь намного более выражена и отрицательна. То есть чем более важны эти моральные основания, тем меньше человек озабочен экологическими изменениями. Наиболее заметно эта тенденция проявляется в моральном основании «Уважение». Можно предположить, что моральные авторитеты, к которым следует проявлять уважение, не транслируют в заметной степени

экологические идеи. Эти особенности требуют последующего анализа на более обширной выборке испытуемых. Модель может быть улучшена за счет включения в нее возможности взаимодействия между факторами.

Выводы

Отражение проблемы репрезентации экологической реальности в нравственном сознании

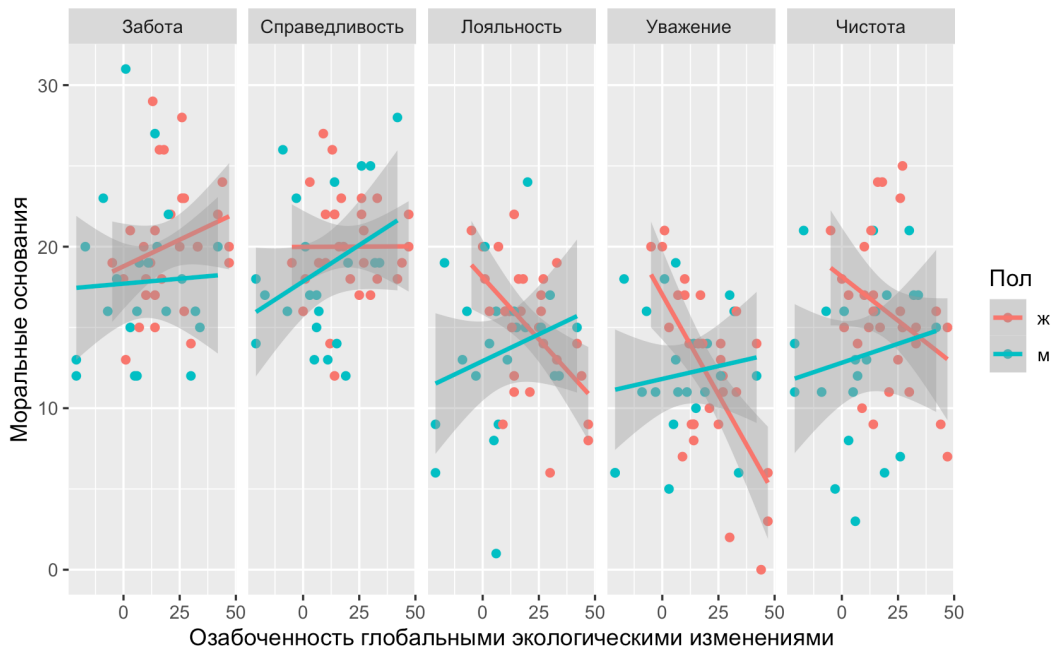

Рис. Взаимодействие между моральными основаниями и озабоченностью глобальными экологическими изменениями (K0)

Fig. Correlation between moral foundations and concern about global environmental changes

человека прошло ряд этапов научной рефлексии. Возможны различные уровни центрации экологического сознания, фокусирующие внимание исследователей на процессе нравственной ориентации при восприятии природных объектов, на ценностные позиции, связанные с определением ведущих ценностей устойчивого развития. Современная ее экспликация связана с идеей формирования эколого-гуманистической картины мира, ядром которой становится ценностно-смысловое единство природного и социального миров, регламентирующее релевантное экологическое поведение человека. Сочетание структурно-корреляционного и феноменологического характера исследований может открыть новый современный методологический ресурс. Этическими основаниями для оценки качества представлений человека о взаимодействии природы и общества может служить сопряжение между нравственными характеристиками личности и структурными элементами экологического сознания. Степень сопряженности может быть выражена количественно.

Полученная нами корреляционная модель демонстрирует, что рефлексия нравственных ситуаций связывается с важными индикаторами проявления эколого-гуманистической картины мира, среди которых биоцентризм, альтруистические эмоции, озабоченность глобальными экологическими проблемами.

Построенная регрессионная модель свидетельствует о важной роли рефлексии озабоченности глобальными экологическими проблемами в нравственно-этическом контексте. Установлено, что увеличение экзистенциальной ответственности связано со снижением озабо-

ченности глобальными экологическими проблемами. У мужчин озабоченность глобальными экологическими проблемами проявляется гораздо реже. Полученные данные позволяют интерпретировать психологические эффекты взаимодействия рассматриваемых переменных и могут носить прогностический характер.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics approval

The authors report that the study followed the ethical guidelines for human and animal research.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Author contributions

The authors made an equal contribution to the preparation of the publication.

Литература

- Ачинович, Т. И. (2020) Характеристики нравственной сферы личности студентов-психологов в ситуации морального выбора. *Психология человека в образовании*, т. 2, № 3, с. 220–229. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-3-220-229>
- Васильюк, Ф. Е. (1984) *Психология переживания*. М.: МГУ, 200 с.
- Вернадский, В. И. (1988) *Философские мысли натуралиста*. М.: Наука, 520 с.
- Веселова, Е. К. (2009) Совесть как психологический феномен. *Вестник СПбГУ. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, вып. 4, с. 127–135.
- Виноградов, П. Н., Пархоменко, О. Г., Яркин, П. А., Ефимова, И. А. (2019) Ценности и выбор человеком нравственной позиции при взаимодействии с природными объектами. *Научное мнение*, № 11, с. 57–63. <https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2019.11.57.63>
- Виноградов, П. Н. (2020) Нравственная регуляция экологической активности жителей города. В кн.: В. И. Панов (ред.). *Экопсихологические исследования-6: экология детства и психология устойчивого развития*. М.: ПИ РАО; Курск: Университетская книга, с. 26–30.
- Виноградов, П. Н., Яркин, П. А. (2019а) Исследование этических оснований отношения человека к природным объектам. В кн.: *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. Материалы II Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 10–11 октября 2019 г. Вып. 2*. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, с. 789–797. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2019-2-98>

- Виноградов, П. Н., Яркин, П. А. (2019b) Исследование коллективного экологического сознания посредством анализа композиционно свободных текстов. *Письма в Эмиссия.Оффлайн*, № 3, статья 2713. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emissia.org/offline/2019/2713.htm> (дата обращения 29.06.2021).
- Виноградов, П. Н., Ефимова, И. А. (2017) Соотношение экологических установок и ценностей подростков. В кн.: Е. Ю. Коржова, А. В. Микляева (ред.). *Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции 12–14 апреля 2017 г. Т. 1*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 40–47.
- Виноградов, П. Н., Кириллов, П. Н. (2003) Экологические ориентации как категория экологической психологии. В кн.: *Ежегодник Российского психологического общества. Материалы III Всероссийского съезда психологов 25–28 июня 2003 г. Т. 2*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 113–117.
- Виноградов, П. Н. (2002) Экологическое мировоззрение как ценность. В кн.: *Человек и ценности в XXI веке. Материалы международного семинара*. СПб.: СПбФ «Истинная помощь людям», с. 30–41.
- Дерябо, С. Д. (1997) Природный объект как отражаемый субъект. В кн.: Д. А. Леонтьев, В. Г. Щур (ред.). *Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии*. М.: Смысл, с. 223–230.
- Дорст, Ж. (1968) *До того как умрет природа*. М.: Прогресс, 415 с.
- Кавтарадзе, Д. Н., Брудный, А. А. (2012) *Основы экологического мировоззрения как задача образования для устойчивого развития*. М.: ФИРО, 63 с.
- Кириллов, П. Н. (2002) *Экологические ориентации учащихся и их формирование в условиях интерактивного обучения. Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук*. СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 163 с.
- Кряж, И. В. (2013) *Психология смысловой регуляции экологически релевантного поведения. Диссертация на соискание степени доктора психологических наук*. Харьков, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, 435 с.
- Леонтьев, Д. А. (2003) *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. М.: Смысл, 487 с.
- Леопольд, О. (1983) *Календарь песчаного графства*. М.: Мир, 243 с.
- Манеров, В. Х., Ван, Х., Карпова, С. В. (2020) Совесть, нравственность и развитие личности. В кн.: И. А. Баева, А. А. Баканова (ред.). *Психологическое сопровождение личности в меняющемся мире*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 47–57.
- Нартова-Бочавер, С. К., Мухортова, Е. А., Ирхин, Б. Д. (2020) Взаимодействие с миром растений как источник позитивного функционирования человека. *Консультативная психология и психотерапия*, т. 28, № 2, с. 151–169. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280209>
- Нестик, Т. А., Журавлев, А. Л. (2018) *Психология глобальных рисков*. М.: ИП РАН, 402 с.
- Панов, В. И. (2014) *Экопсихология. Парадигмальный поиск*. СПб.: Нестор-История, 296 с.
- Панов, В. И., Лидская, Э. В. (2012) Концепция устойчивого развития: экологическое мышление, сознание, ответственность. *Вестник МГТУ им. М. А. Шолохова*, № 1, с. 38–50.
- Печчеи, А. (1985) *Человеческие качества*. 2-е изд. М.: Прогресс, 312 с.
- Самойлова, С. В. (2018) *Взаимосвязь экологического сознания с отношением к себе и миру лиц с проэкологической активностью. Выпускная квалификационная работа (бакалавриат)*. Челябинск, ЮУрГУ (на правах рукописи), 93 с.
- Смолова, Л. В. (2012) Вклад психологии взаимодействия с окружающей средой в формирование нового типа сознания для решения экологических проблем. *Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии*, т. 13, вып. 1, с. 187–198.
- Сычев, О. А., Беспалов, А. М., Прудникова, М. М., Власов, М. С. (2016) Особенности моральных оснований у монгольских, немецких и российских подростков. *Культурноисторическая психология*, т. 12, № 1, с. 85–96. <https://doi.org/10.17759/chp.2016120109>
- Сычев, О. А., Протасова, И. Н., Белоусов, К. И. (2018) Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ. *Российский психологический журнал*, т. 15, № 3, с. 88–115. <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.5>
- Тимошук, И. Г. (2004) Диагностический инструментарий исследования некоторых аспектов ответственности у студентов-психологов. *Практична психологія та соціальна робота*, № 8, с. 37–40.
- Тимошук, И. Г. (2016) Ответственность практического психолога: исследование семантики понятия. В кн.: *Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. Вып. 50. Ч. 2*. Ялта: РИО ГПА, с. 219–226.
- Чердымова, Е. И. (2010) «Экологическое сознание» и «экологическая культура» в модели экологического образования. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, т. 12, № 3-1, с. 137–140.
- Швейцер, А. (1992) *Благоговение перед жизнью*. М.: Прогресс, 572 с.
- Шмелева, И. А. (2006) *Психология экологического сознания*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 204 с.
- Ясвин, В. А. (2000) *Психология отношения к природе*. М.: Смысл, 456 с.

- Ajzen, I., Fishbein, M. (2000) Attitudes and the attitude-behavior relation: Reasoned and automatic processes. *European Review of Social Psychology*, vol. 11, no. 1, pp. 1–33. <http://dx.doi.org/10.1080/14792779943000116>
- Berke, P. R., Conroy, M. M. (2000) Are we planning for sustainable development? *Journal of the American Planning Association*, vol. 66, no. 1, pp. 21–33. <https://doi.org/10.1080/01944360008976081>
- Graham, J., Haidt, J., Koleva, S. et al. (2013) Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism. In: P. Devine, A. Plant (eds.). *Advances in experimental social psychology*. Vol. 47. San Diego: Academic Press, pp. 55–130. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4>
- Horlings, L. (2015) The inner dimension of sustainability: Personal and cultural values. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, vol. 14, pp. 163–169. <http://dx.doi.org/10.1016/j.cosust.2015.06.006>
- Jorgensen, B. S., Stedman, R. C. (2001) Sense of place as an attitude: Lakeshore owners attitudes toward their properties. *Journal of Environmental Psychology*, vol. 21, no. 3, pp. 233–248. <http://dx.doi.org/10.1006/jevp.2001.0226>
- Kwon, S.-A., Kim, S., Lee, J. (2019) Analyzing the determinants of individual Action on climate change by specifying the roles of six values in South Korea. Sustainability. *Multidisciplinary Digital Publishing Institute*, vol. 11, no. 7, article 1834. <https://doi.org/10.3390/su11071834>
- Lalli, M. (1992) Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings. *Journal of Environmental Psychology*, vol. 12, no. 4, pp. 285–303. [http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944\(05\)80078-7](http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80078-7)
- Masterson, V. A., Stedman, R. C., Enqvist, J. et al. (2017) The contribution of sense of place to social-ecological systems research: A review and research agenda. *Ecology and Society*, vol. 22, no. 1, article 49. <https://doi.org/10.5751/ES-08872-220149>
- Muhar, A., Raymond, C. M., Born, R. J. G. et al. (2018) A model integrating social-cultural concepts of nature into frameworks of interaction between social and natural systems. *Journal of Environmental Planning and Management*, vol. 61, no. 5-6, pp. 756–777. <https://doi.org/10.1080/09640568.2017.1327424>
- Seamon, D. (2000) A way of seeing people and place: Phenomenology in environment-behavior research. In: S. Wapner, J. Demick, C. T. Yamamoto, H. Minami (eds.). *Theoretical perspectives in environment-behavior research*. New York: Springer, pp. 157–178. http://dx.doi.org/10.1007/978-1-4615-4701-3_13
- Shamai, S. (1991) Sense of place: An empirical measurement. *Geoforum*, vol. 22, no. 3, pp. 347–358. [http://dx.doi.org/10.1016/0016-7185\(91\)90017-k](http://dx.doi.org/10.1016/0016-7185(91)90017-k)
- Trentelman, C. K. (2009) Place attachment and community attachment: A primer grounded in the lived experience of a community sociologist. *Society and Natural Resources*, vol. 22, no. 3, pp. 191–210. <http://dx.doi.org/10.1080/08941920802191712>
- Wamsler, C., Brink, E. (2018) Mindsets for sustainability: Exploring the link between mindfulness and sustainable. *Climate Adaptation*, vol. 151, pp. 55–61. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2018.04.029>

References

- Achinovich, T. I. (2020) Kharakteristiki npravstvennoj sfery lichnosti studentov-psikhologov v situatsii moral'nogo vybora [Characteristics of the moral sphere of the personality of psychology students in a situation of moral choice]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 2, no. 3, pp. 220–229. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-3-220-229> (In Russian)
- Ajzen, I., Fishbein, M. (2000) Attitudes and the attitude-behavior relation: Reasoned and automatic processes. *European Review of Social Psychology*, vol. 11, no. 1, pp. 1–33. <http://dx.doi.org/10.1080/14792779943000116> (In English)
- Berke, P. R., Conroy, M. M. (2000) Are we planning for sustainable development? *Journal of the American Planning Association*, vol. 66, no. 1, pp. 21–33. <https://doi.org/10.1080/01944360008976081> (In English)
- Cherdymova, E. I. (2010) “Ekologicheskoe soznanie” i “ekologicheskaya kul'tura” v modeli ekologicheskogo obrazovaniya [The diagnostic components of the terms “ecological culture” and “ecological consciousness”]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk — Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 12, no. 3-1, pp. 137–140. (In Russian)
- Deryabo, S. D. (1997) Prirodnyj ob'ekt kak otrazhaemyj sub'ekt [Natural object as a reflected subject]. In: D. A. Leont'ev, V. G. Shchur (eds.). *Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumanisticheskaya perspektiva v postsovetsoj psikhologii [Psychology with a human face: A humanist perspective in post-soviet psychology]*. Moscow: Smysl Publ., pp. 223–230. (In Russian)
- Dorst, Zh. (1968) *Do togo kak umret priroda [Before nature dies]*. Moscow: Progress Publ., 415 p. (In Russian)
- Graham, J., Haidt, J., Koleva, S. et al. (2013) Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism. In: P. Devine, A. Plant (eds.). *Advances in experimental social psychology*. Vol. 47. San Diego: Academic Press, pp. 55–130. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4> (In English)
- Horlings, L. (2015) The inner dimension of sustainability: Personal and cultural values. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, vol. 14, pp. 163–169. <http://dx.doi.org/10.1016/j.cosust.2015.06.006> (In English)
- Jorgensen, B. S., Stedman, R. C. (2001) Sense of place as an attitude: Lakeshore owners attitudes toward their properties. *Journal of Environmental Psychology*, vol. 21, no. 3, pp. 233–248. <http://dx.doi.org/10.1006/jevp.2001.0226> (In English)

- Kavtaradze, D. N., Brudnyj, A. A. (2012) *Osnovy ekologicheskogo mirovozzreniya kak zadacha obrazovaniya dlya ustojchivogo razvitiya* [The foundations of the ecological worldview as a task of education for sustainable development]. Moscow: FIRO Publ., 63 p. (In Russian)
- Kirilov, P. N. (2002) *Ekologicheskie orientatsii uchashchikhsya i ikh formirovanie v usloviyakh interaktivnogo obucheniya* [Environmental orientations of students and their formation in the context of interactive learning]. PhD dissertation (Psychology). Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 163 p. (In Russian)
- Kryazh, I. V. (2013) *Psikhologiya smyslovoj regulyatsii ekologicheski relevantnogo povedeniya* [Psychology of semantic regulation of ecologically relevant behavior]. PhD dissertation (Psychology). Kharkiv, V. N. Karazin Kharkiv National University, 435 p. (In Russian)
- Kwon, S.-A., Kim, S., Lee, J. (2019) Analyzing the determinants of individual action on climate change by specifying the roles of six values in South Korea. Sustainability. *Multidisciplinary Digital Publishing Institute*, vol. 11, no. 7, article 1834. <https://doi.org/10.3390/su11071834> (In English)
- Lalli, M. (1992) Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings. *Journal of Environmental Psychology*, vol. 12, no. 4, pp. 285–303. [http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944\(05\)80078-7](http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80078-7) (In English)
- Leont'ev, D. A. (2003) *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [The psychology of meaning: The nature, structure and dynamics of meaningful reality]. Moscow: Smysl Publ., 487 p. (In Russian)
- Leopold, A. (1983) *A sand county almanac*. Moscow: Mir Publ., 243 p. (In Russian)
- Manerov, V. Kh., Van, Kh., Karpova, S. V. (2020) Sovest' npravstvennost' i razvitie lichnosti [Conscience, morality and personal development]. In: I. A. Baeva, A. A. Bakanova (eds.). *Psikhologicheskoe soprovozhdenie lichnosti v menyayushchemsya mire* [Psychological support of a person in a changing world]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 47–57. (In Russian)
- Masterson, V. A., Stedman, R. C., Enqvist, J. et al. (2017) The contribution of sense of place to social-ecological systems research: A review and research agenda. *Ecology and Society*, vol. 22, no. 1, article 49. <https://doi.org/10.5751/ES-08872-220149> (In English)
- Muhar, A., Raymond, C. M., Born, R. J. G. et al. (2018) A model integrating social-cultural concepts of nature into frameworks of interaction between social and natural systems. *Journal of Environmental Planning and Management*, vol. 61, no. 5-6, pp. 756–777. <https://doi.org/10.1080/09640568.2017.1327424> (In English)
- Nartova-Bochaver, S. K., Mukhortova, E. A., Irkhin B. D. (2020) Vzaimodejstvie s mirom rastenij kak istochnik pozitivnogo funkcionirovaniya cheloveka [Interaction with the plant world as a source of positive human functioning]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya — Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 28, no. 2, pp. 151–169. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280209> (In Russian)
- Nestik, T. A., Zhuravlev, A. L. (2018) *Psikhologiya global'nykh riskov* [Psychology of global risks]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ., 402 p. (In Russian)
- Panov, V. I. (2014) *Ekopsikhologiya. Paradigmat'nyj poisk* [Ecopsychology. Paradigmatic search]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 296 p. (In Russian)
- Panov, V. I., Lidskaya, E. V. (2012) Kontseptsiya ustojchivogo razvitiya: ekologicheskoe myshlenie, soznanie, otvetstvennost' [Sustainable development concept: Ecological thinking, consciousness, responsibility]. *Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova*, no. 1, pp. 38–50. (In Russian)
- Peccei, A. (1985) *The human quality*. 2nd ed. Moscow: Progress Publ., 312 p. (In Russian)
- Samojlova, S. V. (2018) *Vzaimosvyaz' ekologicheskogo soznaniya s otnosheniyami k sebe i miru lits s proekologicheskoy aktivnost'yu* [The relationship of ecological consciousness with the attitude towards themselves and the world of persons with pro-ecological activity]. Bachelor thesis. Chelyabinsk, South Ural State University (as a manuscript), 93 p. (In Russian)
- Schweitzer, A. (1989) *Reverence for life*. Moscow: Progress Publ., 572 p. (In Russian)
- Seamon, D. (2000) A way of seeing people and place: Phenomenology in environment-behavior research. In: S. Wapner, J. Demick, C. T. Yamamoto, H. Minami (eds.). *Theoretical perspectives in environment-behavior research*. New York: Springer, pp. 157–178. http://dx.doi.org/10.1007/978-1-4615-4701-3_13 (In English)
- Shamai, S. (1991) Sense of place: An empirical measurement. *Geoforum*, vol. 22, no. 3, pp. 347–358. [http://dx.doi.org/10.1016/0016-7185\(91\)90017-k](http://dx.doi.org/10.1016/0016-7185(91)90017-k) (In English)
- Shmeleva, I. A. (2006) *Psikhologiya ekologicheskogo soznaniya* [Psychology of environmental consciousness]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., 204 p. (In Russian)
- Smolova, L. V. (2012) Vklad psikhologii vzaimodejstviya s okruzhayushchej sredoy v formirovanie novogo tipa soznaniya dlya resheniya ekologicheskikh problem [The contribution of the psychology of interaction with the environment in the formation of a new type of consciousness for solving environmental problems]. *Vestnik Russkoj Khristianskoj Gumanitarnoj Akademii*, vol. 13, no. 1, pp. 187–198. (In Russian)
- Sychev, O. A., Bespalov, A. M., Prudnikova, M. M., Vlasov, M. S. (2016) Osobennosti moral'nykh osnovanij u mongol'skikh, nemetskikh i rossijskikh podrostkov [Features of moral foundations in Mongolian, German and Russian adolescents]. *Kul'turnoistoricheskaya psikhologiya — Cultural-Historical Psychology*, vol. 12, no. 1, pp. 85–96. <https://doi.org/10.17759/chp.2016120109> (In Russian)
- Sychev, O. A., Protasova, I. N., Belousov, K. I. (2018) Diagnostika moral'nykh osnovanij: aprobat'siya russkoyazychnoj versii oprosnika MFQ [Diagnosing moral foundations: Testing of the Russian version of the Moral Foundations

- Questionnaire]. *Rossijskij psikhologicheskij zhurnal*, vol. 15, no. 3, pp. 88–115. <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.5> (In Russian)
- Timoshchuk, I. G. (2004) Diagnosticheskij instrumentarij issledovaniya nekotorykh aspektov otvetstvennosti u studentov-psikhologov [Diagnostic tools for studying some aspects of responsibility in psychology students]. *Praktichna psikhologiya ta sotsial'na robota*, no. 8, pp. 37–40. (In Russian)
- Timoshchuk, I. G. (2016) Otvetstvennost' prakticheskogo psikhologa: issledovanie semantiki ponyatiya [The responsibility of a practical psychologist: A study of the semantics of a concept]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. Ser.: Pedagogika i psikhologiya [Problems of modern pedagogical education. Series: Pedagogy and Psychology]*. Iss. 50. Pt 2. Yalta: RIO GPA Publ., pp. 219–226. (In Russian)
- Trentelman, C. K. (2009) Place attachment and community attachment: A primer grounded in the lived experience of a community sociologist. *Society and Natural Resources*, vol. 22, no. 3, pp. 191–210. <http://dx.doi.org/10.1080/08941920802191712> (In English)
- Vasilyuk, F. E. (1984) *Psikhologiya perezhivaniya [Psychology of experiencing]*. Moscow: Moscow University Press, 200 p. (In Russian)
- Vernadskij, V. I. (1988) *Filosofskie mysli naturalista [Philosophical thoughts of a naturalist]*. Moscow: Nauka Publ., 520 p. (In Russian)
- Veselova, E. K. (2009) Sovest' kak psikhologicheskij fenomen [Conscience as a psychological phenomenon]. *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika — Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education*, no. 4, pp. 127–135. (In Russian)
- Vinogradov, P. N. (2002) Ekologicheskoe mirovovzrenie kak tsennost' [Environmental outlook as a value]. In: *Chelovek i tsennosti v XXI veke. Materialy mezhdunarodnogo seminar [Man and values in the XXI century. Proceedings of the international seminar]*. Saint Petersburg: SPBF "Istinnaya pomoshch' lyudyam" Publ., pp. 30–41. (In Russian)
- Vinogradov, P. N. (2020) Nravstvennaya regulyatsiya ekologicheskoy aktivnosti zhitelej goroda [Moral regulation of the ecological activity of city residents]. In: V. N. Panov (ed.). *Ekopsikhologicheskie issledovaniya-6: ekologiya detstva i psikhologiya ustojchivogo razvitiya [Ecopsychological research-6: Childhood ecology and psychology of sustainable development]*. Moscow: Psychological Institute of Russian Academy of Education Publ.; Kursk: Universitetskaya kniga Publ., pp. 26–30. (In Russian)
- Vinogradov, P. N., Efimova, I. A. (2017) Sootnoshenie ekologicheskikh ustanovok i tsennostej podrostkov [The ratio of environmental attitudes and values of adolescents]. In: E. Yu. Korzhova, A. V. Miklyaeva (eds.). *Integrativnyj podkhod k psikhologii cheloveka i sotsial'nomu vzaimodejstviyu lyudej: vektory razvitiya sovremennoj psikhologicheskoy nauki. Materialy VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii 12–14 aprelya 2017 g. [An integrative approach to human psychology and social interaction of people: Vectors of development of modern psychological science. Proceedings of the scientific and practical conference, 12–14 April, 2017]*. Vol. 1. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 40–47. (In Russian)
- Vinogradov, P. N., Kirillov, P. N. (2003) Ekologicheskie orientatsii kak kategoriya ekologicheskoy psikhologii [Environmental orientation as a category of environmental psychology]. In: *Ezhegodnik Rossijskogo psikhologicheskogo obshchestva. Materialy III Vserossijskogo s'ezda psikhologov 25–28 iyunya 2003 g. [Yearbook of the Russian Psychological Society. Proceedings of the 3rd All-Russian congress of psychologists, 25–28 June, 2003]*. Vol. 2. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 113–117. (In Russian)
- Vinogradov, P. N., Parkhomenko, O. G., Yarkin, P. A., Efimova, I. A. (2019) Tsennosti i vybor chelovekom нравственной позиции при взаимодействии с природными объектами [Values and the choice of a person's moral position when interacting with natural objects]. *Nauchnoe mnenie — The Scientific Opinion*, no. 11, pp. 57–63. <https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2019.11.57.63> (In Russian)
- Vinogradov, P. N., Yarkin, P. A. (2019a) Issledovanie eticheskikh osnovanij otnosheniya cheloveka k prirodnym ob'ektam [Investigation of the ethical foundations of a person's relationship to natural objects]. In: *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 10–11 oktyabrya 2019 g. [The Herzen University Studies: Psychology in Education Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. St Petersburg, 10–11 October 2019]*. Iss. 2. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ., pp. 789–797. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2019-2-98> (In Russian)
- Vinogradov, P. N., Yarkin, P. A. (2019b) Issledovanie kollektivnogo ekologicheskogo soznaniya posredstvom analiza kompozitsionno svobodnykh tekstov [Research of collective ecological consciousness through the analysis of compositionally free texts]. *Pis'ma v Emissiya.Offline — The Emissia.Offline Letters*, no. 3, article 2713. [Online]. Available at: <http://www.emissia.org/offline/2019/2713.htm> (accessed 29.06.2021). (In Russian)
- Wamsler, C., Brink, E. (2018) Mindsets for sustainability: Exploring the link between mindfulness and sustainable. *Climate Adaptation*, vol. 151, pp. 55–61. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2018.04.029> (In English)
- Yasvin, V. A. (2000) *Psikhologiya otnosheniya k prirode [Psychology of attitude towards nature]*. Moscow: Smysl Publ., 456 p. (In Russian)

Check for updates

Личность как субъект образования
на различных этапах жизненного пути
и проблемы психологии воспитания

УДК 316.627+316.663.2:316.772.4 <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-273-287>

Структурные компоненты просоциальной личности специалистов, ориентированных на оказание помощи

Н. В. Кухтова^{✉1}

¹ Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
210038, Республика Беларусь, г. Витебск, Московский пр-т, д. 33

Сведения об авторе

Наталья Валентиновна Кухтова,
SPIN-код: 8220-9920,
Scopus Author ID: 57216434547,
ORCID: 0000-0002-7947-4203,
e-mail: zvetok@tut.by

Для цитирования:

Кухтова, Н. В.
(2021) Структурные компоненты просоциальной личности специалистов, ориентированных на оказание помощи. *Психология человека в образовании*, т. 3, № 3, с. 273–287.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-273-287>

Получена 6 мая 2021; прошла рецензирование 25 мая 2021; принята 17 июня 2021.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Н. В. Кухтова (2021). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Введение. В статье представлен краткий обзор теоретических и эмпирических исследований просоциального поведения в зарубежных и российских изданиях. Отмечена потребность в определении направлений изучения просоциального поведения в целом и просоциальной личности в частности и выделении составляющих их элементов. Целью исследования является теоретико-эмпирическое определение структурных компонентов просоциальной личности специалистов, ориентированных на оказание помощи. Теоретический анализ позволил выделить структурные компоненты просоциальной личности «помогающих» специалистов с позиции содержательно-функциональных компонентов просоциальной личности и подхода, ориентированного на систему профессионально важных качеств специалистов. Просоциальную личность специалистов помогающих профессий можно рассматривать через структурные компоненты: мотивационный, когнитивный, эмоциональный, поведенческий (и их функций) — и профессионально-важные качества, выделяемые на основе свойств личности (социальных, социально-психологических и психологических).

Материалы и методы. Предметом исследования являются структурные компоненты просоциальной личности. Объектом — специалисты, ориентированные на оказание помощи. В эмпирическом исследовании использовались психодиагностические методики «Измерение просоциальных тенденций» (Г. Карло, Б. А. Рэндалл, адаптация Н. В. Кухтовой), «Социальные нормы просоциального поведения» (Н. В. Кухтова), «Психодиагностический тест» (В. М. Мельников, Л. Т. Ямпольский) и «Межличностный индекс реактивности» (М. Девис, адаптация Н. В. Кухтовой), а также методы математической статистики (факторный анализ).

Результаты исследования. Результатом эмпирического исследования является выделение структурных компонентов просоциальной личности специалистов, ориентированных на оказание помощи, на основе факторного анализа: мотивационный (эмоционально-нормативный и взаимно-альтруистический), когнитивный (субъективные переживания, личностная впечатлительность, характеристики общения, асоциальные тенденции), эмоциональный (эмоционально-когнитивный характер и альтруистические побуждения), поведенческий (социальная нормативность, взаимовыгодная меновость, поведенческие стратегии, публичная активность), а также определение их содержательной наполненности.

Заключение. Полученные результаты могут применяться для построения эффективных программ по выработке необходимых профессиональных качеств специалистов помогающих профессий, а также могут быть использованы для психологического отбора и определения профессиональной пригодности психологов, социальных работников, медицинских работников, сотрудников МЧС и правоохранительных органов.

Ключевые слова: просоциальное поведение, просоциальная личность, специалисты, ориентированные на оказание помощи, структурные компоненты просоциальной личности, содержательно-функциональные компоненты просоциальной личности, профессионально важные качества.

Structural components of the prosocial personality of assistance-oriented professionals

N. V. Kukhtova^{✉1}

¹ Vitebsk State University named after P. M. Masherov, 33 Moskovskiy Avenue, Vitebsk 210038, Republic of Belarus

Author

Natalia V. Kukhtova,
SPIN: 8220-9920,
Scopus Author ID: 57216434547,
ORCID: 0000-0002-7947-4203,
e-mail: zvetok@tut.by

For citation:

Kukhtova, N. V.
(2021) Structural components
of the prosocial personality of
assistance-oriented professionals.
Psychology in Education, vol. 3,
no. 3, pp. 273–287.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-273-287>

Received 6 May 2021;
reviewed 25 May 2021;
accepted 17 June 2021.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © N. V. Kukhtova (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. Introduction. This article presents a brief overview of theoretical and empirical studies of prosocial behaviour in foreign, Russian and Ukrainian publications, focusing on schools of thought in prosocial behaviour and personality research and their components. The aim of the study is to determine structural components of the prosocial personality of the assistance-oriented professionals. The theoretical analysis made it possible to distinguish structural components of the prosocial personality of assisting specialists based on the following approaches: an approach from the perspective of the content and functional components of the prosocial personality and an approach focused on the framework of specialists' professionally relevant traits. The prosocial personality of assisting professionals can be described both through its structural components—motivational, cognitive, emotional and behavioural ones—and professionally relevant traits based on the properties of the personality (social, socio-psychological and psychological ones).

Materials and methods. The subject of the study is structural components of the prosocial personality in assisting professionals. The following psychological assessment techniques were used in the empirical study: Pro-social Tendencies Measure Scale by G. Carlo and B. A. Randall, (adaptation by N. V. Kukhtova), Social Norms of Prosocial Behaviour by N. V. Kukhtova, Psychological Assessment Test by V. M. Melnikov and L. T. Yampolsky and Interpersonal Reactivity Index by M. Davis (adaptation by N. V. Kukhtova).

Results. This empirical study—based on the factor analysis—has resulted in the list and content of structural components of the prosocial personality of assistance-oriented specialists. They are as follows: motivational (emotionally normative and mutually altruistic), cognitive (subjective experiences, personal impressiveness, characteristics of communication, asocial tendencies), emotional (emotional-cognitive character and altruistic motives), behavioural (social normativity, mutually beneficial exchange, behavioural strategies, public activity).

Conclusion. The results can be used to build effective programs developing the necessary professional qualities of specialists in assisting professions, and can also be used to select and determine the professional suitability of psychologists, social workers, medical workers, employees of the Ministry of Emergencies and law enforcement agencies.

Keywords: prosocial behavior, prosocial personality, assistance-oriented professionals, structural components of prosocial personality, content-functional components of prosocial personality, professionally important qualities.

Введение

В мире существуют научные школы, занимающиеся теоретическим обоснованием и разработкой программ воспитания просоциальности как черты личности: межуниверситетский центр исследований происхождения и развития просоциальной и антисоциальной мотивации (Рим, Италия); исследовательская лаборатория прикладной просоциальности (Автономный Университет Барселоны, Испания); Кембриджская лаборатория исследования просоциальности и благосостояния (Кембриджский университет, Великобритания). В том числе,

ведутся зарубежные исследования в области просоциального поведения (Бостонский университет, Университет Небраски и др.), в которых в основном отражается изучение отдельных компонентов просоциального поведения: альтруизма, эмпатии (Donius 1994; Hardy 2005; Paola 2005; Zethren 2002).

В последние годы также отмечается повышенный интерес к исследованию просоциального поведения в различных контекстах в российских, белорусских и украинских исследованиях. Изучаются: взаимосвязь ценностей и просоциального поведения (Гриценко, Ковалева 2014; Ефимова, Бульцева 2020; Смольникова 2006);

особенности просоциального поведения (Ковригина 2019; Назина 2011); просоциальная направленность педагогической деятельности (Ерошенкова 2019), просоциальное поведение волонтеров (Шлюбуль, Синелькова, Чашкова и др. 2016); модели просоциального поведения (Казанцева, Марарица, Ерицян 2018; Соболев 2013; Тарасова, Соболев 2014; Шлюбуль, Синелькова, Чашкова и др. 2016); просоциальное поведение личности как накопление социального капитала (Свенцицкий, Казанцева 2015); просоциальная мотивация (Брессо 2013; Ковалёва 2012; Луценко 2018; Люсина 2013; Сочивко 2019; Шермазанян 2015); социально-психологический тренинг личностного роста как средство развития просоциального поведения (Мазур 2008); типологии (Гриценко, Ковалёва 2014; Зуй 2018; Кухтова 2018); просоциальное поведение в условиях инклюзивного образования (Некрасова 2011); просоциальное поведение у детей, подростков, в юношеском возрасте (студенчество) (Кухтова 2020; Кухтова, Сотникова 2020; Морозикова 2018; Серова 2016; Смольникова 2006; Сотникова 2020) и ряд других вопросов (Артпентьева 2016). В научном дискурсе украинской науки наблюдается стремительное распространение публикаций, касающихся просоциального поведения (Бойко 2016; Петренко 2005). При этом большинство украинских публикаций касаются развития просоциальности у школьников и студентов.

Несмотря на достаточно существенный диапазон представленности теоретических и эмпирических исследований просоциального поведения, в большинстве работ не затрагивается изучение специалистов помогающих профессий, при том, что с определенной вероятностью можно утверждать, что в основе профессиональной деятельности «помогающих» специалистов лежит просоциальность, которая является определенной психологической проблемой, связанной с концептуализацией отдельных личностных характеристик специалистов при рассмотрении составляющих профессионально важных качеств с позиций структурных компонентов просоциальности (Толочек 2020 и др.).

Профессии, ориентированные на оказание помощи (помогающие профессии), предъявляют высокие требования к таким качествам работника, как умение устанавливать и поддерживать деловые контакты, понимать состояние и оказывать влияние на других людей, проявлять выдержку, спокойствие и доброжелательность, что напрямую связано с проявлением просоциального поведения (Ильин 2013).

При реализации профессиональной деятельности качества специалистов помогающих профессий по своему содержанию становятся преимущественно личностными. Важным в данном аспекте является проявление просоциальности, которое может рассматриваться как необходимое проявление профессионализма и связано со спецификой труда (оказание помощи, экстренность, эмоциональная вовлеченность и т. д.) (Кочетков 2006). Так, особенностями просоциальной личности являются определенные содержательные (личностные) и функциональные характеристики в совокупности с системой профессионально-важных качеств. Российские и зарубежные исследования позволяют дифференцировать содержательные характеристики просоциального поведения с учетом преобладания одного из компонентов: эмоционального, когнитивного, поведенческого, мотивационного. Между ними обнаруживаются сложные взаимосвязи с системой профессионально-важных качеств, которые раскрываются на основе социальных, социально-психологических и психологических свойств. В том числе социально позитивные и предписанные профессией качества в своих внешних проявлениях могут индуцироваться чисто случайными, ситуационными факторами и могут быть связаны с проявлением просоциального поведения в профессиональной деятельности, становясь структурными компонентами просоциальной личности.

Таким образом, в последнее время возникает потребность в выделении составляющих элементов просоциальности. В связи с вышеизложенным целью данной статьи является теоретико-эмпирическое определение структурных компонентов просоциальной личности специалистов, ориентированных на оказание помощи.

Теоретический обзор современного состояния проблемы

Выделяя структурные компоненты просоциальной личности специалистов помогающих профессий (Кочетков 2006; Кулишов 2008), можно полагаться на следующие подходы (см. рис.):

- Подход с позиций *содержательно-функциональных компонентов просоциальной личности*: мотивационный, эмоциональный, когнитивный и поведенческий (деятельностный) (Иванов 2015; Игнацкая 2008; Кухтова 2014; Майерс 1999).
- Подход, ориентированный на *систему профессионально важных качеств*,

которая представляет собой совокупность данных качеств «помогающих специалистов» (элементов системы), находящихся в определенных содержательных отно-

шениях и связях между собой (структура системы) и образующих определенную целостность, единство (Кочетков 2006; Кулешов 2008).

Рис. Теоретическая схема структурных компонентов просоциальной личности специалистов помогающих профессий

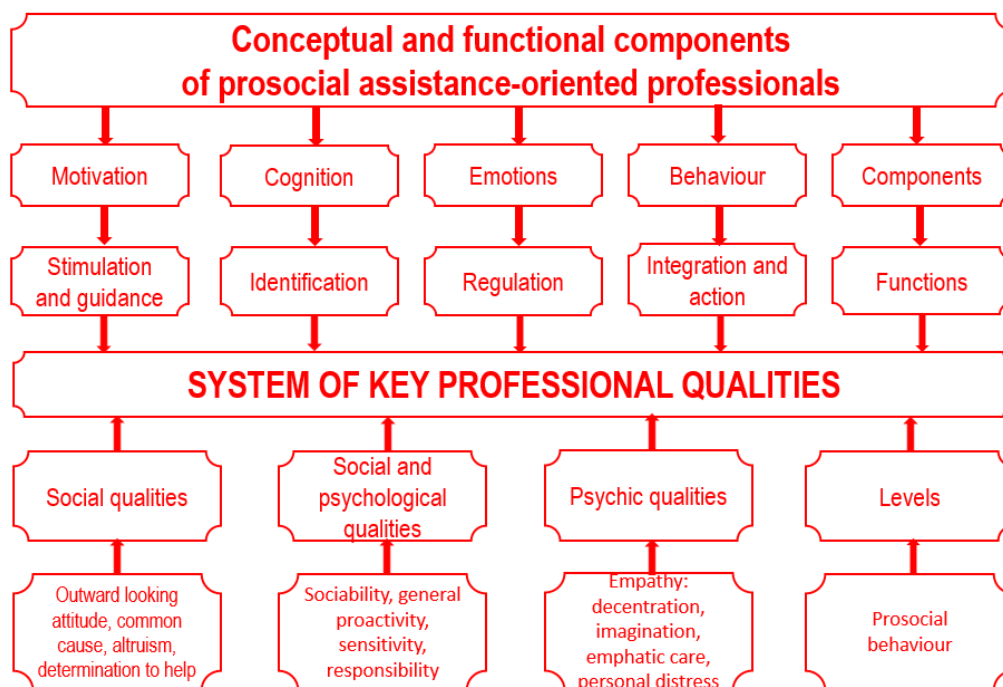

Fig. Theoretical representation of structural components of prosocial personality of assistance-oriented professionals

Как представлено на рисунке, структурные компоненты просоциальной личности специалиста включают в себя два подхода:

1. Содержательно-функциональные компоненты.

1) Мотивационный компонент включает профессиональную направленность личности, гуманистические ценностные ориентации, высокий уровень мотивации альтруизма в совокупности с устойчивыми доминирующими мотивами. В данном случае специалист реализует деятельность, связанную с просоциальным поведением, обеспечивая профессиональную позицию, выступая движущей силой как в повседневной жизни, так и в ситуации нестандартного решения и личностного роста, базирываясь на альтруистической мотивации. Кроме того, Г. Карло, А. Хаусманн и Б. Рэндалл указывают на то, что просоциальное поведение проявляется через разнообразные ситуации (например, эмоциогенные или кризисные) и мотивы (например, альтруистические или гедонистические) (Carlo, Hausmann, Randal 2003). Взаимодействие просоциальной мотивации и просоциального поведения зависит от типа просоциального поведения. В связи с этим просоциальное поведение состоит в том, чтобы принести пользу коллегам и «клиентам» посредством обеспечения помощи в совладании с определенной проблемой, трудностями, как правило, на основе альтруизма, направленности личности на других, на общее дело, что является преобладающим в данном аспекте и обеспечено побуждающе-направляющей функцией.

2) Когнитивный компонент включает в себя рефлексию, компетентность (уровень знаний, умений, навыков, достаточный для успешной профессиональной деятельности), высокий уровень эмпатии, общительности и ориентирует личность не столько на рассмотрение внешних поведенческих проявлений других людей, но и на познание их внутреннего состояния. Данный компонент объединяет профессиональные и ситуационно обусловленные знания, необходимые для принятия решений, в которых проявляются личностные особенности помогающих специалистов: познавательная активность, общительность, эстетическая впечатлительность, интроверсия и другие, определяющиеся знаниями и децентрацией в контексте профессиональной роли. При этом может происходить осознание, осмысление просоциального поведения, логическая оценка его значимости и т. п. (Иванов 2015).

Когнитивный компонент реализуется через идентификационную функцию, осуществляясь посредством выражения просоциальной идентичности как совокупности личностных характеристик, отражающих моральные суждения, определяющих рефлексивность действий для оказания помощи окружающим людям (Кухтова 2011).

3) Эмоциональный компонент позволяет судить о сензитивности, эмоциональном отклике согласно нормам профессиональной пригодности, сбалансированности личностных качеств; умении понимать собственные чувства и эмоциональные состояния других людей; проявлениях эмпатии, сопереживания, сочувствия, связанных с особенностями эмоционального реагирования личности (Davis 1996 и др.). При этом следует отметить, что просоциальное развитие личности происходит через эмоциональное отношение к другому человеку (Игнацкая 2008) и включает в себя чувства, которые испытывает человек в отношении других людей, и эмоции, отражающие их оценку, то есть эмоции, которые испытывает индивид по отношению к просоциальному поведению (Иванов 2015). Эмоциональной основой просоциальности можно считать эмпатию и ее проявления: заботу, сострадание, децентрацию, сопереживание, личностный дистресс (Карягина 2009; Batson 1987; Eisenberg, Fabes, Spinrad 2006). Заметим, что, хотя эмпатийная составляющая является важным компонентом просоциального поведения личности, однако, как замечает Т. Д. Карягина (Карягина 2009), сама трактовка феномена эмпатии в современной академической науке обнаруживает неопределенность термина, противоречивость подходов и концептуализаций, позволяющую рассматривать эмпатию как с когнитивной, так и с эмоциональной стороны. Данный компонент реализуется через *регулятивную функцию*.

4) Поведенческий компонент рассматривается как определенный способ взаимодействия с окружающими людьми и понимается как сочетание умений и навыков, в частности коммуникативных и конфликтологических (Артпен-тьева 2016). При этом предполагается оказание помощи, соблюдение нормативных требований в процессе профессиональной деятельности, своевременное обновление арсенала необходимых средств и принятие ответственного профессионального решения. В основе лежат социальные нормы и помогающее поведение и, как следствие, проявление определенного типа просоциального поведения. Кроме этого, сюда включены моральные качества, доброжелательность,

порядочность, отзывчивость, искренность, самоконтроль (Кулишов 2008). Следует отметить, что поведенческий компонент выражается интегративно-деятельностной функцией.

Таким образом, преобладание когнитивного компонента в отражении эмоционального состояния другой личности стало характерно для адекватного ее понимания. В свою очередь, выраженность эмоционального позволяет судить о преимущественно эмоциональном отклике человека на переживания другого. В поведенческом компоненте является ведущим понимание эмоционального состояния другого человека и оказание ему активной поддержки. В целом О. Е. Игнацкая предлагает структурную модель просоциальной направленности личности, в которую включены ценностно-смысловой, мотивационный, когнитивный и эмоциональный компоненты (Игнацкая 2008). При этом мотивационный компонент сводится к регулятивной функции, что в большей степени отражается в поведении и не в полной мере позволяет рассматривать просоциальное поведение как целостный феномен.

2. Система профессионально-важных качеств

В основе данной системы находятся профессионально важные качества, а именно: индивидуальные качества, влияющие на эффективность деятельности и ее успешность. В соответствии с принципами системного и комплексного подхода к диагностике свойств человека профессионально важные качества классифицируются на основе иерархической структуры свойств человека.

Катализатором для изучения профессионально важных качеств специалистов помогающих профессий (медицинских работников, сотрудников МВД и МЧС, психологов и социальных педагогов) являются компоненты просоциального поведения, которые включают в себя различные виды действий, направленные на оказание помощи в профессиональной деятельности. Так, когда специалист приступает к освоению деятельности, ему присущи определенные психические свойства, часть из которых является профессионально важными, таким образом осуществляется механизм перехода психического свойства в профессионально значимое качество, который характеризуется соответствующим уровнем развития функциональных и операциональных механизмов (Кочетков 2006). В связи с этим система профессионально важных качеств может рассматриваться исходя из следующих уровней:

- *психологические свойства*: эмоциональная устойчивость, непротиворечивая Я-концепция, способность к прогнозированию, интеллект;
- *социально-психологические свойства*: эмпатия, коммуникативность, организаторские способности, ответственность, способность понять другого (децентрация);
- *социальные свойства* связывают с мировоззрением человека: терпимость, желание помочь другим, стремление к благосостоянию, развитию и совершенствованию других людей.

Наряду с выделенными уровнями необходимо обратить внимание на социальные нормы, которые позволяют регулировать проявление выше описанных свойств.

Таким образом, теоретическую схему просоциальной личности специалистов помогающих профессий можно рассматривать через структурные компоненты: мотивационный, когнитивный, эмоциональный и поведенческий, а также через профессионально-важные качества, выделяемые на основе свойств личности (социальные, социально-психологические и психологические).

Организация и методы исследования

Предметом исследования являются структурные компоненты просоциальной личности. Объектом — специалисты, ориентированные на оказание помощи. Гипотезой является предположение о том, что система профессионально-важных качеств «помогающих» специалистов и их уровней может рассматриваться во взаимосвязи со структурными компонентами просоциальной личности:

- мотивационный компонент: направленность на альтруизм, проявление макиавеллизма, альтруистический тип просоциального поведения;
- когнитивный компонент: психотизм и невротизм, совестливость, интроверсия, сензитивность, общая активность;
- эмоциональный компонент: эмпатия, сострадание, эмоциональный тип просоциального поведения;
- поведенческий компонент: социальные нормы: взаимности, справедливости, ответственности, «затраты-вознаграждение», типы просоциального поведения (публичный, экстренный, уступчивый, анонимный).

В исследовании приняли участие специалисты, связанные с помогающей профессиональной

деятельностью, — 1531 человека: 307 медицинских работника, 302 работника МЧС, 304 психолога, 317 сотрудников охраны и 301 социальный педагог.

Для подтверждения теоретической схемы было проведено эмпирическое исследование на основе следующих психодиагностических методик: «Измерение просоциальных тенденций» (Г. Карло, Б. А. Рэндалл, адаптация Н. В. Кухтовой), «Социальные нормы просоциального поведения» (Н. В. Кухтова), «Психодиагностический тест» (В. М. Мельников, Л. Т. Ямпольский), «Межличностный индекс реактивности» (М. Девис, адаптация Н. В. Кухтовой) (Кухтова, Доморацкая 2011). Методы математической статистики (статистический пакет SPSS 11.0 для Windows): факторный анализ (метод выделения факторов — метод главных компонент; метод вращения — Варимакс с нормализацией Кайзера).

Результаты и их обсуждение

Полученные результаты подвергались факторному анализу для снижения размерности (см. табл.), который позволяет выделить и описать фактурную структуру компонентов просоциального поведения специалистов, ориентированных на оказание помощи, и эмпирически раскрывает теоретическую схему (рис.).

Так, анализ структурных компонентов просоциальной личности (мотивационный, когнитивный, эмоциональный, поведенческий) позволил установить содержательную их наполненность (см. табл.):

- мотивационный (эмоционально-нормативный и взаимно-альтруистический);
- эмоциональный (эмоционально-когнитивный характер и альтруистические побуждения);
- когнитивный (субъективные переживания, личностная впечатлительность, характеристики общения, асоциальные тенденции).
- поведенческий (социальная нормативность, взаимовыгодная меновость, поведенческие стратегии, публичная активность).

Таким образом, факторная структура просоциального поведения специалистов помогающих профессий позволяет содержательно раскрыть выделенные компоненты.

Выводы

В представленном исследовании на теоретико-эмпирической основе выделены содержательные компоненты просоциальной личности специалистов помогающих профессий (мотивационный, когнитивный, эмоциональный, поведенческий),

Табл. Факторная структура компонентов просоциальных специалистов, ориентированных на оказание помощи

Поведенческий компонент	Переменная	Факторная нагрузка
	Фактор 1. Социальная нормативность	
	Норма справедливости	0,822
	Социальная ответственность	0,781
	Фактор 2. Взаимовыгодный обмен	
	Норма взаимности	0,829
	Затраты-вознаграждение	–0,743
	Фактор 3. Поведенческие стратегии	
	Уступчивое	0,737
	Эмоциональное	0,694
	Экстренное	0,752
	Анонимное	0,665
	Фактор 4. Публичная активность	
	Публичное	0,862
	Альтруистическое	–0,546

Табл. Продолжение

Эмоциональный компонент	Фактор 1. Эмоционально-когнитивный характер	
	Эмпатическая забота	0,659
	Сопереживание (фантазия)	0,754
	Децентрация	0,555
	Личностный дистресс	0,729
	Сострадание	0,540
	Фактор 2. Альтруистические побуждения	
	Альтруизм	0,809
	Альтруизм-эгоизм	0,649
Мотивационный компонент	Фактор 1. Эмоционально-нормативный	
	Норма справедливости	0,776
	Социальная ответственность	0,722
	Сострадание	0,605
	Эмпатия	0,600
	Фактор 2. Взаимно-альтруистический	
	Норма взаимности	-0,674
	Альтруизм	0,654
	Альтруизм-эгоизм	0,576
Когнитивный компонент	Фактор 1. Субъективные переживания	
	Психическая неуравновешенность	0,871
	Депрессия	0,858
	Невротизм	0,789
	Психотизм	0,770
	Робость	0,762
	Интроверсия	0,726
	Общительность	-0,531
	Фактор 2. Личностная впечатлительность	
	Сензитивность	0,900
	Эстетическая впечатлительность	0,813
	Женственность	0,836
	Фактор 3. Характеристики общения	
	Общительность	0,511
	Общая активность	0,779
	Расторможенность	0,756
	Интроверсия	-0,521
	Фактор 4. Асоциальные тенденции	
	Совестливость	-0,855
	Асоциальность	0,845

Table. Factorial structure of the components of prosocial assistance-oriented professionals

	Variable	Factor load
	Behavioral component nt	
	Factor 1. Social normativity	
	The norm of fairness	0.822
	Social responsibility	0.781
	Factor 2. Mutually beneficial exchange	
	The norm of reciprocity	0.829
	Cost-reward	-0.743
	Factor 3. Behavioral strategies	
	Compliant	0.737
	Emotional	0.694
	Emergency	0.752
	Anonymous	0.665
	Factor 4. Public activity	
	Public	0.862
	Altruistic	-0.546
	Factor 1. Emotional and cognitive nature	
	Empathic caring	0.659
	Empathy (fantasy)	0.754
	Decentration	0.555
	Personal distress	0.729
	Compassion	0.540
	Factor 2. Altruistic urges	
	Altruism	0.809
	Altruism/selfishness	0.649
	Factor 1. Emotional and normative component	
	The norm of fairness	0.776
	Social responsibility	0.722
	Compassion	0.605
	Empathy	0.600
	Factor 2. Mutually altruistic	
	The norm of reciprocity	-0.674
	Altruism	0.654
	Altruism/selfishness	0.576

Table. Completion

Cognitive component	Factor 1. Subjective experiences	
	Mental imbalance	0.871
	Depression	0.858
	Neuroticism	0.789
	Psychoticism	0.770
	Timidity	0.762
	Introversion	0.726
	Sociability	–0.531
	Factor 2. Personal impressionability	
	Sensitivity	0.900
	Aesthetic impressionability	0.813
	Femininity	0.836
	Factor 3. Characteristics of communication	
	Sociability	0.511
	General activity	0.779
	Disinhibition	0.756
	Introversion	–0.521
	Factor 4. Asocial tendencies	
	Conscientiousness	–0.855
	Asociality	0.845

которые связаны с системой профессионально-важных качеств и проявляются как социальные, социально-психологические и психологические свойства личности. Анализ конструкторов, наполняющих каждый из структурных компонентов, позволил установить содержательную наполненность просоциального специалиста, ориентированного на оказание помощи.

Полученные результаты могут позволить выстраивать профессиональный психологический отбор и прогнозирование будущей успешности трудовой деятельности с учетом знания

требований профессии к профессионально-важным качествам человека.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Артпентьева, М. Р. (ред.). (2016) *Помогающее поведение: ценности, смыслы, модели*. Калуга: Эйдос, 340 с. (Актуальные проблемы практической психологии: кризис, развитие, поддержка. Вып. 1).
- Бойко, О. П. (2016) Просоціальність: суть і потенціал у соціально-педагогічній діяльності. *Соціальна робота в Україні: теорія і практика*, № 1–2, с. 140–149.
- Брессо, Т. И. (2013) *Социокультурные детерминанты просоциальной мотивации студентов социномических профессий. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. М., Российский государственный социальный университет, 26 с.
- Гриценко, В. В., Ковалева, Ю. В. (2014) Связь ценностей культуры с нормами и типами просоциального поведения русских и белорусов. *Психологический журнал*, т. 35, № 4, с. 56–67.

- Ерошенкова, Е. И. (2019) Просоциальная направленность педагогической деятельности в современной науке и образовании: от сущности к содержанию. *Научный результат. Педагогика и психология образования*, т. 5, № 2, с. 3–16. <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2019-5-2-0-1>
- Ефимова, М. В., Бульцева, М. А. (2020) Взаимосвязь индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах. *Социальная психология и общество*, т. 11, № 1, с. 107–126. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110107>
- Зуй, И. И. (2018) Особенности проявления типов просоциального поведения у будущих специалистов помогающих профессий. В кн.: Э. В. Котлярова (ред.). *Современная образовательная психология в подготовке специалистов помогающих профессий: актуальные проблемы теории и практики оказания помощи другим*. 20 ноября 2018 г., г. Могилев. Могилёв: Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, с. 39–42.
- Иванов, П. А. (2015) Установка на просоциальное поведение как содержание нравственного воспитания. *Социология*, № 1, с. 176–182.
- Игнацкая, О. Е. (2008) Особенности изучения компонентов просоциальной направленности личности старшеклассников. *Психологический журнал*, № 4 (20), с. 68–73.
- Ильин, Е. П. (2013) *Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия*. СПб.: Питер, 304 с.
- Казанцева, Т. В., Марарица, Л. В., Ерицян, К. Ю. (2018) Теоретические модели просоциального поведения в сфере здоровья. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, № 187, с. 146–159.
- Карягина, Т. Д. (2009) Философские и научные контексты проблемы эмпатии. *Московский психотерапевтический журнал*, № 4 (63), с. 50–74.
- Ковалёва, Ю. В. (2012) Мотивы помогающего поведения и их связь с самоотношением личности. *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*, № 12 (20), статья 18.
- Ковригина, Г. Д. (2019) Особенности просоциального поведения. *Гуманитарный вектор*, т. 14, № 2, с. 33–41. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-2-33-41>
- Кочетков, И. Г. (2006) *Творческое мышление в структуре профессионально важных качеств психолога: на примере студентов-психологов. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. Ульяновск, Ульяновский государственный университет, 26 с.
- Кулишов, В. В. (2008) *Психологическая модель профессионально важных качеств будущего военного психолога. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. Хабаровск, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 25 с.
- Кухтова, Н. В. (ред.). (2020) *Предикторы просоциального поведения в современных исследованиях: межкультурный аспект*. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 170 с.
- Кухтова, Н. В. (2011) Просоциальная идентичность: теоретико-исследовательский поиск и практическое изучение (на примере адаптации методики к новым социокультурным условиям). *Вестник МГЛУ. Серия 2: Педагогика, психология, методика преподавания иностранных языков*, № 2 (20), с. 43–52.
- Кухтова, Н. В. (2014) Просоциальное поведение в структуре профессионально-важных качеств специалистов помогающих профессий. *Психологический журнал*, № 3–4 (41–42), с. 15–21.
- Кухтова, Н. В. (2018) Преобладающий тип просоциального поведения в помогающей профессиональной деятельности специалистов. *Право. Экономика. Психология*, № 4 (12), с. 92–97.
- Кухтова, Н. В., Доморацкая, Н. В. (2011) *Просоциальное поведение специалистов, ориентированных на оказание помощи: теоретические основы и методики изучения*. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 48 с.
- Луценко, С. И. (2018) Мотивация и просоциальное поведение руководителя. *Кадровик*, № 10, с. 80–86.
- Люсина, Н. В. (2013) Проблема выбора эгоистического и просоциального поведения в ситуациях социальной дилеммы: социологический анализ. *Вестник социально-политических наук*, № 12, с. 98–104.
- Мазур, Ю. О. (2008) *Социально-психологический тренинг личностного роста как средство развития просоциального поведения. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. Ярославль, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 26 с.
- Майерс, Д. (1999) *Социальная психология*. СПб.: Питер, 688 с.
- Морозикова, И. В. (2018) Показатели чувствительности к справедливости школьников как предикторы просоциального поведения. *Личность в пространстве и времени*, № 7, с. 123–127.
- Назина, Г. А. (2011) Феномен просоциального поведения. В кн.: *Современная психология: теория и практика. Материалы II международной научно-практической конференции 29–30 сентября 2011 г.* М.: б. и., с. 186–190.
- Некрасова, М. В. (2011) Формирование просоциального поведения у студентов вуза в условиях инклюзивного образования. *Социальная политика и социология*, № 7 (73), с. 254–260.
- Петренко, И. В. (2005) Профессия социальная работа. *Полярная правда*, № 31, с. 12–15.
- Свенцицкий, А. Л., Казанцева, Т. В. (2015) Повседневное просоциальное поведение личности как накопление социального капитала. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, № 2, с. 45–55.

- Серова, Е. А. (2016) Просоциальное поведение молодежи как социокультурный феномен и факторы его формирования. *Вестник социально-политических наук*, № 15, с. 37–40.
- Смольникова, А. В. (2006) *Ценностно-потребностная сфера личности старших подростков, склонных к агрессивному и просоциальному поведению* Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук. Томск, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 27 с.
- Соболев, С. И. (2013) К проблеме просоциального поведения в западной философской мысли. *Сборник научных трудов SWorld*, т. 24, № 3, с. 43–46.
- Сотникова, Е. И., Кухтова, Н. В. (2020) Предикторы просоциального поведения подростков в зарубежных исследованиях. В кн.: И. М. Прищепа (ред.). *Наука — образованию, производству, экономике. Материалы 72-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 20 февраля 2020 г.* Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, с. 361–362.
- Сочивко, Д. В. (2019) Факторная модель психодинамики просоциального поведения. *NovInfo.Ru*, № 99, с. 117–120.
- Тарасова, Т. В., Соболев, С. И. (2014) Эволюционная модель просоциального поведения. *Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования*, № 3 (27), с. 23–27.
- Толочек, В. А. (2020) Континуум «задатки — способности — профессионально важные качества — компетенции»: открытые вопросы. *Психологический журнал*, т. 41, № 4, с. 32–45. <https://doi.org/10.31857/S020595920010427-5>
- Шермазанян, А. Г. (2015) Мотивация помогающего поведения в контексте житейской и профессиональной помощи. *Консультативная психология и психотерапия*, № 5, с. 257–289. <https://doi.org/10.17759/crp.2015230512>
- Шлябуль, Е. Ю. Синелькова, Н. А., Чашкова (Зайцева), О. Ю., Романова, М. А. (2016) Современные модели и методы диагностики просоциального поведения волонтеров. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*, № 3 (133), с. 259–263. <https://doi.org/10.5930/issn.1994-4683.2016.03.133.p259-263>
- Batson, C. D. (1987) Prosocial motivation: Is it ever truly altruistic? In: L. Berkowitz (ed.). *Advances in experimental social psychology*. Vol. 20. San Diego: Academic Press, pp. 65–122. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60412-8](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60412-8)
- Carlo, G., Hausmann, A., Christiansen S., Randal, B. A. (2003) Sociocognitive and behavioral correlates of a measure of prosocial tendencies for adolescents. *The Journal of Early Adolescence*, vol. 23, no. 1, pp. 107–134. <https://doi.org/10.1177/0272431602239132>
- Davis, M. H. (1996) *Empathy: A social psychological approach*. Boulder, CO: Westview Press, 260 p.
- Donius, M. A. H. (1994) *Instrumental caring inventory: The development of an instrument measuring caring as a three-dimensional construct*. PhD dissertation (Education). Columbia, Teachers College Columbia University, 224 p.
- Eisenberg, N., Fabes, R. A., Spinrad, T. L. (2006) Prosocial development. In: N. Eisenberg, W. Damon, R. M. Lerner (eds.). *Handbook of child psychology*. Vol. 3. *Social, emotional, and personality development*. 6th ed. New York: Wiley, pp. 646–718. <https://doi.org/10.1002/9780470147658.chpsy0311>
- Hardy, S. A. (2005) *Identity as a source of prosocial motivation in young adulthood*. PhD dissertation (Philosophy). Lincoln, The University of Nebraska, 105 p.
- Paola, N. R. (2005) *Developing altruism and empathy in Ecuadorian college students: impact of a mandatory service-learning course*. PhD dissertation (Education). Boston, Boston University School of Education, 110 p.
- Zethren, K. E. (2002) *A two-dimensional model of cognitive empathy: An empirical study*. PhD dissertation (Philosophy). Los Angeles, University of Southern California, 126 p.

References

- Artpent'eva, M. R. (ed.). (2016) *Pomogayushchee povedenie: tsennosti, smysly, modeli [Helping behavior: Values, meanings, models]*. Kaluga: Ejdos Publ., 340 p. (Actual problems of practical psychology: Crisis, development, support. No. 1). (In Russian)
- Batson, C. D. (1987) Prosocial motivation: Is it ever truly altruistic? In: L. Berkowitz (ed.). *Advances in experimental social psychology*. Vol. 20. San Diego: Academic Press, pp. 65–122. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60412-8](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60412-8) (In English)
- Bojko, O. P. (2016) Prosotsial'nist': sut' i potentsial u sotsial'no-pedagogichnij difl'nosti [Prosociality: Essence and potential in social and pedagogical activity]. *Sotsial'na rabota v Ukraini: teoriya i praktika — Social Work in Ukraine: Theory and Practice*, no. 1–2, pp. 140–149. (In Ukrainian)
- Bresso, T. I. (2013) *Sotsiokul'turnye determinanty prosotsial'noj motivatsii studentov sotsionomicheskikh professij [Sociocultural determinants of prosocial motivation of students in socionomic professions]*. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Moscow, Russian State Social University, 26 p. (In Russian)
- Carlo, G., Hausmann, A., Christiansen S., Randal, B. A. (2003) Sociocognitive and behavioral correlates of a measure of prosocial tendencies for adolescents. *The Journal of Early Adolescence*, vol. 23, no. 1, pp. 107–134. <https://doi.org/10.1177/0272431602239132> (In English)

- Davis, M. H. (1996) *Empathy: A social psychological approach*. Boulder, CO: Westview Press, 260 p. (In English)
- Donius, M.A.H. (1994) *Instrumental caring inventory: The development of an instrument measuring caring as a three-dimensional construct. PhD dissertation (Education)*. Columbia, Teachers College Columbia University, 224 p. (In English)
- Efimova, M. V., Bul'tseva, M. A. (2020) Vzaimosvyaz' individual'nykh tsennostej i prosotsial'nogo povedeniya v onlajn- i oflajn-kontekstakh [The relationship between individual values and prosocial behavior in online and offline contexts]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo — Social Psychology and Society*, vol. 11, no. 1, pp. 107–126. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110107> (In Russian)
- Eisenberg, N., Fabes, R. A., Spinrad, T. L. (2006) Prosocial development. In: N. Eisenberg, W. Damon, R. M. Lerner (eds.). *Handbook of child psychology. Vol. 3. Social, emotional, and personality development*. 6th ed. New York: Wiley, pp. 646–718. <https://doi.org/10.1002/9780470147658.chpsy0311> (In English)
- Eroshenkova, E. I. (2019) Prosotsial'naya napravlennost' pedagogicheskoy deyatel'nosti v sovremennoj nauke i obrazovanii: ot sushchnosti k soderzhaniyu [Prosocial orientation of pedagogical activity in modern science and education: From essence to content]. *Nauchnyj rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya — Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*, vol. 5, no. 2, pp. 3–16. <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2019-5-2-0-1> (In Russian)
- Gritsenko, V. V., Kovaleva, Yu. V. (2014) Svyaz' tsennostej kul'tury s normami i tipami prosotsial'nogo povedeniya russkikh i belorussov [Connection of cultural values with the norms and types of pro-social behavior of Russians and Belarusians]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 35, no. 4, pp. 56–67. (In Russian)
- Hardy, S. A. (2005) *Identity as a source of prosocial motivation in young adulthood. PhD dissertation (Philosophy)*. Lincoln, The University of Nebraska, 105 p. (In English)
- Ignatskaya, O. E. (2008) Osobennosti izucheniya komponentov prosotsial'noj napravlennosti lichnosti starsheklassnikov [Features of studying the components of the prosocial orientation of the personality of high school students]. *Psikhologicheskij zhurnal*, no. 4 (20), pp. 68–73. (In Russian)
- Il'in, E. P. (2013) *Psikhologiya pomoshchi. Al'truizm, egoizm, empatiya [Psychology of help. Altruism, selfishness, empathy]*. Saint Petersburg: Piter Publ., 304 p. (In Russian)
- Ivanov, P. A. (2015) Ustanovka na prosotsial'noe povedenie kak soderzhanie nravstvennogo vospitaniya [Setting on prosocial behavior as the content of moral education]. *Sotsiologiya — Sociology*, no. 1, pp. 176–182. (In Russian)
- Karyagina, T. D. (2009) Filosofskie i nauchnye konteksty problemy empatii [Philosophical and scientific contexts of the problem of empathy]. *Moskovskij psikhoterapevticheskij zhurnal*, no. 4 (63), pp. 50–74. (In Russian)
- Kazantseva, T. V., Mararitsa, L. V., Eritsyana, K. Yu. (2018) Teoreticheskie modeli prosotsial'nogo povedeniya v sfere zdorov'ya [Theoretical models of prosocial health behavior]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 187, pp. 146–159. (In Russian)
- Kochetkov, I. G. (2006) *Tvorcheskoe myshlenie v strukture professional'no vazhnykh kachestv psikhologa: na primere studentov-psikhologov [Creative thinking in the structure of professionally important qualities of a psychologist: On the example of psychology students]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Ulyanovsk, Ulyanovsk State University, 26 p. (In Russian)
- Kovaleva, Yu. V. (2012) Motivy pomagayushchego povedeniya i ikh svyaz' s samootnosheniem lichnosti [The motives of helping behavior and their relationship with the self-attitude of the individual]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal)*, no. 12 (20), article 18. (In Russian)
- Kovrigina, G. D. (2019) Osobennosti prosotsial'nogo povedeniya [Features of prosocial behavior]. *Gumanitarnyy vektor — Humanitarian Vector*, vol. 14, no. 2, pp. 33–41. (In Russian)
- Kukhtova, N. V. (2011) Prosotsial'naya identichnost': teoretiko-issledovatel'skij poisk i prakticheskoe izuchenie (na primere adaptatsii metodiki k novym sotsiokul'turnym usloviyam) [Prosocial identity: Theoretical research search and practical study (on the example of adapting the methodology to new socio-cultural conditions)]. *Vestnik MGLU. Seriya 2: Pedagogika, psikhologiya, metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov*, no. 2 (20), pp. 43–52. (In Russian)
- Kukhtova, N. V. (2014) Prosotsial'noe povedenie v strukture professional'no-vazhnykh kachestv spetsialistov, pomagayushchikh professij [Prosocial behavior in the structure of professionally important qualities of specialists helping professions]. *Psikhologicheskij zhurnal*, no. 3–4 (41–42), pp. 15–21. (In Russian)
- Kukhtova, N. V. (2018) Preobladayushchij tip prosotsial'nogo povedeniya v pomagayushchej professional'noj deyatel'nosti spetsialistov [The predominant type of pro-social behavior in the helping professional activity of specialists]. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya*, no. 4 (12), pp. 92–97. (In Russian)
- Kukhtova, N. V. (ed.). (2020) *Prediktory prosotsial'nogo povedeniya v sovremennykh issledovaniyakh: mezhkul'turnyj aspekt [Predictors of prosocial behavior in contemporary research: An intercultural aspect]*. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov Publ., 170 p. (In Russian)
- Kukhtova, N. V., Domoratskaya, N. V. (2011) *Prosotsial'noe povedenie spetsialistov, orientirovannykh na okazanie pomoshchi: teoreticheskie osnovy i metodiki izucheniya [Prosocial behavior of help-oriented professionals: Theoretical foundations and research techniques]*. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov Publ., 48 p. (In Russian)

- Kulishov, V. V. (2008) *Psikhologicheskaya model' professional'no vazhnykh kachestv budushchego voennogo psikhologa* [Psychological model of professionally important qualities of a future military psychologist]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Khabarovsk, Far Eastern State Transport University, 25 p. (In Russian)
- Lutsenko, S. I. (2018) Motivatsiya i prosotsial'noe povedenie rukovoditelya [Manager's motivation and pro-social behavior]. *Kadrovik*, no. 10, pp. 80–86. (In Russian)
- Lyusina, N. V. (2013) Problema vybora egoisticheskogo i prosotsial'nogo povedeniya v situatsiyakh sotsial'noj dilemmy: sotsiologicheskij analiz [The problem of choosing egoistic and prosocial behavior in situations of social dilemma: A sociological analysis]. *Vestnik sotsial'no-politicheskikh nauk*, no. 12, pp. 98–104. (In Russian)
- Mazur, Yu. O. (2008) *Sotsial'no-psikhologicheskij trening lichnostnogo rosta kak sredstvo razvitiya prosotsial'nogo povedeniya* [Socio-psychological training of personal growth as a means of developing pro-social behavior]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Yaroslavl, Yaroslavl State University named after P. G. Demidova, 26 p. (In Russian)
- Morozikova, I. V. (2018) Pokazateli chuvstvitel'nosti k spravedlivosti shkol'nikov kak prediktory prosotsial'nogo povedeniya [Markers of school students' sensitivity to justice as predictors of prosocial behavior]. *Lichnost' v prostranstve i vremeni*, no. 7, pp. 123–127. (In Russian)
- Myers, D. (1999) *Social psychology*. Saint Petersburg: Piter Publ., 688 p. (In Russian)
- Nazina, G. A. (2011) Fenomen prosotsial'nogo povedeniya [The phenomenon of prosocial behavior]. In: *Sovremennaya psikhologiya: teoriya i praktika. Materialy II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii 29–30 sentyabrya 2011 g.* [Modern psychology: Theory and practice. Materials of the II International scientific and practical conference 29–30 September 2011]. Moscow: s. n., pp. 186–190. (In Russian)
- Nekrasova, M. V. (2011) Formirovanie prosotsial'nogo povedeniya u studentov vuza v usloviyakh inklyuzivnogo obrazovaniya [Formation of pro-social behavior among university students in the context of inclusive education]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya — Social Policy and Sociology*, no. 7 (73), pp. 254–260. (In Russian)
- Paola, N. R. (2005) *Developing altruism and empathy in Ecuadorian college students: Impact of a mandatory service-learning course*. PhD dissertation (Education). Boston, Boston University School of Education, 110 p. (In English)
- Petrenko, I. V. (2005) Professiya sotsial'naya rabota [The profession is social work]. *Polyarnaya pravda*, no. 31, pp. 12–15. (In Russian)
- Serova, E. A. (2016) Prosotsial'noe povedenie molodezhi kak sotsiokul'turnyj fenomen i faktory ego formirovaniya [Prosocial behavior of young people as a sociocultural phenomenon and factors of its formation]. *Vestnik sotsial'no-politicheskikh nauk*, no. 15, pp. 37–40. (In Russian)
- Shermazanyan, L. G. (2015) Motivatsiya pomagayushchego povedeniya v kontekste zhytejskoj i professional'noj pomoshchi [Motivation of helping behavior in the context of everyday and professional help]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya — Counseling Psychology and Psychotherapy*, no. 5, pp. 257–289. (In Russian)
- Shlyubul', E. Yu. Sinel'kova, N. A., Chashkova (Zajtseva), O. Yu., Romanova, M. L. (2016) Sovremennye modeli i metody diagnostiki prosotsial'nogo povedeniya volonterov [Modern models and methods for diagnosing the pro-social behavior of volunteers]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*, no. 3 (133), pp. 259–263. <https://doi.org/10.5930/issn.1994-4683.2016.03.133.p259-263> (In Russian)
- Smol'nikova, L. V. (2006) *Tsennostno-potrebnostnaya sfera lichnosti starshikh podrostkov, sklonnykh k agressivnomu i prosotsial'nomu povedeniyu* [The value-needs sphere of the personality of older adolescents, prone to aggressive and prosocial behavior]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). Tomsk, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 27 p. (In Russian)
- Sobolev, S. I. (2013) K probleme prosotsial'nogo povedeniya v zapadnoj filosofskoj mysli [On the problem of prosocial behavior in western philosophical thought]. *Sbornik nauchnykh trudov SWorld — Scientific Papers SWorld*, vol. 24, no. 3, pp. 43–46. (In Russian)
- Sochivko, D. V. (2019) Faktornaya model' psikhodinamiki prosotsial'nogo povedeniya [Factor model of psychodynamics of prosocial behavior]. *NovInfo.Ru*, no. 99, pp. 117–120. (In Russian)
- Sotnikova, E. I., Kukhtova, N. V. (2020) Prediktory prosotsial'nogo povedeniya podrostkov v zarubezhnykh issledovaniyakh [Predictors of prosocial behavior of adolescents in foreign studies]. In: I. M. Prishchepa (ed.). *Nauka — obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike. Materialy 72-j Regional'noj nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavatelej, nauchnykh sotrudnikov i aspirantov, Vitebsk, 20 fevralya 2020 g.* [Science — to education, production, economy. Proceedings of the 72nd Regional scientific and practical conference of teachers, researchers and postgraduates, Vitebsk, 20 February, 2020]. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov Publ., pp. 361–362. (In Russian)
- Sventsitskij, A. L., Kazantseva, T. V. (2015) Povsednevnoe prosotsial'noe povedenie lichnosti kak nakoplenie sotsial'nogo kapitala [Everyday prosocial behavior of personality as accumulation of social capital]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika — Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, no. 2, pp. 45–55. (In Russian)
- Tarasova, T. V., Sobolev, S. I. (2014) Evolyutsionnaya model' prosotsial'nogo povedeniya [An evolutionary model of prosocial behavior]. *Gumanitarij: aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya — Humanitarian: Actual Problems of the Humanities and Education*, no. 3 (27), pp. 23–27. (In Russian)

- Tolochek, V. A. (2020) Kontinuum “zadatki — sposobnosti — professional’no vazhnye kachestva — kompetentsii”: otkrytye voprosy [The continuum “inclinations — abilities — professionally important qualities — competencies”: Open questions]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 41, no. 4, pp. 32–45. <https://doi.org/10.31857/S020595920010427-5> (In Russian)
- Zethren, K. E. (2002) *A two-dimensional model of cognitive empathy: An empirical study. PhD dissertation (Philosophy)*. Los Angeles, University of Southern California, 126 p. (In English)
- Zuj, I. I. (2018) Osobennosti proyavleniya tipov prosotsial’nogo povedeniya u budushchikh spetsialistov pomagayushchikh professij [Features of the manifestation of types of prosocial behavior in future specialists in helping professions]. In: E. V. Kotlyarova (ed.). *Sovremennaya obrazovatel’naya psikhologiya v podgotovke spetsialistov pomagayushchikh professij: aktual’nye problemy teorii i praktiki okazaniya pomoshchi drugim. 20 noyabrya 2018 g., g. Mogilev* [Modern educational psychology in the training of specialists in helping professions: topical problems of the theory and practice of helping others. 20 November, 2018, Mogilev]. Mogilev: Mogilev State University named after A. A. Kuleshova Publ., pp. 39–42. (In Russian)

Check for updates

Личность как субъект образования
на различных этапах жизненного пути
и проблемы психологии воспитания

УДК 159.9

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-288-303>

Проявления различных видов интеллекта и успешность деятельности представителей социономических профессий (на примере продавцов)

О. В. Никифоров^{✉1}

¹ Балтийская международная академия, LV-1003, Латвия, г. Рига, ул. Ломоносова, д. 4

Сведения об авторе

Олег Владимирович Никифоров,
Scopus AuthorID: 57220239389,
ORCID: 0000-0002-9024-0598,
e-mail: Nik_oleg@latnet.lv

Для цитирования:

Никифоров, О. В.
(2021) Проявления различных
видов интеллекта и успешность
деятельности представителей
социономических профессий
(на примере продавцов).
*Психология человека
в образовании*, т. 3, № 3, с. 288–303.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-288-303>

Получена 30 апреля 2021; прошла
рецензирование 20 мая 2021;
принята 21 мая 2021.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © О. В. Никифоров (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Введение. Ключевой идеей исследования на основании анализа литературы, посвященной проблеме взаимосвязи успешности (результативности) в познавательной и профессиональной деятельности с различными видами интеллекта и позиционировании высокого вклада в академическую и профессиональную успешность социального и эмоционального интеллекта, стало сравнение успешных и неуспешных представителей социономических профессий одновременно по параметрам вербального, социального и эмоционального интеллекта.

Материалы и методы. В исследовании сравнивались две группы продавцов бытовой техники и электроники ($n = 72$), которые были разделены по признаку успешности (результативности) по параметрам вербального, социального и эмоционального интеллекта при помощи метода тестирования. Использовались следующие методики: тест «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда, тест «Вербальный тест интеллекта» Г. Айзенка, методика Н. Холла «Диагностика эмоционального интеллекта». Для статистической обработки данных применялись описательные статистики, сравнительный и корреляционный анализ.

Результаты исследования. Было выявлено, что успешные (результативные) продавцы превосходят неуспешных (нерезультативных) продавцов по показателям вербального, социального и эмоционального интеллекта. Наибольшие различия между исследуемыми группами продавцов наблюдаются по параметру «вербальный интеллект», наименьшие — по параметру «социальный интеллект». Также успешные (результативные) продавцы имеют более высокие показатели по шкалам социального и эмоционального интеллекта, связанным с регуляцией эмоциональных состояний, эмоциональной осведомленностью, синтезом, анализом и обобщением социальной информации, которую способны экстраполировать на конкретные ситуации взаимодействия с покупателем. В обеих группах не выявлено значимых корреляций между показателями «вербальный интеллект» и «общий социальный интеллект», но обнаружена связь между «общим социальным интеллектом» и «общим эмоциональным интеллектом».

Заклучение. Полученные результаты могут послужить материалом для создания программ профессионального отбора и профессионального обучения представителей профессий типа «человек – человек», в частности в сфере оказания услуг. Дальнейшие исследования в этом направлении могут прояснить вклад каждого типа интеллекта в успешность профессиональной деятельности и профессионального обучения, их оптимальное соотношение на различных уровнях выраженности с целью повышения эффективности деятельности.

Ключевые слова: вербальный интеллект, социальный интеллект, эмоциональный интеллект, способности, профессиональная деятельность.

Various types of intelligence and professional success in human interaction professions (case study of salespeople)

O. V. Nikiforov^{✉1}

¹ Baltic International Academy, 4 Lomonosova Str., Riga LV-1003, Latvia

Author

Oleg V. Nikiforov,
Scopus AuthorID: 57220239389,
ORCID: 0000-0002-9024-0598,
e-mail: Nik_oleg@latnet.lv

For citation:

Nikiforov, O. V.
(2021) Various types of intelligence and professional success in human interaction professions (case study of salespeople). *Psychology in Education*, vol. 3, no. 3, pp. 288–303.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-288-303>

Received 30 April 2021;
reviewed 20 May 2021;
accepted 21 May 2021.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © O. V. Nikiforov (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](#)
License 4.0.

Abstract. Introduction. This study was preceded by an analysis of prior literature devoted to the relationship between success (performance) in one's cognitive and professional activities with various types of intelligence, more specifically the high contribution of social and emotional intelligence to academic and professional success. The aim of this study was to compare successful and unsuccessful human interaction professionals by verbal, social and emotional intelligence.

Materials and methods. The study compared two groups of home appliances and electronics salespeople (n = 72), who were divided by levels of verbal, social and emotional intelligence. The following methods were used: the Social Intelligence Test by J. Guildford, Verbal Intelligence Test by G. Eysencka and the Test of Emotional Intelligence by N. Hall. Descriptive statistics, comparative and correlation analysis were used for statistical data processing.

Results of the study. It was found that successful (effective) sellers outperform unsuccessful (not effective) sellers in terms of verbal, social and emotional intelligence. The greatest difference between these groups of sellers is observed in verbal intelligence, the smallest in social intelligence. Also, successful (effective) sellers have higher indicators on the scales of social and emotional intelligence, which correlate with the ability to regulate one's emotional states, emotional awareness as well as synthesis and analysis of social information that they can extrapolate to actual encounters with the buyers. In both groups, there were no significant correlations between verbal intelligence and general social intelligence, but a link was found between general social intelligence and general emotional intelligence.

Conclusion. The results obtained can serve as a material for creating programmes for professional selection and professional training in human interaction professions. Further research in this direction can clarify the contribution of each type of intelligence to the success of professional activity and professional education, their optimal ratio at different levels of expression in order to optimize and improve the effectiveness of activities.

Keywords: verbal intelligence, social intelligence, emotional intelligence, abilities, professional activity.

Введение

Сегодня в научной и научно-популярной литературе существует устойчивое мнение о том, что эмоциональный и социальный интеллект обеспечивают человеку больший успех в образовании и профессиональной деятельности, чем интеллектуальные (в традиционном понимании этого слова) и инструментальные способности (Гришина, Исаева, Савинова 2018; Егоренко 2018; Кузнецова, Чепрасова 2014; Нижегородцева, Долженко 2017; Новикова, Якименко 2018; Яшкова, Синева, Голубкова, Завялова 2017; Bar-On 2006; Goleman 2006; Mayer, Caruso, Salovey 2016; Preston, Anderson, Robertson et al. 2021; Rezaei, Mousanezhad 2021). Формированию данных компетенций посвящено огромное количество обучающих программ, в том числе государственного масштаба. Безусловно, социальное взаимодействие между

людьми, «человеческий фактор» в продвижении по карьерной лестнице, позиционирование себя в социуме, самопрезентация требует социально-психологических компетенций и играет порою решающую роль в социальном признании. Вместе с тем, говорится ли в таком случае об успешности как результативности деятельности в объективных числовых характеристиках или делается акцент на социальный контекст успешности как умения управлять впечатлением о себе окружающих для достижения необходимых статусно-ролевых позиций в тех социальных группах, которые субъект считает для себя референтными?

Изначально исследователи и популяризаторы таких феноменов, как «социальный интеллект» и «эмоциональный интеллект», хотели обратить внимание на роль понимания отношений и взаимодействия между людьми в обществе, которое было наполнено «компьютерными»

метафорами в описании человека, пропагандой развития когнитивных способностей, порою в ущерб естественным потребностям человека в эмоциональных отношениях (Bar-On 2006; Goleman 2006; Salovey, Mayer 1990). Но, как часто случается, эффект был сильнее изначального посыла, поскольку была затронута одна из «вечных» проблем психологической науки: соотношения когнитивной и эмоциональной составляющих психики для успешной адаптации человека в профессиональной деятельности и обществе. Понятия «социальный интеллект» и «эмоциональный интеллект» являются попыткой интегрировать в когнитивную составляющую человека социальный и эмоциональный компоненты в качестве содержания интеллектуальных операций (Ушаков 2004). Существует мнение о том, что оперирование социальной и эмоциональной информацией обеспечивает устойчивую адаптацию в жизни и успех в деятельности. В исследованиях как учебной (познавательной), так и профессиональной деятельности часто игнорируется вклад тех способностей, которые напрямую отвечают за результат деятельности, а упор делается на исследование выраженности у участников исследований характеристик социального и эмоционального интеллекта. Помимо этого, феномены социального интеллекта и эмоционального интеллекта часто рассматриваются без учета их генеза и нейрофизиологической основы, особенно это касается понимания эмоционального интеллекта и социального интеллекта в исследованиях смешанной парадигмы (Bar-On 2006), где эти конструкты дополнительно включают в себя и личностные характеристики. Однако понимание генеза и физиологической основы психологических явлений помогает в установлении границ исследований в психологии. К примеру, современными нейрофизиологами было показано, что социальный, эмоциональный интеллект и общий интеллект развиваются не синхронно (Разумникова, Пусикова 2018). В подростковом возрасте зоны головного мозга, отвечающие за эти психические образования, не пересекаются. Более того, во время «работы» общего интеллекта активизируется более широкое поле участков мозга, чем при «работе» эмоционального интеллекта, а в период ранней взрослости при активизации эмоционального интеллекта функционирует более широкая нейронная сеть, уже значительным образом пересекающаяся с зонами, отвечающими за общий уровень интеллекта (Jiang, Qiao, Li 2021). Феноменологически это можно объяснить тем, что развитие эмоционального

интеллекта идет сообразно накоплению и интеллектуальной проработке эмоционального опыта в процессе его переживания, как и развитие социального интеллекта, которое связано с накоплением и ассимиляцией социального опыта. В этой связи легко объяснимы результаты исследований детей и подростков, где показаны слабые корреляции академической успешности и результативности с показателями социального и эмоционального интеллекта и сильные корреляции с показателями общего интеллекта (Гриб 2017; Furnham 2016; Hogan, Parker, Wiener et al. 2010; MacCann, Jiang, Brown et al. 2020; Pinto, Carneiro, do Céu Taveira 2014; Salgado, Anderson, Moscoso et al. 2003; Schulte, Ree, Carretta 2004; Uhrich, Heggstad, Shanock 2021). Однако и в исследованиях, выполненных на выборках испытуемых студенческого возраста, мы находим слабые подтверждения тому, что социальный и эмоциональный интеллект способствуют академической успешности и успешности в межличностных отношениях (по социометрическому статусу) (Егоренко 2018; Нижегородцева, Долженко 2017; Обухова 2013; Суднева, Шарафиева, Цой, Каракулова 2013; Rezaei, Mousanezhad Jeddi 2020). Тенденции к взаимосвязи академической и социальной успешности с высокими показателями социального и эмоционального интеллекта наблюдаются только у обучающихся профессиям типа «человек — человек» (Гришина, Исаева, Савинова 2018; Новикова, Якименко 2018; Обухова 2013; Суднева, Шарафиева, Цой, Каракулова 2013). Это объясняется тем, что социальное взаимодействие является профессиональной областью их деятельности, а обозначенные виды интеллекта — профессионально значимыми качествами и формируемыми в процессе обучения компетенциями.

В связи с этим более релевантными своей предметной области выглядят исследования, изучающие связь социального и эмоционального интеллекта взрослых людей с успешностью (результативностью) деятельности типа «человек — человек». Вместе с тем, наряду с социальным и эмоциональными видами интеллекта в них крайне редко изучаются вербальные способности представителей социономических профессий. По нашему мнению, процесс общения (ключевой для этих профессий) подразумевает не только перцептивную и интерактивную, но и коммуникативную составляющую, выраженную чаще всего обменом информацией в вербальной форме. Чтобы восполнить недостаток данной информации, основной идеей нашего исследования стало выявить уровневые

характеристики каждого типа интеллекта (эмоционального, вербального и социального), связанного с разными сторонами общения у успешных (результативных) представителей социномических профессий и их неуспешных (нерезультативных) коллег. В качестве представителей социномической профессии мы выбрали продавцов компьютерной и бытовой техники, работающих в торговом зале и имеющих непосредственный контакт с покупателями, от успешности которого зависит результативность их деятельности (продажа товара).

В нашем исследовании основной исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: отличаются ли успешные (результативные) продавцы от неуспешных (нерезультативных) продавцов по показателям эмоционального интеллекта, вербального интеллекта и социального интеллекта? Цель исследования заключалась в выявлении различий в уровнях эмоционального, социального и вербального интеллекта у успешных (результативных) и неуспешных (нерезультативных) продавцов.

Исследовательскими задачами нашего исследования стали:

- 1) Изучение уровня эмоционального, социального и вербального интеллекта у успешных (результативных) продавцов.
- 2) Изучение уровня эмоционального, социального и вербального интеллекта у неуспешных (нерезультативных) продавцов.
- 3) Сравнительный анализ показателей эмоционального, социального и вербального интеллекта у успешных (результативных) и неуспешных (нерезультативных) продавцов.

Теоретический обзор современного состояния проблемы

В современной психологической литературе существует довольно большое число теоретических моделей и эмпирических исследований, посвященных проблеме изучения различных видов интеллекта и их роли в успешности профессиональной деятельности и подготовке к ней. Интеллектуальные способности относят к общим способностям, и именно поэтому их рассматривают в контексте практически любой деятельности как обеспечивающие успешность ее выполнения и обучения ей. Конечно, чаще всего в таком ракурсе описываются однофакторные иерархические модели интеллекта, где ключевую роль в успешности деятельности играет G-фактор (Gottfredson 1997; 2016;

Ree, Earles, Teachout 1994; Salgado, Anderson, Moscoso et al. 2003; Schulte, Ree, Carretta 2004). Вместе с тем исследователи (Гриб 2017; Ушаков 2004; Bar-On 2006; Goleman 2006; Guilford 1967; Mayer, Caruso, Salovey 2016) выделяют ряд специфических видов интеллекта, которые направлены на обработку отдельных видов информации и на определенные виды деятельности, к примеру, математический интеллект, лингвистический интеллект, социальный интеллект и т. д.

В нашем исследовании рассматриваются такие виды интеллекта, как вербальный, социальный и эмоциональный интеллект. К каждому из этих видов интеллекта мы будем подходить с точки зрения определенной парадигмы, соответствующей основной идее исследования. Мы принимаем концепцию вербального интеллекта Г. Айзенка, поскольку в его модели вербальный интеллект, с одной стороны, действительно связан с оперированием, причем гибким, только вербальной информацией, и, с другой, связан с общим уровнем интеллекта и является его составляющей (Gottfredson 1997; 2016; Salgado, Anderson, Moscoso et al. 2003). Социальный интеллект мы рассматриваем с позиции Дж. Гилфорда, в которой он рассматривается как отдельный вид интеллекта, направленный на обработку поведенческой информации (Ушаков 2004; Guilford 1967; Weis, Süß 2007). Эмоциональный интеллект понимается нами как интеллектуальная способность обрабатывать информацию аффективного характера и, оперируя этими данными, осуществлять регуляцию эмоциональных состояний, что соответствует теории Дж. Майера, Д. Карузо и П. Саловея (Mayer, Caruso, Salovey 2016). Все упомянутые выше виды интеллекта, исходя из их определенных, должны способствовать успешности и результативности в социномических профессиях, что обсуждается в отечественных и зарубежных исследованиях на протяжении последних десятилетий (Гришина, Исаева, Савинова 2018; Щербаков 2011; Яшкова, Синева, Голубкова, Завиялова 2017; Demir, Doganay 2019; Kidwell, Lopez-Kidwell, Blocker, Mas 2020; MacCann, Jiang, Brown et al. 2020; Uhrich, Heggstad, Shanock 2021). К примеру, показано, что клиенты (покупатели) в большей степени удовлетворены взаимодействием с продавцом со сходными по экспрессии эмоциональными реакциями и готовы купить у него товар (Kidwell, Lopez-Kidwell, Blocker, Mas 2020), что требует от продавца умения распознавать эмоции другого человека и регулировать свои эмоциональные реакции. Это соотносится с представлением о роли этих компонентов эмоционального

интеллекта в успешности деятельности (Mayer, Caruso, Salovey 2016; Mursaleen, Munaf 2020). В целом, как показано в ряде исследований (Милица 2010; Яшкова, Синева, Голубкова, Завиялова 2017; Kim, Park 2020; dos Santos, Neto, dos Santos et al. 2019; MacCann, Jiang, Brown et al. 2020), высокий уровень эмоционального интеллекта способствует достижениям и успешности в деятельности, поскольку помогает человеку стабилизировать свое эмоциональное состояние и в оптимальном эмоциональном режиме выполнять свою деятельность. В связи с этим наибольший эффект в успешности (результативности) деятельности дает сочетание высоких показателей эмоционального интеллекта и высокого уровня когнитивных способностей (при этом они выступают как не связанные друг с другом факторы), что было продемонстрировано на примере менеджеров по персоналу (Uhrich, Heggstad, Shanock 2021). Похожие результаты были получены и в исследовании распознавания фальшивых новостей на Фейсбуке, где лучшие результаты показали люди с более высоким уровнем академических достижений, связанным с высоким уровнем оперирования вербальной информацией (Hogan, Parker, Wiener et al. 2010) и одновременно с высоким уровнем эмоционального интеллекта (Preston Anderson, Robertson et al. 2021). Устойчивые корреляты уровневых характеристик социального интеллекта в профессиональной деятельности «человек — человек» (Кузнецова, Чепрасова 2014; Милица 2010) и подготовки к ней с ее результативностью до конца не выявлены (Егоренко 2018; Новикова, Якименко 2018), поскольку при вербализации понимания социальных ситуаций значительно снижается эффективность их решения, а развитие социального интеллекта происходит имплицитно (Пархоменко 1998; Ушаков 2004). В исследованиях подготовки к профессиональной деятельности различий по уровню социального интеллекта среди испытуемых, обучающихся профессиям различного типа, как правило, не выявляется (Обухова 2013; Разумникова, Пусикова 2018; Суднева, Шарафиева, Цой, Каракулова 2013), за исключением одной особенности: в стрессовых и конфликтных социальных ситуациях люди с высоким уровнем социального интеллекта и связанные с социальными профессиями предпочитают социально приемлемые стратегии их разрешения — сотрудничество и компромисс, в то время как люди с низким социальным интеллектом и негуманитарных специальностей чаще выбирают избегание и конфронтацию (Нижегородцева, Долженко 2017;

Серафимович 2017; Pinto, Carneiro, do Céu Taveira 2014).

Однако нельзя не отметить, что в большей степени высокие результаты по шкалам социального и эмоционального интеллекта связаны с удовлетворенностью профессиональной деятельностью в профессиях «человек — человек» и психологическим благополучием (Demir, Doganay 2019; Rezaei, Mousanezhad Jeddi 2020), а не с результативностью деятельности.

Подводя итоги, можно резюмировать, что в успешности (результативности) деятельности ведущую роль, как правило, играет общий интеллект, так называемый G, и его составляющие, причем в социальном проффессиях эмоциональный интеллект, вероятно, также является предиктором успешности и результативности деятельности, особенно при выраженности компонентов эмоциональной осведомленности и саморегуляции эмоциональных состояний. Относительно взаимосвязи успешности в данном типе деятельности с высокими показателями социального интеллекта можно говорить о том, что она вероятна, но не обязательна. Во-первых, потому, что уровень социального интеллекта связан с социальным опытом человека и, скорее, может иметь корреляции с возрастом — исследований профессионалов в зрелом возрасте не так много; во-вторых, ситуации профессионального взаимодействия кратковременны по сравнению с жизненными ситуациями, а также не всегда сопоставимы содержательно и по развитию друг с другом. В связи с этим для успешности профессиональной деятельности человеку нужно обладать либо большим профессиональным опытом, либо способностью к экстраполяции жизненного опыта на профессиональные ситуации с поправкой на их различия.

Организация и методы исследования

Объектом нашего исследования являются интеллектуальные способности человека. В качестве предмета исследования выступают интеллектуальные способности человека, способствующие оптимизации социального взаимодействия между людьми и успешности профессиональной деятельности, относящейся к типу «человек — человек», в частности эмоциональный интеллект, социальный интеллект и вербальный интеллект. Основным предположением нашего исследования было то, что уровень эмоционального и вербального интеллекта успешных (результативных) продавцов выше, чем у неуспешных (нерезультативных)

продавцов, а по показателям социального интеллекта они не различаются. В частности, мы предполагаем, что уровень эмоционального и вербального интеллекта успешных (результативных) продавцов будет высоким, а у неуспешных (нерезультативных) продавцов уровень вербального и эмоционального интеллекта будет средним или чуть ниже среднего (в сравнении с нормативными значениями). Основанием для такого предположения послужило то, что суть профессиональной деятельности продавца в данной сети магазинов сводится не только к мотивированию покупателя купить товар, но и к убеждению его в том, что именно продаваемый в сети товар (за продажу некоторых моделей в сети существуют премиальные бонусы для продавцов) соответствует его потребностям. Таким образом, прогнозирование поведения покупателя, оценка его потребностей, а также умение правильно изложить в речевой форме коммерческое предложение с целью убеждения покупателя должны являться значимыми профессиональными компетенциями, приносящими результат. В свою очередь, излишнее включение в эмоциональное состояние покупателя может мешать продавцу достигать своей цели.

В исследовательскую выборку вошли 72 продавца крупной сети магазинов по продаже бытовой и компьютерной техники города Риги со стажем работы от 4 до 6 лет. В выборку не включались продавцы, имеющие иные показатели стажа работы. Среди участников исследования было 40 мужчин (55,5% от всей выборки) и 32 женщины в возрасте от 25 до 33 лет. Все участники исследования имели оконченное среднее образование, а также свободно владели русским языком, что было необходимо для прохождения вербальных тестов.

Выборка была разделена на успешных (результативных) продавцов и неуспешных (нерезультативных) продавцов на основании количества продаж в течение года по рейтинговым показателям продаж сети и тех магазинов, в которых работали участники исследования; в данном случае успешность понимается нами как конкретный количественный результат деятельности. К успешным (результативным) продавцам были отнесены те работники, которые в течение года ежемесячно превышали средний показатель по продажам в своем магазине и сети магазинов в целом. В группу неуспешных (нерезультативных) работников были включены те продавцы, показатели продаж которых были ниже среднего показателя как по своему торговому залу, так по сети в целом. В первую

и вторую группу продавцов нами было отобрано по 36 человек. Различий по стажу работы и половому составу в группах не было.

Исследование проводилось в конце 2019 года до принятия карантинных мер, связанных с пандемией коронавирусной инфекции Covid-19.

Для измерения социального интеллекта использовался тест «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда и М. О'Салливена (O'Sullivan, Guilford 1975; Михайлова (Алешина) 1996). Методика сконструирована на основании широко известной многофакторной модели интеллекта Дж. Гилфорда и направлена на диагностику способности к познанию поведенческой информации.

Для измерения уровня вербального интеллекта использовался «Вербальный тест интеллекта» Г. Айзенка (Римский, Римская 1995), который является частью батареи тестов оценки уровня общего интеллекта Г. Айзенка и измеряет способность человека оперировать словесной информацией.

Для измерения уровня эмоционального интеллекта была использована методика Н. Холла «Эмоциональный интеллект» (Ильин 2001), направленная на самооценку способности человека распознавать эмоции других людей, оценивать свои собственные эмоциональные состояния и регулировать их, а также способности распознавать чужие эмоции и управлять ими. Несмотря на то, что это методика является, по сути, самоотчетом испытуемого, вместе с тем ее результаты высоко коррелируют с результатами экспериментальных процедур измерения характеристик эмоционального интеллекта.

Математическая обработка осуществлялась с помощью критериального (параметрического t-критерия Стьюдента), корреляционного (параметрического Пирсона) анализа, расчеты производились с помощью пакета прикладных статистических программ Statistica 12.0.

Результаты и их обсуждение

В результате исследования социального, эмоционального и вербального интеллекта двух групп продавцов были получены следующие данные, характеризующие средние значения по выборке и представленные в таблице 1.

У успешных (результативных) продавцов показатели уровня вербального интеллекта выше средних значений, указанных как нормативные в «Вербальном тесте интеллекта» Г. Айзенка. Учитывая небольшие значения стандартного отклонения, можно говорить, что выборку успешных (результативных) продавцов составляют

Табл. 1. Эмпирические характеристики вербального, социального и эмоционального интеллекта успешных (результативных) и неуспешных (нерезультативных) продавцов

Показатель	Успешные (результативные) продавцы		Неуспешные (нерезультативные) продавцы		Нормативные данные по шкалам		
	M*	s**	M*	s**	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Общий уровень вербального интеллекта	126,75	4,93	111,94	6,58	≤89	90–120	121≤
Общий уровень социального интеллекта	30,22	3,33	27,00	4,95	≤26	27–37	38≤
Познание результатов поведения	6,58	1,59	8,11	2,42	≤5	6–9	10≤
Познание классов поведения	8,19	1,43	6,89	1,7	≤5	6–9	10≤
Познание преобразования поведения	7,11	1,22	6,89	1,53	≤5	6–9	10≤
Познание систем поведения	8,33	1,33	5,11	0,85	≤5	6–9	10≤
Общий уровень эмоционального интеллекта	73,42	5,81	61,19	6,65	≤39	40–69	≤70
Эмоциональная осведомленность	14,72	2,37	12,97	2,37	≤7	8–13	14≤
Управление своими эмоциями	14,92	2,21	9,67	2,35	≤7	8–13	14≤
Самотивация	14,81	2,75	11,17	2,55	≤7	8–13	14≤
Эмпатия	15,89	2,33	16,03	1,98	≤7	8–13	14≤
Распознавание эмоций других людей	13,08	3,79	12,58	1,57	≤7	8–13	14≤

* — среднее значение

** — стандартное отклонение

Table 1. Empirical characteristics of verbal, social, and emotional intelligence of successful (productive) and unsuccessful (non-productive) sellers

Scales	Successful (productive) sellers		Unsuccessful (non-productive) sellers		Reference data on scales		
	M*	s**	M*	s**	Low level	Intermediate level	High level
Verbal intelligence	126.75	4.93	111.94	6.58	≤89	90–120	121 ≤
General social intelligence	30.22	3.33	27.00	4.95	≤26	27–37	38≤
Cognition of the results of behavior	6.58	1.59	8.11	2.42	≤5	6–9	10≤
Cognition of behavior classes	8.19	1.43	6.89	1.7	≤5	6–9	10≤
Cognition of behavior transformation	7.11	1.22	6.89	1.53	≤5	6–9	10≤

Table 1. Completion

Cognition of behavioral systems	8.33	1.33	5.11	0.85	≤5	6–9	10≤
General emotional Intelligence	73.42	5.81	61.19	6.65	≤39	40–69	≤70
Emotional awareness	14.72	2.37	12.97	2.37	≤7	8–13	14≤
Emotional management and regulation	14.92	2.21	9.67	2.35	≤7	8–13	14≤
Self-motivation	14.81	2.75	11.17	2.55	≤7	8–13	14≤
Empathy	15.89	2.33	16.03	1.98	≤7	8–13	14≤
Recognizing other people's emotions	13.08	3.79	12.58	1.57	≤7	8–13	14≤

* — mean value

** — standard deviation

люди с высоким уровнем вербального интеллекта, что может косвенно свидетельствовать и о высоком общем уровне интеллекта (Gottfredson 1997). Уровень социального интеллекта в группе успешных (результативных) продавцов находится в пределах средних значений по указанным в тесте Дж. Гилфорда нормативным данным, что говорит о том, что эти люди по способностям в социальном взаимодействии не отличаются от большинства людей, в структуре их компетенций чуть более развиты способности к распознаванию общих свойств в частных ситуациях взаимодействия, а также способность понимать логику развития целостных ситуаций взаимодействия людей. По сути, в структуре их социального интеллекта преобладают способности, относящиеся к классическим операциям мышления: синтез, анализ, обобщение, абстрагирование, направленные на социальные ситуации, что может способствовать соотнесению ситуаций широкого спектра и ситуаций профессионального взаимодействия. Уровень эмоционального интеллекта успешных (результативных) продавцов находится в значениях выше средних по нормативным данным по методике Н. Холла. Можно отметить, что у успешных (результативных) продавцов в большей степени развиты эмпатийность и умение регулировать свои эмоциональные состояния. Во взаимодействии между людьми, а особенно целенаправленной профессиональной деятельности, ключевыми являются особенности эмоциональной саморегуляции и способности продемонстрировать другому человеку понимание его эмоционального состояния и потребностей (Mayer, Caruso, Salovey 2016), как правило,

и первое и второе способствует контакту между людьми, а также созданию условий для целенаправленной коммуникации.

У неуспешных (нерезультативных) продавцов показатели вербального интеллекта входят в средний диапазон значений, указанных как нормативные по вербальному тесту Г. Айзенка, стандартное отклонение невелико, поэтому результаты вербальных способностей можно охарактеризовать как гомогенные.

Показатели уровня социального интеллекта в группе неуспешных (нерезультативных) продавцов находятся на границе средних и низких значений, указанных в нормативных данных теста «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда, что свидетельствует о недостаточно развитых способностях в социальном взаимодействии у продавцов данной группы. Наименее развитой в структуре социального интеллекта способностью у неуспешных (нерезультативных) продавцов является понимание логики развития социальной ситуации, а наиболее развитой — способность предвидеть результат поведения. Несмотря на то, что, казалось бы, две эти способности должны быть логически связаны между собой, можно предположить, что неуспешные (нерезультативные) продавцы используют не рациональные и логичные, а иррациональные или ситуативные способы предвидения результатов социального взаимодействия между людьми. Уровень эмоционального интеллекта у продавцов этой группы по результатам методики Н. Холла — средний. Интересно, что в структуре эмоционального интеллекта в этой группе можно отметить высокие значения по шкале «Эмпатия», а также близкие к высоким значения

по шкалам «Эмоциональная осведомленность» и «Распознавание эмоций других людей». Можно предположить, что отличительной чертой неуспешных (нерезультативных) продавцов является концентрация на своих и чужих эмоциональных состояниях, некая полезависимость, мешающая абстрагироваться от ситуации, отрегулировать свое поведение и реализовать тем

самым цель взаимодействия с покупателем — продать необходимый товар.

Для сравнения данных групп успешных (результативных) продавцов и неуспешных (нерезультативных) продавцов нами был использован параметрический t-критерий Стьюдента. Основанием применения данного статистического критерия послужила гомогенность результатов по всем методикам, о чем свидетельствуют

Табл. 2. Сравнительный анализ показателей вербального, социального и эмоционального интеллекта успешных (результативных) и неуспешных (нерезультативных) продавцов

Показатель	Средние значения		t	p
	Успешные (результативные) продавцы	Неуспешные (нерезультативные) продавцы		
Общий уровень вербального интеллекта	126,75	111,94	10,81	0,001
Общий уровень социального интеллекта	30,22	27,00	3,23	0,001
Познание результатов поведения	6,58	8,11	−3,15	0,01
Познание классов поведения	8,19	6,89	3,50	0,001
Познание систем поведения	8,33	5,11	12,09	0,001
Общий уровень эмоционального интеллекта	73,42	61,19	8,25	0,001
Эмоциональная осведомленность	14,72	12,97	2,88	0,01
Управление своими эмоциями	14,92	9,67	9,76	0,001
Самомотивация	14,81	11,17	5,83	0,001

Table 2. Comparative analysis of indicators of verbal, social and emotional intelligence of successful (productive) and unsuccessful (non-productive) sellers

Scales	Mean value		t	p
	Successful (productive) sellers	Unsuccessful (non-productive) sellers		
Verbal intelligence	126.75	111.94	10.81	0.001
General social intelligence	30.22	27.00	3.23	0.001
Cognition of the results of behavior	6.58	8.11	−3.15	0.01
Cognition of behavior classes	8.19	6.89	3.50	0.001
Cognition of behavioral systems	8.33	5.11	12.09	0.001
General emotional Intelligence	73.42	61.19	8.25	0.001
Emotional awareness	14.72	12.97	2.88	0.01
Emotional management and regulation	14.92	9.67	9.76	0.001
Self-motivation	14.81	11.17	5.83	0.001

низкие значения стандартного отклонения по всем шкалам, что говорит о том, что средние значения показателей по обеим группам можно считать репрезентативными для данной выборки.

Представленные данные сравнительного анализа демонстрируют различия успешных (результативных) продавцов и неуспешных (нерезультативных) продавцов в уровне вербального и социального интеллекта, что нами и предполагалось. Однако большие различия наблюдаются по параметру «вербальный интеллект», который наиболее связан с уровнем общего интеллекта. В структуре социального интеллекта успешные (результативные) продавцы превосходят неуспешных (нерезультативных) продавцов по параметрам «Познание классов поведения» и «Познание систем поведения», однако достоверно уступают по параметру «Познание результатов поведения», что свидетельствует о том, что системное видение ситуаций социального взаимодействия, синтез, анализ и обобщение социальной информации в большей степени способствуют успешности (результатив-

ности) деятельности в области продаж, чем способность к прогнозированию исхода социальной ситуации. По уровню эмоционального интеллекта группы также отличаются, и в группе успешных (результативных) продавцов он выше, чем у менее успешных (нерезультативных) коллег. Как показано в таблице 2, по параметрам «Эмоциональная осведомленность», «Управление своими эмоциями» и «Самомотивация» неуспешные (нерезультативные) продавцы уступают успешным (результативным) продавцам, т. е. имеют чуть меньше знаний об эмоциональных проявлениях людей и хуже регулируют свои эмоциональные состояния, что, безусловно, сказывается на качестве взаимодействия с другими людьми и мешает им добиваться результата в профессиональной деятельности.

Дополнительно мы рассмотрели взаимосвязи между показателями вербального, эмоционального и социального интеллекта в обеих группах (см. табл. 3).

В обеих группах показатель вербального интеллекта оказался не связан с показателями

Табл. 3. Взаимосвязь показателей вербального, социального и эмоционального интеллекта успешных (результативных) и неуспешных (нерезультативных) продавцов

Показатель	Успешные (результативные) продавцы				Неуспешные (нерезультативные) продавцы			
	1	2	3	4	1	2	3	4
1. Общий уровень вербального интеллекта	-	-	-	0,47*	-	-	-	-
2. Общий уровень социального интеллекта	-	-	0,56*	0,68*	-	-	0,78**	-
3. Общий уровень эмоционального интеллекта	-	0,56*	-	0,72*	-	0,78**	-	-
4. Самомотивация	0,47*	0,68*	0,72*	-	-	-	-	-

* $p \leq 0,05$

** $p \leq 0,01$

Table 3. The relationship between the indicators of verbal, social and emotional intelligence of successful (productive) and unsuccessful (non-productive) sellers

Scales	Successful (productive) sellers				Unsuccessful (non-productive) sellers			
	1	2	3	4	1	2	3	4
1. Verbal intelligence	-	-	-	0.47*	-	-	-	-
2. General social intelligence	-	-	0.56*	0.68*	-	-	0.78**	-
3. General emotional Intelligence	-	0.56*	-	0.72*	-	0.78**	-	-
4. Self-motivation	0.47*	0.68*	0.72*	-	-	-	-	-

* $p \leq 0.05$

** $p \leq 0.01$

общего эмоционального и общего социального интеллекта.

В группе неуспешных (нерезультативных) продавцов он не продемонстрировал взаимосвязей ни с одним из частных показателей эмоционального и социального интеллекта, а в группе успешных (результативных) продавцов — только с параметром «Самомотивация», который обозначает регуляцию своих эмоций. Вместе с тем показатели общего эмоционального и общего социального интеллекта в обеих группах связаны, причем в группе неуспешных (нерезультативных) продавцов связь этих двух переменных сильнее. В целом результаты корреляционного анализа подтверждают известную психологическую теорию Дж. Гилфорда о том, что абстрактный семантический (вербальный) интеллект и социальный интеллект могут рассматриваться как отдельные виды интеллектуальных способностей, не связанные друг с другом (Guilford 1967). При этом исследователи подчеркивают связь эмоционального и социального интеллекта, что обуславливается общностью информации, на обработку которой направлены эти виды интеллекта (Bar-On 2006). Несвязанность вербального интеллекта и других изучаемых видов интеллекта, а также достоверные уровневые отличия по этому показателю между группами успешных (результативных) продавцов и неуспешных (нерезультативных) продавцов позволяют предполагать, что именно этот показатель является ключевым в успешности профессиональной деятельности, что косвенно подтверждается результатами исследований академической успешности школьников и студентов, в которых доказывается, что предикторами академической успешности являются прежде всего показатели интеллекта, а не эмоционального интеллекта (Hogan, Parker, Wiener et al. 2010; MacCann, Jiang, Brown et al. 2020; Schulte, Ree, Carretta 2004; Uhrich, Heggestad, Shanock 2021). В структуре эмоционального интеллекта коррелятом успешности является параметр регуляции своих собственных эмоций, что соответствует полученным нами результатам. Наше исследование дополняет уже имеющиеся в литературе данные о роли различных видов интеллекта в успешности (результативности) деятельности в части обращения к профессиональной деятельности взрослых людей, в частности в сфере услуг и продвижения товара, этим и обуславливается его новизна и теоретическая значимость. В части практической значимости полученные результаты дают возможность предполагать, что изменение результативности профессиональной деятельности

возможно за счет развития навыков эмоциональной саморегуляции и системного видения ситуаций (наращивания социального опыта) у неуспешных (нерезультативных) продавцов.

Выводы

Подводя итоги нашего исследования, можно сказать следующее:

- 1) Успешные (результативные) продавцы обладают высоким уровнем вербального интеллекта, средним уровнем социального интеллекта, в структуре которого выделяются показатели познания систем и классов поведения, а также высоким уровнем эмоционального интеллекта с преобладанием в его структуре эмпатии и саморегуляции эмоциональных состояний.
- 2) У неуспешных (нерезультативных) продавцов — средний уровень вербального и эмоционального интеллекта с акцентом на эмпатийность и распознавание эмоций, а также средний с тенденцией к снижению уровень социального интеллекта, в структуре которого выделяется способность предвидения результатов поведения.
- 3) Успешные результативные продавцы достоверно превосходят своих неуспешных (нерезультативных) коллег по показателям вербального интеллекта, социального и эмоционального интеллекта, в частности в целостном и системном видении поведения, соотнесении ситуаций, эмоциональной осведомленности и управлении своими эмоциональными состояниями, но уступают в прогнозировании результатов социального взаимодействия.

Очевидно, что интеллектуальные (общие) способности, целостное видение ситуации и умение регулировать свои состояния являются важными характеристиками для успешности профессиональной деятельности типа «человек — человек», в частности продавца. Вместе с тем представляется, что на основании обобщения результатов многих исследований по данной проблематике можно распространить данный вывод на более широкий спектр деятельности. Также необходимо отметить, что психологическая наука и особенно практика явно переоценивает значение высокого эмоционального интеллекта в успешности и результативности деятельности, особенно если выводы об этом делаются без учета данных о тех способностях, которые напрямую относятся к выполнению этого вида деятельности и обучения ему. Кроме

того, современные программы развития эмоционального и социального интеллекта, особенно для школьников, не в полной мере учитывают особенности генеза этих двух феноменов, а также их жизненное предназначение в структуре психики человека.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics approval

The authors report that the research was carried out in accordance with the ethical principles stipulated by for research involving humans and animals.

Литература

- Гриб, Е. В. (2017) К вопросу о соотношении социального и других видов интеллекта. *Историческая и социально-образовательная мысль*, т. 9, № 1/1, с. 135–138. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-135-138>
- Гришина, А. В., Исаева, О. М., Савинова, С. Ю. (2018) Эмоциональный интеллект студентов — HR-менеджеров. *Вестник Мининского университета*, т. 6, № 2, статья 16. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2018-6-2-16>
- Егоренко, Т. А. (2018) Роль социального интеллекта в процессе профессионального становления личности на этапе обучения в вузе. *Современная зарубежная психология*, т. 7, № 3, с. 109–114. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2018070310>
- Ильин, Е. П. (2001) *Эмоции и чувства*. СПб.: Питер, 752 с. (Мастера психологии).
- Кузнецова, А. Э., Чепрасова, С. С. (2014) Социальный интеллект как фактор успешности профессиональной деятельности руководителя. *Молодой ученый*, № 7 (66), с. 270–272.
- Милица, Е. Е. (2010) Влияние уровня выраженности социального интеллекта медработников на представления о социально-психологических трудностях общения с пациентами. *Северо-Кавказский психологический вестник*, т. 8, № 1, с. 21–24.
- Михайлова (Алешина), Е. С. (1996) *Методика исследования социального интеллекта: Адаптация теста Дж. Гилфорда и М. Салливена: Руководство по использованию*. СПб: ИМАТОН, 56 с.
- Нижегородцева, Н. В., Долженко, О. В. (2017) Взаимосвязь показателей развития социального интеллекта, самоотношения и успеваемости у студентов вуза. *Ярославский педагогический вестник*, № 3, с. 178–183.
- Новикова, Е. В., Якименко, М. С. (2018) Социальный интеллект как фактор успешности учебной деятельности студентов на этапе обучения в педагогическом ВУЗе. *Вестник Донецкого педагогического института*, № 3, с. 148–157.
- Обухова, Ю. В. (2013) Интеллектуальные особенности представителей социэкономических и несоциэкономических профессий в период ранней взрослости. *Северо-Кавказский психологический вестник*, т. 11, № 2, с. 59–62.
- Пархоменко, О. Г. (1998) *Имплицитные теории интеллекта студентов педагогического университета. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук*. СПб., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 18 с.
- Разумникова, О. М., Пусикова, М. В. (2018) Современные представления о социальном интеллекте и социальной креативности: значение тормозных функций в социальной адаптации. *Теоретическая и экспериментальная психология*, т. 11, № 1, с. 67–84.
- Римский, С. А., Римская, Р. Р. (ред.). (1995) *Альманах психологических тестов*. М.: КСП+, 400 с. (Psychology. Психология личности).
- Серафимович, И. В. (2017) Некоторые аспекты профессионализации работников торговли: метакогнитивные проявления профессионального мышления и поведение в конфликте и стрессе. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, т. 6, № 3 (20), с. 334–338.
- Суднева, О. Ю., Шарафиева, К. Р., Цой, В. Г., Каракулова, О. В. (2013) Особенности социального интеллекта студентов гуманитарных и негуманитарных специальностей. *Вестник Томского государственного университета*, т. 371, с. 161–166.
- Ушаков, Д. В. (2004) Социальный интеллект как вид интеллекта. В кн.: Д. В. Люсин, Д. В. Ушаков (ред.). *Социальный интеллект: теория, измерение, исследования*. М.: Институт психологии РАН, с. 11–28.
- Щербаков, С. В. (2011) Профессиональная компетентность и социальный интеллект инженерно-технических работников. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, т. 8, № 2, с. 148–155.

- Яшкова, Е. В., Синева, Н. А., Голубкова, М. А., Завиялова, Ю. М. (2017) Роль эмоционального интеллекта в профессиональной деятельности менеджера. *Перспективы науки и образования*, № 6 (30), с. 41–44.
- Bar-On, R. (2006) The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI). *Psicothema*, vol. 18, no. suppl., pp. 13–25.
- Demir, O., Doganay, A. (2019) An investigation of metacognition, self-regulation and social intelligence 'scales' level of predicting pre-service 'teachers' lifelong learning trends. *International Journal of Progressive Education*, vol. 15, no. 5, pp. 131–148. <https://doi.org/10.29329/ijpe.2019.212.10>
- Furnham, A. (2016) The relationship between cognitive ability, emotional intelligence and creativity. *Psychology*, no. 7, pp. 193–197. <https://dx.doi.org/10.4236/psych.2016.72021>
- Goleman, D. (2006) *Social intelligence: The new science of human relationships*. New York: Bantam Books, 403 p.
- Gottfredson, L. S. (2016) Hans Eysenck's theory of intelligence, and what it reveals about him. *Personality and Individual Differences*, vol. 103, pp. 116–127. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.04.036>
- Gottfredson, L. S. (1997) Why G matters: The complexity of everyday life. *Intelligence*, vol. 24, no. 1, pp. 79–132. [https://doi.org/10.1016/S0160-2896\(97\)90014-3](https://doi.org/10.1016/S0160-2896(97)90014-3)
- Guilford, J. P. (1967) *The nature of human intelligence*. New York: McGraw Hill, 538 p.
- Hogan, M. J., Parker, J. D. A., Wiener, J. et al. (2010) Academic success in adolescence: Relationships among verbal IQ, social support and emotional intelligence. *Australian Journal of Psychology*, vol. 62, no. 1, pp. 30–41. <https://doi.org/10.1080/00049530903312881>
- Jiang, L., Qiao, K., Li, C. (2021) Distance-based functional criticality in the human brain: Intelligence and emotional intelligence. *BMC Bioinformatics*, vol. 22, article 32. <https://doi.org/10.1186/s12859-021-03973-4>
- Kidwell, B., Lopez-Kidwell, V., Blocker, C., Mas, E. M. (2020) Birds of a feather feel together: Emotional ability similarity in consumer interactions. *Journal of Consumer Research*, vol. 47, no. 2, pp. 215–236. <https://doi.org/10.1093/jcr/ucaa011>
- Kim, D., Park, J. (2020) The way to improve organizational citizenship behavior for the employees who lack emotional intelligence. *Current Psychology*. <https://doi.org/10.1007/s12144-020-01104-5>
- MacCann, C., Jiang, Y., Brown, L. E. R. et al. (2020) Emotional intelligence predicts academic performance: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, vol. 146, no. 2, pp. 150–186. <https://doi.org/10.1037/bul0000219>
- Mayer, J. D., Caruso, D. R., Salovey, P. (2016) The ability model of emotional intelligence: Principles and updates. *Emotion Review*, vol. 8, no. 4, pp. 290–300. <http://dx.doi.org/10.1177/1754073916639667>
- Mursaleen, M., Munaf, S. (2020) Differences of emotional intelligence, aggression, and academic achievement among students with different levels of intellectual ability. *Bahria Journal of Professional Psychology*, vol. 19, no. 2, pp. 48–60.
- O'Sullivan, M., Guilford, J. P. (1975) Six factors of behavioral cognition: Understanding other people. *Journal of Educational Measurement*, vol. 12, no. 4, pp. 255–271. <https://doi.org/10.1111/j.1745-3984.1975.tb01027.x>
- Pinto, J., Carneiro, F. L., Taveira, M. do Céu. (2014) Social intelligence in Portuguese students: Differences according to the school grade. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, vol. 116, pp. 56–62. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.01.168>
- Preston, S., Anderson, A., Robertson, D. J. et al. (2021) Detecting fake news on Facebook: The role of emotional intelligence. *PLoS ONE*, vol. 16, no. 3, article e0246757. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0246757>
- Rezaei, A., Mousanezhad Jeddi, E. (2020) Relationship between wisdom, perceived control of internal states, perceived stress, social intelligence, information processing styles and life satisfaction among college students. *Current Psychology*, vol. 39, no. 3, pp. 927–933. <https://doi.org/10.1007/s12144-018-9804-z>
- Ree, M. J., Earles, J. A., Teachout, M. S. (1994) Predicting job performance: Not much more than G. *Journal of Applied Psychology*, vol. 79, no. 4, pp. 518–524. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.79.4.518>
- Santos, D. M. dos, Neto, M. T. R., Santos, T. M. dos et al. (2019) Using emotional intelligence as a sales technique. *Business Management Dynamics*, vol. 9, no. 1, pp. 7–17.
- Salgado, J. F., Anderson, N., Moscoso, S. et al. (2003) A meta-analytic study of general mental ability validity for different occupations in the European community. *Journal of Applied Psychology*, vol. 88, no. 6, pp. 1068–1081. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.88.6.1068>
- Salovey, P., Mayer, J. D. (1990) Emotional intelligence. *Imagination, Cognition and Personality*, vol. 9, no. 3, pp. 185–211. <https://doi.org/10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG>
- Schulte, M. J., Ree, M. J., Carretta, T. R. (2004) Emotional intelligence: Not much more than G and personality. *Personality and Individual Differences*, vol. 37, no. 5, pp. 1059–1068. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2003.11.014>
- Uhrich, B. B., Heggstad, E. D., Shanock, L. R. (2021) Smarts or trait emotional intelligence? The role of trait emotional intelligence in enhancing the relationship between cognitive ability and performance. *The Psychologist-Manager Journal*, vol. 24, no. 1, pp. 23–47. <https://doi.org/10.1037/mgr0000112>
- Weis, S., Süß, H.-M. (2007). Reviving the search for social intelligence — a multitrait-multimethod study of its structure and construct validity. *Personality and Individual Differences*, vol. 42, no. 1, pp. 3–14. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2006.04.027>

References

- Bar-On, R. (2006) The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI). *Psicothema*, vol. 18, no. supl., pp. 13–25. (In English)
- Demir, O., Doganay, A. (2019) An investigation of metacognition, self-regulation and social intelligence 'scales' level of predicting pre-service 'teachers' lifelong learning trends. *International Journal of Progressive Education*, vol. 15, no. 5, pp. 131–148. <https://doi.org/10.29329/ijpe.2019.212.10> (In English)
- Egorenko, T. A. (2018) Rol' sotsial'nogo intellekta v protsesse professional'nogo stanovleniya lichnosti na etape obucheniya v vuze [The role of social intelligence in the process of professional development of personality at the stage of education in the university]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya — Journal of Modern Foreign Psychology*, vol. 7, no. 3, pp. 109–114. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2018070310> (In Russian)
- Furnham, A. (2016) The relationship between cognitive ability, emotional intelligence and creativity. *Psychology*, no. 7, pp. 193–197. <https://dx.doi.org/10.4236/psych.2016.72021> (In English)
- Goleman, D. (2006) *Social intelligence: The new science of human relationships*. New York: Bantam Books, 403 p. (In English)
- Gottfredson, L. S. (2016) Hans Eysenck's theory of intelligence, and what it reveals about him. *Personality and Individual Differences*, vol. 103, pp. 116–127. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.04.036> (In English)
- Gottfredson, L. S. (1997) Why G matters: The complexity of everyday life. *Intelligence*, vol. 24, no. 1, pp. 79–132. [https://doi.org/10.1016/S0160-2896\(97\)90014-3](https://doi.org/10.1016/S0160-2896(97)90014-3) (In English)
- Grib, E. V. (2017) K voprosu o sootnoshenii sotsial'nogo i drugikh vidov intellekta [On the question of the relationship between social and other types of intelligence]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys' — Historical and Social-Educational Idea*, vol. 9, no. 1/1, pp. 135–138. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-1-1-135-138> (In Russian)
- Grishina, A. V., Isaeva O. M., Savinova S. Yu. (2018) Emotsional'nyj intellekt studentov — HR-menedzherov [Emotional intelligence of HR-management students]. *Vestnik Mininskogo universiteta*, vol. 6, no. 2, article 16. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2018-6-2-16> (In Russian)
- Guilford, J. P. (1967) *The nature of human intelligence*. New York: McGraw Hill, 538 p. (In English)
- Hogan, M. J., Parker, J. D. A., Wiener, J. et al. (2010) Academic success in adolescence: Relationships among verbal IQ, social support and emotional intelligence. *Australian Journal of Psychology*, vol. 62, no. 1, pp. 30–41. <https://doi.org/10.1080/00049530903312881> (In English)
- Il'in, E. P. (2001) *Emotsii i chuvstva [Emotions and feelings]*. Saint Petersburg: Piter Publ., 752 p. (Mastera psikhologii [Masters of Psychology]). (In Russian)
- Jiang, L., Qiao, K., Li, C. (2021) Distance-based functional criticality in the human brain: Intelligence and emotional intelligence. *BMC Bioinformatics*, vol. 22, article 32. <https://doi.org/10.1186/s12859-021-03973-4> (In English)
- Kidwell, B., Lopez-Kidwell, V., Blocker, C., Mas, E. M. (2020) Birds of a feather *feel* together: Emotional ability similarity in consumer interactions. *Journal of Consumer Research*, vol. 47, no. 2, pp. 215–236. <https://doi.org/10.1093/jcr/ucaa011> (In English)
- Kim, D., Park, J. (2020) The way to improve organizational citizenship behavior for the employees who lack emotional intelligence. *Current Psychology*. <https://doi.org/10.1007/s12144-020-01104-5> (In English)
- Kuznetsova, L. E., Cheprasova, S. S. (2014) Sotsial'nyj intellekt kak faktor uspekhov professional'noj deyatel'nosti rukovoditelya [Social intelligence as a factor of success of the professional activity of the manager]. *Molodoj uchenyj*, no. 7 (66), pp. 270–272. (In Russian)
- MacCann, C., Jiang, Y., Brown, L. E. R. et al. (2020) Emotional intelligence predicts academic performance: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, vol. 146, no. 2, pp. 150–186. <https://doi.org/10.1037/bul0000219> (In English)
- Mayer, J. D., Caruso, D. R., Salovey, P. (2016) The ability model of emotional intelligence: Principles and updates. *Emotion Review*, vol. 8, no. 4, pp. 290–300. <http://dx.doi.org/10.1177/1754073916639667> (In English)
- Mikhajlova (Aleshina), E. S. (1996) *Metodika issledovaniya sotsial'nogo intellekta: Adaptatsiya testa Dzh. Gilforda i M. Sallivena: Rukovodstvo po ispol'zovaniyu [Methodology for the study of social intelligence: Adaptation of the test by J. Guilford and M. Sullivan: A guide to use]*. Saint Petersburg: IMATON Publ., 56 p. (In Russian)
- Militsa, E. E. (2010) Vliyanie urovnya vyrazhennosti sotsial'nogo intellekta medrabotnikov na predstavleniya o sotsial'no-psikhologicheskikh trudnostyakh obshcheniya s patsientami [Influence of level of expressiveness of social intelligence of doctors on representations about socially-psychological difficulties of interaction with patients]. *Severo-Kavkazskij psikhologicheskij vestnik — North-Caucasian Psychological Bulletin*, vol. 8, no. 1, pp. 21–24. (In Russian)
- Mursaleen, M., Munaf, S. (2020) Differences of emotional intelligence, aggression, and academic achievement among students with different levels of intellectual ability. *Bahria Journal of Professional Psychology*, vol. 19, no. 2, pp. 48–60. (In English)
- Nizhegorodtseva, N. V., Dolzhenko, O. V. (2017) Vzaimosvyaz' pokazatelej razvitiya sotsial'nogo intellekta, samootnosheniya i uspevaemosti u studentov vuza [Interrelation between the level of development of social intelligence, self-attitude and academic achievement of university students]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik — Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 3, pp. 178–183. (In Russian)

- Novikova, E. V., Yakimenko, M. S. (2018) Sotsial'nyj intellekt kak faktor uspehnosti uchebnoj deyatel'nosti studentov na etape obucheniya v pedagogicheskom VUZe [Social intelligence as a factor of success of students' educational activity at the stage of training in a pedagogical university]. *Vestnik Donetskogo pedagogicheskogo instituta*, no. 3, pp. 148–157. (In Russian)
- O'Sullivan, M., Guilford, J. P. (1975) Six factors of behavioral cognition: Understanding other people. *Journal of Educational Measurement*, vol. 12, no. 4, pp. 255–271. <https://doi.org/10.1111/j.1745-3984.1975.tb01027.x> (In English)
- Obukhova, Yu. V. (2013) Intellektual'nye osobennosti predstavitelej sotsionomicheskikh i nesotsionomicheskikh professij v period rannej vzroslosti [Intellectual features of representatives of sotsionomicheskij and nesotsionomicheskij professions in the period of an early maturity]. *Severo-Kavkazskij psikhologicheskij vestnik — North-Caucasian Psychological Bulletin*, vol. 11, no. 2, pp. 59–62. (In Russian)
- Parkhomenko, O. G. (1998) *Implitsitnye teorii intellekta studentov pedagogicheskogo universiteta [Implicit theories of the intellect of Pedagogical University students]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University Publ., 18 p. (In Russian)
- Pinto, J., Carneiro, F. L., Taveira M. do Céu. (2014) Social intelligence in Portuguese students: Differences according to the school grade. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, vol. 116, pp. 56–62. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.01.168> (In English)
- Preston, S., Anderson, A., Robertson, D. J. et al. (2021) Detecting fake news on Facebook: The role of emotional intelligence. *PLoS ONE*, vol. 16, no. 3, article e0246757. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0246757> (In English)
- Razumnikova, O. M., Pusikova, M. V. (2018) Sovremennye predstavleniya o sotsial'nom intellekte i sotsial'noj kreativnosti: znachenie tormoznykh funktsij v sotsial'noj adaptatsii [Modern concepts of social intelligence and social creativity: The significance of inhibitory functions in social adaptation]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya — Theoretical and Experimental Psychology*, vol. 11, no. 1, pp. 67–84. (In Russian)
- Rezaei, A., Mousanezhad Jeddi, E. (2020) Relationship between wisdom, perceived control of internal states, perceived stress, social intelligence, information processing styles and life satisfaction among college students. *Current Psychology*, vol. 39, no. 3, pp. 927–933. <https://doi.org/10.1007/s12144-018-9804-z> (In English)
- Ree, M. J., Earles, J. A., Teachout, M. S. (1994) Predicting job performance: Not much more than G. *Journal of Applied Psychology*, vol. 79, no. 4, pp. 518–524. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.79.4.518> (In English)
- Rimskij, S. A., Rimskaya, R. R. (eds.). (1995) *Al'manakh psikhologicheskikh testov [Almanac of psychological tests]*. Moscow: KSP+ Publ., 400 p. (Psychology. Psikhologiya lichnosti [Psychology. Psychology of Personality]). (In Russian)
- Santos, D. M. dos, Neto, M. T. R., Santos T. M. dos et al. (2019) Using emotional intelligence as a sales technique. *Business Management Dynamics*, vol. 9, no. 1, pp. 7–17. (In English)
- Salgado, J. F., Anderson, N., Moscoso, S. et al. (2003) A meta-analytic study of general mental ability validity for different occupations in the European community. *Journal of Applied Psychology*, vol. 88, no. 6, pp. 1068–1081. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.88.6.1068> (In English)
- Salovey, P., Mayer, J. D. (1990) Emotional intelligence. *Imagination, Cognition and Personality*, vol. 9, no. 3, pp. 185–211. <https://doi.org/10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG> (In English)
- Schulte, M. J., Ree, M. J., Carretta, T. R. (2004) Emotional intelligence: Not much more than G and personality. *Personality and Individual Differences*, vol. 37, no. 5, pp. 1059–1068. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2003.11.014> (In English)
- Shcherbakov, S. V. (2011) Professional'naya kompetentnost' i sotsial'nyj intellekt inzhenerno-tehnicheskikh rabotnikov [Professional competence and social intelligence of engineers]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki — Psychology. Journal of Higher School of Economics*, vol. 8, no. 2, pp. 148–155. (In Russian)
- Serafimovich, I. V. (2017) Nekotorye aspekty professionalizatsii rabotnikov trgovli: metakognitivnye proyavleniya professional'nogo myshleniya i povedenie v konflikte i stresse [Some aspects of trade workers' professional development: Metacognition manifestation of professional thinking and behavior in a conflict or stressful situation]. *Azimut nauchnykh issledovanij: pedagogika i psikhologiya — Azimut of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, vol. 6, no. 3 (20), pp. 334–338. (In Russian)
- Sudneva, O. Yu., Sharafieva, K. R., Tsoj, V. G., Karakulova, O. V. (2013) Osobennosti sotsial'nogo intellekta studentov gumanitarnykh i negumanitarnykh spetsial'nostej [Features of social intelligence of students of humanities and non-humanities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, vol. 371, pp. 161–166. (In Russian)
- Ushakov, D. V. (2004) Sotsial'nyj intellekt kak vid intellekta [Social intelligence as a type of intelligence]. In: D. V. Lyusin, D. V. Ushakov (eds.). *Sotsial'nyj intellekt: teoriya, izmerenie, issledovaniya [Social intelligence: Theory, measurement, research]*. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ., pp. 11–28. (In Russian)
- Uhrich, B. B., Heggestad, E. D., Shanock, L. R. (2021) Smarts or trait emotional intelligence? The role of trait emotional intelligence in enhancing the relationship between cognitive ability and performance. *The Psychologist-Manager Journal*, vol. 24, no. 1, pp. 23–47. <https://doi.org/10.1037/mgr0000112> (In English)

- Weis, S., Süß, H.-M. (2007) Reviving the search for social intelligence — a multitrait-multimethod study of its structure and construct validity. *Personality and Individual Differences*, vol. 42, no. 1, pp. 3–14. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2006.04.027> (In English)
- Yashkova, E. V., Sineva, N. L., Golubkova, M. A., Zaviyalova, Yu. M. (2017) Rol' emotsional'nogo intellekta v professional'noj deyatel'nosti menedzhera [The role of emotional intelligence in the professional activity of a manager]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya — Perspectives of Science and Education*, vol. 30, no. 6, pp. 41–44. (In Russian)

Check for updates

Личность как субъект образования
на различных этапах жизненного пути
и проблемы психологии воспитания

УДК 159.91

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-304-312>

Гендерные стереотипы: социокультурная или биологическая обусловленность?

Н. П. Реброва^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Нина Павловна Реброва,
SPIN-код: 8944-2795,
ORCID: 0000-0002-4168-0239,
e-mail: nina.rebrova@gmail.com

Для цитирования:

Реброва, Н. П.
(2021) Гендерные стереотипы:
социокультурная или
биологическая обусловленность?
*Психология человека
в образовании*, т. 3, № 3, с. 304–312.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-304-312>

Получена 2 апреля 2021; прошла
рецензирование 13 апреля 2021;
принята 13 мая 2021.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © Н. П. Реброва (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Актуальность рассматриваемой проблемы обуславливается широким распространением в современном обществе гендерных стереотипов и недостаточной изученностью факторов, способствующих их формированию. Гендерные стереотипы — это обобщенные образы групп мужчин и женщин, представления о маскулинности и феминности. Устойчивые стереотипы способствуют поддержанию гендерного неравенства и могут ограничивать возможности самореализации индивида. Гендерные стереотипы проявляются в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в профессиональной деятельности школьных педагогов. Дальнейшее изучение вопроса о структуре и формировании гендерных стереотипов будет способствовать расширению представлений педагогов в данной области знаний.

Гендерные стереотипы базируются на распространенных в обществе мнениях о значимых различиях групп мужчин и женщин. Существуют разные подходы к анализу гендерных различий — социокультурный и биологически детерминированный. Цель настоящей статьи — представить обзор современных сведений о некоторых соматических и психофизиологических свойствах мужчин и женщин, которые могут обуславливать гендерные различия и влиять на гендерные стереотипы. Анализ опубликованных данных показал, что различия по ряду психологических показателей (речевые и математические способности, эмоциональные реакции и другие) невелики или близки к нулю. Установлена зависимость этих характеристик от гендерных стереотипов, существующих в обществе.

Проведенное изучение научных публикаций, ориентированных на исследование соматических и психофизиологических характеристик мужчин и женщин, показало значительную индивидуальную вариативность этих показателей. В работе сопоставлены данные об уровне развития моторных и сенсомоторных свойств. Проанализированы сведения об особенностях строения мозговых структур в связи с пространственными и интеллектуальными способностями. Рассмотрены результаты сравнительного изучения мужчин и женщин по чувствительности к болевым стимулам и агрессивности. Подчеркивается существенная индивидуальная изменчивость рассматриваемых свойств под влиянием факторов разной природы, в том числе индивидуального опыта. Отмечается, что способности индивида всегда есть результат сложного взаимодействия генетических, гормональных, нервных и средовых влияний. Делается вывод, что существующие сведения о различиях между мужчинами и женщинами по ряду характеристик не дают достаточных оснований для принятия их в качестве устойчивой биологической основы гендерных стереотипов.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, гендерные различия, социокультурный подход, биологически детерминированный подход, психофизиологические характеристики, индивидуальная изменчивость.

Gender stereotypes: sociocultural or biological conditioning?

N. P. Rebrova✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Nina P. Rebrova,
SPIN: 8944-2795,
ORCID: 0000-0002-4168-0239,
e-mail: nina.rebrova@gmail.com

For citation:

Rebrova, N. P.
(2021) Gender stereotypes:
Sociocultural or biological
conditioning? *Psychology
in Education*, vol. 3, no. 3, pp. 304–312.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-304-312>

Received 2 April 2021;
reviewed 13 April 2021;
accepted 13 May 2021.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © N. P. Rebrova (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC
License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The question under consideration is highly relevant due to the widespread prevalence of gender stereotypes in modern society and insufficient knowledge of the factors that contribute to their formation. Gender stereotypes are generalized images of groups of men and women, ideas about masculinity and femininity. Persistent stereotypes contribute to the maintenance of gender inequality and can limit the individual's opportunities for self-realization. Gender stereotypes are manifested in various spheres of life, including the professional activities of school teachers. Further study of the structure and formation of gender stereotypes will contribute to expanding teachers' knowledge in this area.

Gender stereotypes are based on widespread opinions about significant differences between men and women. There are different approaches to the analysis of gender differences: sociocultural and biological. The purpose of this article is to provide an overview of modern information about the somatic and psychophysiological properties of men and women that can determine gender differences and gender stereotypes. An analysis of prior research showed that the differences in psychological indicators are small. It has been established that these differences depend on gender stereotypes. The somatic and psychophysiological characteristics of men and women showed significant individual variability. The paper compares data on the level of motor and sensorimotor properties, on the brain structures in connection with the spatial and intellectual abilities, sensitivity to pain and aggression. I emphasize the individual variability of the properties under the influence of different factors. The abilities of an individual are the result of a complex interaction of genetic, hormonal, nervous and environmental influences. The data on the differences between men and women do not provide sufficient grounds for accepting them as a biological basis of gender stereotypes.

Keywords: gender stereotypes, gender differences, sociocultural approach, biologically determined approach, psychophysiological characteristics, individual variability.

Гендерные стереотипы — это распространенные в обществе представления о личностных качествах и поведенческих моделях мужчин и женщин, гендерной специфике социальных ролей, представления о маскулинности и феминности. Термин «гендер» появился в трудах российских психологов в конце 90-х годов прошлого века (Клецина 1998; Радина 1999; Ходырева 1998). Под гендером понимается социальный пол, формирующийся под влиянием социокультурных факторов, полоролевых ожиданий и отношений, выдвигаемых обществом. Гендерные стереотипы как один из видов социальных стереотипов связаны с нормами, выработанными обществом и индивидуальным опытом человека. Изучению гендерных стереотипов в отечественной науке посвящено значительное число работ (Кабалевская 2012; Ткачева 2020а). Установлено, что женщины и мужчины часто программируют свое поведение в соответствии с принятыми в обществе стереотипами феминности-маскулинности.

Гендерные стереотипы проявляются в различных сферах жизнедеятельности — профессиональной (Фадеева, Яшкова, Вагин 2019) и спортивной (Степанова 2020), в межличностном восприятии (Чикер, Почебут 2017). Высокий уровень приверженности гендерным стереотипам характерен для школьных педагогов (Каменская, Дыхан, Пижугийда 2017). Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что педагоги часто следуют стереотипу о различиях психологических характеристик мальчиков и девочек, а также стереотипу о различных профессиональных предпочтениях мужчин и женщин. По мнению исследователей, проблема коррекции гендерных стереотипов педагогов занимает важное место среди гендерных вопросов образования (Клецина, Давыдова 2020; Ткачева 2020b). Устойчивые стереотипы могут способствовать поддержанию гендерного неравенства и ограничивать возможности саморазвития и самореализации индивида (Разумникова 2004).

В современном обществе социальные нормы мужского и женского поведения становятся более гибкими, стереотипы корректируются по мере изменения представлений о том, что могут и чего не могут делать представители разных полов. В связи с этим значимо дальнейшее изучение различных аспектов, связанных с содержанием и ролью гендерных стереотипов. Одним из направлений таких исследований является определение факторов, детерминирующих формирование гендерных стереотипов.

Гендерные стереотипы обусловлены социокультурными факторами. В то же время они формируются на основе биологических половых различий. При анализе роли биологических факторов в формировании гендерных стереотипов преимущественно обращают внимание на соматические, структурно-функциональные особенности мужчин и женщин. Промежуточным звеном между соматическими и психологическими характеристиками являются психофизиологические свойства, которые определяют особенности личностных характеристик и поведения человека. Целью настоящей работы является анализ психофизиологических характеристик мужчин и женщин в контексте их влияния на формирование и содержание гендерных стереотипов.

Гендерные стереотипы отражают некоторые объективные свойства мужчин и женщин. Такие характеристики (гендерные различия) считаются устойчивыми и часто воспринимаются как самоочевидная истина. При этом обычно не учитываются или искажаются результаты эмпирических научных исследований гендерных различий, преувеличиваются обнаруживаемые различия и умалчиваются данные о межгендерных сходствах. В литературе и средствах массовой информации представлены многочисленные описания предполагаемых психологических черт мужчин и женщин. Одновременно в научных исследованиях анализируется вопрос о том, какие реально существуют гендерные различия, чем они обусловлены и могут ли изменяться в процессе индивидуальной жизни. Существуют разные подходы к анализу гендерных различий — социокультурный и биологически детерминированный.

Социокультурный подход предполагает, что психологические различия между полами существуют и формируются обществом. Сторонники такого подхода исследуют психологические характеристики, присущие мужчинам и женщинам в различных социальных контекстах. Первые обобщенные результаты психологических исследований гендерных различий представле-

ны в книге Е. Маккоби и К. Джеклин «Психология половых различий» (The Psychology of Sex Differences), изданной в 1974 году (Maccoby, Jacklin 1974). Авторы систематизировали результаты более 2000 научных работ. Они не обнаружили гендерных различий по следующим параметрам: отражение органами чувств, процессы обучения и запоминания, эмоциональные реакции, самооценка. Гендерные различия были обнаружены в речевых, математических, пространственных способностях и агрессивности. Последующие исследования с использованием мета-анализа уточнили данные о гендерных различиях (Hyde 2005). Было показано, что различия в речевых, математических способностях и способностях к пространственному восприятию невелики или близки к нулю. Также показана зависимость этих характеристик от гендерных стереотипов, существующих в обществе.

Сторонники биологического детерминизма убеждены в наличии генетически обусловленных различий между мужчинами и женщинами. Их внимание направлено на поиск различий в строении и функционировании организма в целом, отдельных структур и систем (особенности конституции, строение мозга, гормональные факторы и др.). При этом акцентируется внимание на устойчивости таких различий, их независимости от влияния социальных факторов (Савельев 2016; Sax 2002).

В настоящее время распространение получил биопсихосоциальный подход к изучению гендерных различий (Виноградова, Семенов 1993; Реброва 2009). В отличие от биологического детерминизма, при таком подходе рассматриваются гендерные характеристики с учетом взаимодействия биологических предпосылок и условий социальной среды. Анализируется, являются ли такие различия универсально-биологическими или отражают исторические формы полового разделения труда. Половой диморфизм обусловлен генетически и проявляется на разных уровнях организации: биохимическом — разным соотношением половых гормонов, морфологическом — строением тела (в первую очередь, наличием первичных и вторичных половых признаков), поведенческом — половым поведением. Однако генетическая программа разворачивается в ходе индивидуального развития в конкретных условиях на фоне влияния разнообразных средовых факторов. Чем более высокий уровень функционирования организма, тем сильнее влияние среды и сложнее взаимосвязь этого влияния и генетических факторов. Наряду с этим имеет место довольно

значительная индивидуальная вариативность целого ряда биологических показателей.

Рассмотрим сведения об особенностях строения и функционирования систем организма, которые могут обуславливать устойчивые психологические и поведенческие особенности мужчин и женщин. Известно, что мужчины и женщины отличаются *по размерам тела и его пропорциям, соотношению мышечной и жировой ткани* (Сапин, Сивоглазов 2002). Индивидуальный диапазон вариативности этих параметров весьма широк и обусловлен не только генетическими факторами, соотношением половых гормонов, но и влиянием средовых факторов. Например, одним из устойчивых признаков, связанных с полом, считается большее количество жировой ткани в женском организме по сравнению с мужским. Однако теперь установлено, что под влиянием физической нагрузки содержание жира в организме может существенно уменьшаться (Уилмор, Костилл 2001). Многие спортсменки, например бегуны на длинные дистанции, довольно худощавы.

Общая мышечная сила и сила отдельных звеньев у женщин на 30–40% ниже, чем у мужчин, что связывают с мужскими половыми гормонами и общими (в среднем большими) размерами тела (Аруин, Зацюрский 1988). В возрасте до 10 лет сила мальчиков и девочек примерно одинакова, затем к 19–20 годами сила юношей возрастает быстрее, чем у девушек. Однако определение силы относительно чистой массы тела (без жировой ткани) не обнаруживает отличий. Природные свойства мышц и механизмы их двигательного контроля одинаковы у обоих полов. Индивидуальные силовые возможности существенно зависят от уровня общей физической активности. Силовые способности отдельной тренированной женщины могут превышать таковые у мужчины аналогичного возраста. Физические силовые нагрузки укрепляют соединительную и костную ткани в одинаковой степени у мужчин и женщин. Таким образом, особенности телосложения, меньший рост и большая масса жировой ткани обуславливают меньшую успешность женщин при выполнении работы, связанной с выраженными затратами мышечной энергии. Однако под влиянием систематической физической нагрузки состав тела и степень развития мышечной ткани могут существенно изменяться. Следовательно, при одинаковом количестве мышечной массы и уровне активности нет оснований для утверждения устойчивых половых различий в мышечной силе.

В современном обществе фактор физической силы индивида перестает играть значительную роль, в том числе в борьбе за высокий социальный статус. Гораздо большее значение придается *сенсомоторным способностям*. Традиционно считается, что женщины более успешны в выполнении мелких точностных движений, не требующих значительных мышечных усилий. По данным некоторых авторов, действия, требующие ручной ловкости, они выполняют с большой скоростью и точностью (Ильин 2007). При этом не учитываются возможности обучения в совершенствовании тонкой координации движений. Между тем известно, что мужчины не менее успешно осваивают ряд профессиональных навыков, требующих тонкой регуляции мышечных усилий. Было показано, что мужчины быстрее, с большего расстояния и точнее попадают в цель при бросании мяча, дротика и т. п. (Kimura 1999). Это преимущество обнаруживается начиная с детского возраста (3–5 лет), когда влияние опыта еще незначительно или практически отсутствует. Исследования последних лет установили, что научение и здесь играет существенную роль. Обследование большой группы (более 400) мужчин и женщин в возрасте 5–65 лет обнаружили различия у лиц, не имевших опыта метания. В то же время женщины с опытом метания достигали таких же показателей, как и мужчины (Crozier, Zhang, Se-Woong et al. 2019). Приведенные данные показывают, что различия между мужчинами и женщинами по двигательным возможностям не такие значительные, как принято считать, и существенно зависят от индивидуальной физической активности.

При анализе *интеллектуальных и поведенческих особенностей*, связанных с полом, особое внимание уделяется строению головного мозга и его отдельных структур. Половые гормоны на ранних стадиях развития организма оказывают организующие структурные влияния, обуславливающие половой диморфизм мозга и некоторые поведенческие различия между полами. Эти различия формируются также под действием негормональных факторов, других (не половых) генов и факторов среды. На данный момент имеется целый ряд данных о наличии полового диморфизма в организации мозга человека. В среднем у мужчин вес мозга несколько (на 100–150 грамм) больше, однако, по некоторым данным, у женщин в коре больших полушарий выше плотность нейронов (Амунц 2004). Определены половые различия по размеру некоторых мозговых ядер, регулирующих половое развитие и поведение (Кэжилл 2005; Свааб 2007).

Межполушарные связи лучше развиты у женщин, что может свидетельствовать о большем функциональном объединении двух полушарий. Межполушарная асимметрия более выражена у мужчин, особенно в отношении речевой функции и эмоций (Вольф, Разумникова 2004). В то же время сведения о наличии полового диморфизма в строении мозга человека неоднозначны и часто противоречивы (Cosgrove, Mazure, Staley 2007). Целый ряд исследований не обнаружили отличий между полами по строению мозга и в том числе по межполушарному взаимодействию (Риппон 2019; Joel, Yarimi 2014).

Неоднозначность данных о половых различиях в строении и функционировании мозговых структур может быть обусловлена разными факторами. Важную роль играет отсутствие в исследованиях учета индивидуальных жизненных обстоятельств обследуемых, условий их обучения и воспитания, наличия преобладающего вида деятельности (профессиональной, спортивной). Известна значимость влияния индивидуального опыта на развитие мозговых структур, возможности их перестроек в ответ на специфическую стимуляцию (Голдберг 2003).

Межполушарную асимметрию мозга рассматривают в связи с *индивидуальной организацией мыслительной деятельности*: преобладание логического мышления связывают преимущественно с левым полушарием, а целостного, образного — с правым. Представление о мужской способности к аналитическому, логическому мышлению и отсутствии таковой у женщин распространено в общественном сознании. Например, Д. А. Жуков утверждает, что женщины склонны к целостному, образному восприятию, что лежит в основе их развитой интуиции (Жуков 2007). Вопрос о половых отличиях в мыслительных процессах анализировался в целом ряде исследований с использованием различных методик. В большинстве из них не получено подтверждений тому, что у женщин принятие решений базируется преимущественно на интуитивном принципе мышления, а у мужчин на аналитическом (Hayes, Allinson, Armstrong 2004). В сравнительных кросс-культурных исследованиях выявлены некоторые различия в пространственных когнитивных способностях (Miller, Halpern 2014). Показано, что у мужчин лучше выражена способность мысленно вращать трехмерные объекты, а у женщин — вербальные способности и память. Однако не исследовался вопрос о том, насколько эти свойства устойчивы, независимы от обучения.

Согласно распространенным в обществе гендерным стереотипам, женщины менее чувствительны к болевым факторам, легче переносят боль. В лабораторных исследованиях с участием испытуемых-добровольцев установлено, что у женщин пороги ниже, т. е. они обладают большей болевой чувствительностью (Голубев, Данилов, Данилов, Вейн 2004). Наблюдения клиницистов свидетельствуют о том, что женщины чаще жалуются на боль, чем мужчины. Авторы исследования обращают внимание на участие психологических и социокультурных факторов в перцепции и переживании боли. По их мнению, женщины демонстрируют большую настороженность в отношении боли, готовность жаловаться на нее. В клинических случаях при сильной боли различия между мужчинами и женщинами в восприятии и переносимости боли нивелируются. Таким образом, имеющиеся данные не дают оснований говорить о выраженном половом диморфизме в восприятии боли. В процессы восприятия болевых агентов интегрируются как физиологические, так и социально-культурные факторы.

Широко распространено представление о большей *агрессивности* мужчин по сравнению с женщинами. Различия в агрессивном поведении принадлежат к тем немногим гендерным различиям, существование которых подтверждается научными данными. Однако такие различия не столь велики, как предполагают гендерные стереотипы. Различия в агрессивных реакциях мужчин и женщин колеблются от незначительных до умеренно выраженных, причем с возрастом эти различия уменьшаются (Hyde 1986). Агрессивное поведение часто связывают с влиянием мужских половых гормонов, прежде всего тестостерона. Связь между тестостероном и агрессией является примером сложного взаимодействия между биологическими процессами и факторами окружающей среды (van Anders, Steiger, Goldey 2015; Wong, Gravel 2016). На проявление агрессивного поведения существенное влияние оказывает не столько уровень тестостерона, сколько наличие у субъекта опыта агрессивных действий. Также обнаружено, что регулярные поражения в поединках животных и размещение их в местах, где они не могут доминировать, снижают уровень тестостерона. В результате получается, что не только тестостерон может вызывать агрессивные реакции, но и социальный опыт влияет на уровень этого гормона.

В современном обществе широкое распространение получила идеология гендерного равенства, продвигающая идеи равных

возможностей, прав и обязанностей для женщин и мужчин во всех сферах жизни. Однако гендерные стереотипы, приписывающие мужчинам и женщинам определенные устойчивые свойства, обусловленные биологической половой принадлежностью, по-прежнему сильны. Они могут ограничивать развитие личности, тормозить развитие качеств, не соответствующих данному полоролевому стереотипу. Такие стереотипы опираются на утверждение ведущей роли биологической детерминации поведения мужчин и женщин. Вопрос о степени биологической обусловленности гендерных различий и соответствующих стереотипов окончательно не решен, что обусловлено сложностью и многоуровневостью данной проблемы.

Анализ приведенных эмпирических данных о различиях между мужчинами и женщинами по ряду соматических и психофизиологических характеристик не дает достаточных оснований для принятия их в качестве устойчивой основы поведения и в том числе гендерных стереотипов. Имеющиеся данные свидетельствуют о сложном взаимодействии факторов разной природы в процессе индивидуального развития и проявлении свойственной живым организмам пластичности на уровне тканей, органов и поведения. Интеллектуальные и моторные способности индивида, как и сами индивиды

(мужчины, женщины), уникальны, они всегда есть результат сложного взаимодействия генетических, гормональных, нервных и средовых влияний. Формирование личности человека буквально с первых мгновений жизни проходит под влиянием социокультурных факторов, часто являющихся проводниками ожиданий по поводу ролевого поведения мужчин и женщин, существующих в обществе. Любые выводы об обнаруженных половых различиях следует делать в контексте социальных факторов, личного опыта субъекта исследования. Построение суждений об исключительной природной обусловленности гендерных стереотипов, а также о неизменности физиологических характеристик, лежащих в основе личностных особенностей и поведения мужчин и женщин, не представляется правомерным.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Амунц, В. В. (2004) К вопросу об асимметрии структурной организации мозга мужчин и женщин. В кн.: Н. Н. Боголепов, В. Ф. Фокин (ред.). *Функциональная межполушарная асимметрия*. М.: Научный мир, с. 323–330.
- Аруин, А. С., Зациорский, В. М. (1988) *Эргономическая биомеханика*. М.: Машиностроение, 256 с.
- Виноградова, Т. В., Семенов, В. В. (1993) Сравнительное исследование познавательных процессов у мужчин и женщин: роль биологических и социальных факторов. *Вопросы психологии*, № 2, с. 72–80.
- Вольф, Н. В., Разумникова, О. М. (2004) Половой диморфизм функциональной организации мозга при обработке речевой информации. В кн.: Н. Н. Боголепов, В. Ф. Фокин (ред.). *Функциональная межполушарная асимметрия*. М.: Научный мир, с. 564–597.
- Голдберг, Э. (2003) *Управляющий мозг: лобные доли, лидерство и цивилизация*. М.: Смысл, 333 с.
- Голубев, В. А., Данилов, А. Б., Данилов, А. Б., Вейн, А. М. (2004) Психосоциальные факторы, гендер и боль. *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*, т. 104, № 11, с. 70–73.
- Жуков, Д. А. (2007) *Биология поведения: гуморальные механизмы*. СПб.: Речь, 442 с.
- Ильин, Е. П. (2007) *Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины*. СПб.: Питер, 544 с.
- Кабалевская, А. И. (2012) Представления о гендерных стереотипах в современной социальной психологии. *Психологические исследования*, № 2 (22), статья 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2012n2-22/657-kabalevskaya22.html> (дата обращения 01.07.2021).
- Каменская, Е. Н., Дыхан, Л. Б., Пижугийда, В. В. (2017) Изучение влияния гендерных стереотипов на деятельность педагога. *Проблемы современного педагогического образования*, № 57–2, с. 130–137.
- Клецина, И. С. (1998) *Гендерная социализация*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 92 с.
- Клецина, И. С., Давыдова, Э. В. (2020) Гендерные стереотипы и их проявление в деятельности школьных педагогов. В кн.: *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. Вып. 3*. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, с. 349–356. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-60>
- Кэхилл, А. (2005) Его мозг, ее мозг. *В мире науки*, № 8, с. 20–27.

- Радина, Н. К. (1999) Об использовании гендерного анализа в психологических исследованиях. *Вопросы психологии*, № 2, с. 22–27.
- Разумникова, О. М. (2004) Взаимодействие гендерных стереотипов и жизненных ценностей как факторов выбора профессии. *Вопросы психологии*, № 4, с. 76–83.
- Реброва, Н. П. (2009) Взаимосвязь биологических и психологических характеристик личности: гендерный аспект. В кн.: И. С. Клецина (ред.). *Гендерная психология*. СПб.: Питер, с. 48–73.
- Риппон, Дж. (2019) *Гендерный мозг. Современная нейробиология развенчивает миф о женском мозге*. М.: Эксмо, 400 с.
- Савельев, С. В. (2016) *Нищета мозга*. 2-е изд., доп. М.: ВЕДИ, 192 с.
- Сапин, М. Р., Сивоглазов, В. И. (2002) *Анатомия и физиология человека (с возрастными особенностями детского организма)*. 3-е изд., стер. М.: Академия, 448 с.
- Степанова, Д. П. (2020) Гендерные стереотипы как фактор, сдерживающий развитие женского спорта (на примере тяжелой атлетики). *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*, № 1 (179), с. 269–273. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.1.p269-273>
- Ткачева, В. А. (2020a) Гендерные стереотипы в современной России и влияние на них массовой культуры. *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*, т. 1, № 12, с. 261–264.
- Ткачева, М. С. (2020b) Особенности стереотипных представлений о школьниках у студентов разных педагогических специальностей. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*, т. 9, № 2 (34), с. 178–186. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-178-186>
- Уилмор, Дж. Х., Костилл, Д. Л. (2001) *Физиология спорта*. Киев: Олимпийская литература, 503 с.
- Фадеева, У. А., Яшкова, Е. В., Вагин, Д. Ю. (2019) Гендерные стереотипы в профессиональной деятельности как социальная стратификация общества. *Актуальные вопросы современной экономики*, № 3, с. 602–607.
- Ходырева, Н. В. (1998) Гендер в психологии: история, подходы, проблемы. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения*, № 2, с. 74–82.
- Чикер, В. А., Почебут, А. Г. (2017) Гендерные стереотипы межличностного восприятия. *Петербургский психологический журнал*, № 18, с. 47–74.
- Anders S. M. van, Steiger, J., Goldey, K. L. (2015) Gendered behavior modulates testosterone in women and men. *PNAS: Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 112, no. 45, pp. 13805–13810. <https://doi.org/10.1073/pnas.1509591112>
- Cosgrove, K. P., Mazure, C. M., Staley, J. K. (2007) Evolving knowledge of sex differences in brain structure, function, and chemistry. *Biological Psychiatry*, vol. 62, no. 8, pp. 847–855. <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2007.03.001>
- Crozier, D., Zhang, Z., Park, S., Sternad, D. (2019). Gender differences in throwing revisited: Sensorimotor coordination in a virtual ball aiming task. *Frontiers in Human Neuroscience*, no. 13, article 231. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2019.00231>
- Hayes, J., Allinson, Ch. W., Armstrong, St. J. (2004) Intuition, women managers and gendered stereotypes. *Personnel Review*, vol. 33, no. 4, pp. 403–417. <https://doi.org/10.1108/00483480410539489>
- Hyde, J. S. (1986) Gender differences in aggression. In: J. A. Hyde, M. C. Linn (eds.). *The psychology of gender: Advances through meta-analysis*. Baltimore: Johns Hopkins Press, pp. 51–66.
- Hyde, J. S. (2005) The gender similarities hypothesis. *American Psychologist*, vol. 60, no. 6, pp. 581–592. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.60.6.581>
- Joel, D., Yarimi, D. (2014) Consciousness-raising in a gender conflict group. *International Journal of Group Psychotherapy*, vol. 64, no. 1, pp. 48–69. <https://doi.org/10.1521/ijgp.2014.64.1.48>
- Kimura, D. (1999) *Sex and cognition*. Cambridge: MIT Press, 230 p.
- Maccoby, E., Jacklin, C. (1974) *The psychology of sex differences*. Stanford: Stanford University Press, 634 p.
- Miller, D. I., Halpern, D. F. (2014) The new science of cognitive sex differences. *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 18, no. 1, pp. 37–45. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2013.10.011>
- Sax, L. (2002) Maybe men and women are different. *American Psychologist*, vol. 57, no. 6–7, p. 444. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.57.6-7.444a>
- Swaab, D. F. (2007) Sexual differentiation of the brain and behavior. *Best Practice & Research Clinical Endocrinology & Metabolism*, vol. 21, no. 3, pp. 431–444. <https://doi.org/10.1016/j.beem.2007.04.003>
- Wong, J. S., Gravel, J. (2016) Do sex offenders have higher levels of testosterone? Results from a meta-analysis. *Sexual Abuse*, vol. 30, no. 2, pp. 147–168. <https://doi.org/10.1177/1079063216637857>

References

- Amunts, V. V. (2004) К вопросу об асимметрии структурной организации мозга мужчин и женщин [To the question of the asymmetry of the structural organization of the brain of men and women]. In: N. N. Bogolepov, V. F. Fokin (eds.). *Функциональная межполушарная асимметрия [Functional interhemispheric asymmetry]*. Moscow: Nauchnyj mir Publ., pp. 323–330. (In Russian)

- Anders S. M. van, Steiger, J., Goldey, K. L. (2015) Gendered behavior modulates testosterone in women and men. *PNAS: Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 112, no. 45, pp. 13805–13810. <https://doi.org/10.1073/pnas.1509591112> (In English)
- Aruin, A. S., Zatsiorskij, V. M. (1988) *Ergonomicheskaya biomekhanika [Ergonomic biomechanics]*. Moscow: Mashinostroenie Publ., 256 p. (In Russian)
- Cahill, L. (2005) His brain, her brain. *V mire nauki*, no. 8, pp. 20–27. (In Russian)
- Chiker, V. A., Pochebut, L. G. (2017) Gendernye stereotipy mezhlchnostnogo vospriyatiya [Gender stereotypes of interpersonal perception]. *Peterburgskij psikhologičeskij žurnal*, no. 18, pp. 47–74. (In Russian)
- Cosgrove, K. P., Mazure, C. M., Staley, J. K. (2007) Evolving knowledge of sex differences in brain structure, function, and chemistry. *Biological Psychiatry*, vol. 62, no. 8, pp. 847–855. <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2007.03.001> (In English)
- Crozier, D., Zhang, Z., Park, S., Sternad, D. (2019). Gender differences in throwing revisited: Sensorimotor coordination in a virtual ball aiming task. *Frontiers in Human Neuroscience*, no. 13, article 231. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2019.00231> (In English)
- Fadeeva, U. A., Yashkova, E. V., Vagin, D. Yu. (2019) Gendernye stereotipy v professional'noj deyatel'nosti kak sotsial'naya stratifikatsiya obshchestva [Gender stereotypes in professional activity as social stratification of society]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj ekonomiki — Actual Issues of the Modern Economics*, no. 3, pp. 602–607. (In Russian)
- Goldberg, E. (2003) *The executive brain: Frontal lobes and the civilized mind*. Moscow: Smysl Publ., 333 p. (In Russian)
- Golubev, V. L., Danilov, A. B., Danilov, A. B., Vejn, A. M. (2004) Psihosocial'nye faktory, gender i bol' [Psychosocial factors, gender and pain]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*, vol. 104, no. 11, pp. 70–73. (In Russian)
- Hayes, J., Allinson, Ch. W., Armstrong, St. J. (2004) Intuition, women managers and gendered stereotypes. *Personnel Review*, vol. 33, no. 4, pp. 403–417. <https://doi.org/10.1108/00483480410539489> (In English)
- Hodyreva, N. V. (1998) Gender v psikhologii: istoriya, podkhody, problemy [Gender in psychology: History, approaches, problems]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 6. Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 2, pp. 74–82. (In Russian)
- Hyde, J. S. (1986) Gender differences in aggression. In: J. A. Hyde, M. C. Linn (eds.). *The psychology of gender: Advances through meta-analysis*. Baltimore: Johns Hopkins Press, pp. 51–66. (In English)
- Hyde, J. S. (2005) The gender similarities hypothesis. *American Psychologist*, vol. 60, no. 6, pp. 581–592. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.60.6.581> (In English)
- Il'in, E. P. (2007) *Differentsial'naya psikhofiziologiya muzhchiny i zhenshchiny [Differential psychophysiology of men and women]*. Saint Petersburg: Piter Publ., 544 p. (In Russian)
- Joel, D., Yarimi, D. (2014) Consciousness-raising in a gender conflict group. *International Journal of Group Psychotherapy*, vol. 64, no. 1, pp. 48–69. <https://doi.org/10.1521/ijgp.2014.64.1.48> (In English)
- Kabalevskaya, A. I. (2012) Predstavleniya o gendernykh stereotipakh v sovremennoj sotsial'noj psikhologii [Ideas about gender stereotypes in modern social psychology]. *Psikhologicheskie issledovaniya*, no. 2 (22), article 4. [Online]. Available at: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2012n2-22/657-kabalevskaya22.html> (accessed 01.07.2021). (In Russian)
- Kamenskaya, E. N., Dykhan, L. B., Pizhugijda, V. V. (2017) Izuchenie vliyaniya gendernykh stereotipov na deyatel'nost' pedagoga [Study of the influence of gender stereotypes on the activities of a teacher]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, no. 57–2, pp. 130–137. (In Russian)
- Kimura D. (1999) *Sex and cognition*. Cambridge: MIT Press, 230 p. (In English)
- Kletsina, I. S. (1998) *Gendernaya sotsializatsiya [Gender socialization]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ., 92 p. (In Russian)
- Kletsina, I. S., Davydova, E. V. (2020) Gendernye stereotipy i ikh proyavlenie v deyatel'nosti shkol'nykh pedagogov [Gender stereotypes among school teachers]. In: *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii [The Herzen University Studies: Psychology in education. Proceedings of the III International scientific and practical conference]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia, pp. 349–356. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-60> (In Russian)
- Maccoby, E., Jacklin, C. (1974) *The psychology of sex differences*. Stanford: Stanford University Press, 634 p. (In English)
- Miller, D. I., Halpern, D. F. (2014) The new science of cognitive sex differences. *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 18, no. 1, pp. 37–45. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2013.10.011> (In English)
- Radina, N. K. (1999) Ob ispol'zovanii gendernogo analiza v psikhologicheskikh issledovaniyakh [On the use of gender analysis in psychological research]. *Voprosy psikhologii*, no. 2, pp. 22–27. (In Russian)
- Razumnikova, O. M. (2004) Vzaimodejstvie gendernykh stereotipov i zhiznennykh tsennostej kak faktorov vybora professii [Interaction of gender stereotypes and life values as factors in choosing a profession]. *Voprosy psikhologii*, no. 4, pp. 76–83. (In Russian)
- Rebrova, N. P. (2009) Vzaimosvyaz' biologicheskikh i psikhologicheskikh kharakteristik lichnosti: gendernyj aspekt [The relationship of biological and psychological characteristics of a person: Gender aspect]. In: I. S. Kletsina (ed.). *Gendernaya psikhologiya [Gender psychology]*. Saint Petersburg: Piter Publ., pp. 48–73. (In Russian)

- Rippon, G. (2019) *Gendered brain: The new neuroscience that shatters the myth of the female brain*. Moscow: Eksmo Publ., 400 p. (In Russian)
- Sapin, M. R., Sivoglazov, V. I. (2002) *Anatomiya i fiziologiya cheloveka (s vozrastnymi osobennostyami detskogo organizma)* [Human anatomy and physiology (with age characteristics of the child's body)]. 3^d ed., stereotype. Moscow: Academia Publ., 448 p. (In Russian)
- Savelev, S. V. (2016) *Nishcheta mozga* [Poverty of the brain]. 2nd ed., rev. Moscow: VEDI Publ., 192 p. (In Russian)
- Sax, L. (2002) Maybe men and women are different. *American Psychologist*, vol. 57, no. 6–7, p. 444. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.57.6-7.444a> (In English)
- Stepanova, D. P. (2020) Genderne stereotipy kak faktor, sderzhivayushchij razvitie zhenskogo sporta (na primere tyazhelej atletiki) [Gender stereotypes as a factor holding back the development of women's sports (on the example of weightlifting)]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*, no. 1 (179), pp. 269–273. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.1.p269-273> (In Russian)
- Swaab, D. F. (2007) Sexual differentiation of the brain and behavior. *Best Practice & Research Clinical Endocrinology & Metabolism*, vol. 21, no. 3, pp. 431–444. <https://doi.org/10.1016/j.beem.2007.04.003> (In English)
- Tkacheva, M. S. (2020b) Osobennosti stereotipnykh predstavlenij o shkol'nikakh u studentov raznykh pedagogicheskikh spetsial'nostej [Features of stereotype representations of schoolchildren in students of different pedagogical specialties]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* — *Izvestia of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, vol. 9, no. 2 (34), pp. 178–186. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-178-186> (In Russian)
- Tkacheva, V. A. (2020a) Genderne stereotipy v sovremennoj Rossii i vliyanie na nikh massovoj kul'tury [Gender stereotypes in modern Russia and the influence of mass culture on them]. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo* — *Sociology in the Modern World: Science, Education, Creativity*, vol. 1, no. 12, pp. 261–264. (In Russian)
- Vinogradova, T. V., Semenov, V. V. (1993) Sravnitel'noe issledovanie poznavatel'nykh protsessov u muzhchin i zhenshchin: rol' biologicheskikh i sotsial'nykh faktorov [Comparative study of cognitive processes in men and women: The role of biological and social factors]. *Voprosy psichologii*, no. 2, pp. 72–80. (In Russian)
- Vol'f, N. V., Razumnikova, O. M. (2004) Polovoj dimorfizm funktsional'noj organizatsii mozga pri obrabotke rechevoj informatsii. In: N. N. Bogolepov, V. F. Fokin (eds.). *Funktsional'naya mezhpolutsharnaya asimmetriya* [Functional interhemispheric asymmetry]. Moscow: Nauchnyj mir Publ., pp. 564–597. (In Russian)
- Wilmore, J. H., Costill, D. L. (2001) *Physiology of sport and exercise*. Kiev: Olimpijskaya literatura Publ., 503 p. (In Russian)
- Wong, J. S., Gravel, J. (2016) Do sex offenders have higher levels of testosterone? Results from a meta-analysis. *Sexual Abuse*, vol. 30, no. 2, pp. 147–168. <https://doi.org/10.1177/1079063216637857> (In English)
- Zhukov, D. A. (2007) *Biologiya povedeniya: gumoral'nye mekhanizmy* [Biology of behavior: Humoral mechanisms]. Saint Petersburg: Rech' Publ., 442 p. (In Russian)

Check for updates

Личность как субъект образования
на различных этапах жизненного пути
и проблемы психологии воспитания

УДК 159.9.072

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-313-328>

Личностные корреляты зависимости от смартфона женщин и мужчин

В. П. Шейнов¹, А. С. Девицын^{✉2}

¹ Республиканский институт высшей школы, 220001, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Московская, д. 15

² Белорусский государственный университет, 220030, Республика Беларусь, г. Минск, просп. Независимости, д. 4

Сведения об авторах

Виктор Павлович Шейнов,
SPIN-код: 7605-9100,
ORCID: 0000-0002-2191-646X,
e-mail: sheinov1@mail.ru

Антон Сергеевич Девицын,
ORCID: 0000-0002-2804-4107,
e-mail: devitsin@gmail.com

Для цитирования:

Шейнов, В. П., Девицын, А. С.
(2021) Личностные корреляты
зависимости от смартфона
женщин и мужчин. *Психология
человека в образовании*, т. 3, № 3,
с. 313–328.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-313-328>

Получена 27 февраля 2021;
прошла рецензирование 24 марта
2021; принята 30 марта 2021.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © В. П. Шейнов,
А. С. Девицын (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Зависимость от смартфона — это новое явление, одна из наиболее распространенных немедицинских зависимостей, которая по своей массовости уже оставила позади интернет-зависимость и игроманию. Многие люди не представляют своей жизни без смартфона и всегда держат его при себе. Из-за постоянно прикованного к смартфону внимания наиболее активные его пользователи не могут полноценно учиться и работать, наладить отношения с окружающими и жить полноценной жизнью. Эти и другие негативные последствия зависимости от смартфона делают актуальным изучение этого феномена.

Цель исследования — выявить в русскоязычной среде связи зависимости от смартфона с личностными свойствами его активных пользователей и проанализировать различия в зависимости от смартфона в личностных и иных коррелятах.

В исследовании приняли участие 406 испытуемых, в том числе 264 женщины 18–75 лет и 142 мужчины 17–67 лет.

В статье показано, что зависимость от смартфона женщин и мужчин отрицательно связана с самоуважением и положительно — с импульсивностью, нейротизмом, интернет-зависимостью, активностью в соцсетях, привычкой пользоваться смартфоном перед сном. Все эти зависимости являются линейными. Зависимость от смартфонов у женщин намного выше, чем у мужчин.

Эти связи и соотношения соответствуют тем, что обнаружены в зарубежных исследованиях. В отличие от установленных в зарубежных социумах положительных корреляций зависимости от смартфонов с агрессивностью, экстраверсией, межличностными конфликтами и с открытостью, в русскоязычном социуме подобные связи отсутствуют. Обнаруженные в зарубежных исследованиях отрицательная корреляция зависимости от смартфонов с отношениями с родителями и положительная — с гуманитарным образованием их владельцев в русскоязычном социуме подтвердились только у мужчин.

Практическая значимость представленных в статье результатов состоит в том, что они могут использоваться в воспитательной работе с учащимися и студентами. Психологами учреждений образования, кураторами учебных групп эти результаты могут быть положены в основу разработки и проведения мероприятий, направленных на профилактику зависимости от смартфона у учащихся и студентов.

Полученные теоретические результаты могут быть полезными при планировании дальнейших исследований зависимости от смартфонов, с использованием предложенной методики изучения проблемного поля и проведением сравнительного анализа получаемых результатов.

Ключевые слова: зависимость от смартфона, самоуважение, импульсивность, нейротизм, интернет-зависимость, агрессивность, экстраверсия, социальные сети, мужчины, женщины.

Personality traits correlated with smartphone addiction in women and men

V. P. Sheinov¹, A. S. Dziavitsyn^{✉2}

¹ Republican Institute of Higher Education, 15 Moscow Str., Minsk 220001, Republic of Belarus

² Belarusian State University, 4 Independence Av., Minsk 220030, Republic of Belarus

Authors

Viktor P. Sheinov,
SPIN: 7605-9100,
ORCID: 0000-0002-2191-646X,
e-mail: sheinov1@mail.ru

Anton S. Dziavitsyn,
ORCID: 0000-0002-2804-4107,
e-mail: devitsin@gmail.com

For citation:

Sheinov, V. P., Dziavitsyn, A. S.
(2021) Personality traits correlated
with smartphone addiction
in women and men. *Psychology
in Education*, vol. 3, no. 3, pp. 313–328.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-313-328>

Received 27 February 2021;
reviewed 24 March 2021;
accepted 30 March 2021.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © V. P. Sheinov,
A. S. Dziavitsyn (2021). Published
by Herzen State Pedagogical
University of Russia. Open access
under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. Smartphone addiction is a new phenomenon. It is also one of the most widespread non-medical addictions, which, in its scale, has already left behind Internet addiction and gambling addiction. Many people cannot imagine their life without a smartphone and always keep it with them. Due to the fact that their attention is constantly riveted to their smartphone, most active users cannot fully study or work, establish relationships with others or live a full life. These and other negative consequences of smartphone addiction make it relevant to study this phenomenon.

The aim of the study is to identify the relationship between smartphone addiction and various personality and other traits.

The study involved 406 subjects, including 264 women 18–75 years old and 142 men 17–67 years old.

The article demonstrates that smartphone addiction for women and men is negatively associated with self-esteem and positively associated with impulsivity, neuroticism, Internet addiction, use of social networks and the habit of using a smartphone before bedtime. All of those dependencies are linear. Smartphone addiction in women is much higher than in men.

These connections and relationships are the same as those found in foreign studies. However, there is no positive correlation of smartphone addiction with aggressiveness, extraversion, interpersonal conflicts or openness in the Russian-speaking society.

Negative correlation of smartphone addiction with the quality of one's relationships with parents and a positive correlation with education in humanities, found in foreign studies, is only present in Russian men.

The practical significance of these results is that they can be used in educational work with school and university students. Psychologists at educational institutions and curators of study groups can use these results as the basis for the development and implementation of measures aimed at preventing smartphone addiction in students.

The obtained theoretical results can be useful in planning further studies on smartphone addiction, using the proposed method for studying the problem field and conducting a comparative analysis of the results.

Keywords: smartphone addiction, self-esteem, impulsivity, neuroticism, Internet addiction, aggression, extraversion, social networks, men, women.

Введение

Смартфон сегодня превратился в почти полноценный компьютер, уместающийся в кармане. Удобства, предоставляемые смартфонами, порождают у многих пристрастие к чрезмерному использованию этого девайса.

Многие люди, особенно подростки и дети, не представляют своей жизни без смартфона и всегда держат его при себе. Из-за постоянно прикованного к смартфону внимания такие его пользователи не могут полноценно учиться, вдумчиво и продуктивно выполнять работу, наладить отношения с окружающими и в целом жить полноценной жизнью.

Особую тревогу вызывает увеличение пространства зависимости от смартфонов

у подростков, что пагубно отражается на их физическом и психологическом здоровье. Родители при этом служат детям плохим примером, а часто даже способствуют увлечению гаджетами, давая ребенку электронную игрушку, чтобы не мешал им заниматься своими делами.

Зависимость от смартфона — это новое явление, одна из наиболее распространенных немедицинских зависимостей, которая по своей массовости уже оставила позади интернет-зависимость и игроманию, образовав с ними опасный конгломерат.

В российских исследованиях обнаружено, что 95,5 % респондентов демонстрируют средний уровень зависимости, 2,7 % — высокий уровень, а 0,6 % — очень высокий (Варламова, Гончарова, Соколова 2015).

Теоретический обзор современного состояния проблемы

В проведенном нами *аналитическом обзоре зарубежных исследований* о взаимосвязях зависимости от смартфона с психологическими состояниями и свойствами личности «обнаружены неблагоприятные последствия чрезмерного использования смартфонов для физического и психического здоровья в виде депрессии, тревожности, стресса, отрицательных эмоций, бессонницы, плохого качества сна, малой физической активности. Предсказывают чрезмерное использование смартфона низкая саморегуляция и слабый самоконтроль. Из-за чрезмерного общения через смартфон люди становятся менее чуткими друг к другу, что приводит к потере способности к эмпатии и ухудшению эмоциональной связи с окружающими. Зависимость от смартфона положительно связана с синдромом дефицита внимания, гиперактивностью, компульсивным поведением и прокрастинацией. Реализуемая через смартфоны зависимость от социальных сетей связана с межличностными проблемами и способствует неассертивному поведению и незащищенности от кибербуллинга. Наиболее активные пользователи смартфонов получают самые высокие оценки в отношении аддиктивного поведения. Из личных качеств индивидов одиночество и застенчивость является самыми сильными предикторами зависимости от смартфонов. Зависимость от смартфонов негативно влияет на коммуникативные навыки. Более зависимы от смартфона лица, не состоящие в браке. Зависимость от смартфонов у женщин выше, чем у мужчин» (Шейнов 2020а, 120).

В другом аналитическом обзоре зарубежных исследований показано, что зависимость от смартфона положительно связана также с такими негативными факторами, как снижение самооценки и самоконтроля, проблемы со сном, со здоровьем в целом и с качеством жизни и удовлетворенностью ею, сложностями в семье, снижением успеваемости учащихся и студентов, уменьшением производительности труда и опасностью стать жертвой кибербуллинга. Значительно более высокая зависимость от смартфонов присуща пользователям более молодого возраста (Шейнов 2021а).

В эмпирической статье (Шейнов 2020б) показано, что в русскоязычном социуме зависимость от смартфона положительно коррелирует с тревожностью, депрессией, стрессом и отрицательно связана с самоконтролем и с удовлетворенностью жизнью. Обнаружена значимая

положительная связь тяги к курению у мужчин с зависимостью от смартфона.

В другой эмпирической статье (Шейнов, Девицын 2021) установлено, что «зависимость от смартфона положительно связана с женским полом и переживанием чувства одиночества и отрицательно — с настойчивостью, самообладанием, саморегуляцией, привычкой читать, здоровым образом жизни и состоянием здоровья. Зависимость от смартфона у женщин, кроме того, отрицательно коррелирует с возрастом, компетентностью, комплиментарностью, провокационностью, наличием семьи, наличием детей, хорошим настроением и положительно — с зависимым поведением и проблемами со сном. Среднее значение зависимости от смартфона женщин статистически значимо превосходит среднее значение зависимости от смартфона мужчин. Часть связей, выявленных в исследовании, в целом соответствуют характеру корреляций, установленных в зарубежных исследованиях, при этом конкретизируя и уточняя их в гендерном аспекте. При этом многие взаимосвязи, совпадая по направленности с зарубежными результатами, в русскоязычном социуме имеют место не для всех индивидов, а только для женщин» (Шейнов, Девицын 2021).

Показано, что зависимость от смартфона юношей и девушек «положительно связана с прокрастинацией, стеснительностью, незащищенностью от кибербуллинга и отрицательно — с ассертивностью и хорошим настроением» (Шейнов 2021б).

В зарубежных исследованиях установлено, что существует значительная положительная корреляция между зависимостью от смартфонов и симптомами *нездоровья*. При этом плохое *качество сна* опосредовало эту связь. Полученные данные свидетельствуют о том, что для укрепления здоровья и благополучия людей следует поощрять их ограничивать использование смартфонов, особенно *перед сном* (Xie, Dong, Wang 2018). Зависимость от смартфона и *откладывание отхода ко сну* имеют значительную положительную взаимосвязь (Zhang, Wu 2020).

Установлено, что зависимость от смартфона способствует росту *агрессии* ($\beta = 0,195, p = 0,014$) его пользователя (Woo, Kwak, Lee 2018). Зависимость от смартфонов статистически значимо положительно связана не только с агрессией, но и с *импульсивностью*. Причем агрессия и импульсивность демонстрировали связи с проблемным использованием смартфонов в большей степени у женщин (Lim, Kim 2018).

Зависимость от смартфона усиливает тревожность, депрессию, *агрессию и импульсивность*

(Yang, Kim 2015). Факторами, влияющими на чрезмерную зависимость от смартфонов у студентов мужского пола, были *импульсивность* ($\beta = 0,204$, $p = 0,007$) и депрессия ($\beta = 0,200$, $p = 0,040$). У студенток влияющим фактором была импульсивность ($\beta = 0,185$, $p = 0,010$ (Jang, Ha 2019)).

Было обнаружено, что меньший самоконтроль и большая импульсивность приводят к большей зависимости от смартфонов (Lee, Park 2014). Существенными факторами зависимости от смартфонов являются пол ($\beta = 0,149$, $p < 0,001$), импульсивность ($\beta = 0,221$, $p < 0,001$), зависимость от социальных сетей ($\beta = 0,376$, $p < 0,001$) (Cho, Kim 2014).

Изучение пользователей смартфонов, представляющих три их поколения (X, Y и Z), позволило установить, что *нейротизм* и ежедневное время использования стали прогностическими факторами зависимости от смартфона для более молодого поколения (Zhitomirsky-Geffe, Blau 2016). С зависимостью от смартфона связаны более высокие показатели нарциссизма и нейротизма (Pearson, Hussain 2016; 2017).

Нейротизм положительно связан с зависимостью от смартфонов, в то время как экстраверсия — отрицательно (De Pasquale, Sciacca, Conti 2019; Volungis, Kalpidou, Popores et al. 2019). Установлена взаимосвязь между *экстраверсией* и *нейротизмом* и использованием смартфона во время вождения (Luria 2018).

Существует статистически значимая положительная корреляция между *интернет-зависимостью* и зависимостью от смартфонов (Ayar, Bektas, Bektas, Kudubes 2017; Choi, Kim, Choi et al. 2015; Tateno, Teo, Ukai et al. 2019).

Зависимость от смартфона и зависимость от «Фейсбука» положительно коррелируют друг с другом (Khoury, Neves, Roque 2019). В целом использование *социальных сетей* и использование игр являются положительными предикторами зависимости от смартфонов, причем использование социальных сетей является более сильным предиктором зависимости от смартфонов, чем использование игр (Jeong, Kim, Yum, Hwang 2016).

Пониженное *самоуважение* может привести к зависимости от смартфона (Kim, Koh 2018). Напротив, высокое самоуважение служит защитным фактором против зависимости от смартфонов (Elhai, Dvorak, Levine, Hall 2017).

Индивиды с более высокими показателями зависимости от смартфонов имеют более низкие баллы по управлению межличностным *конфликтом* (Park, Kwon, Baek et al. 2014). Предпосылками и одновременно негативными последствиями

зависимости от смартфона являются семейные и личные конфликты (Mahapatra 2019). Зависимость от смартфонов отрицательно коррелирует с качеством общения родителей, сыновей и дочерей, особенно эта проблема выражена у дочерей (Lee, Kim 2018).

Открытость положительно связана с зависимостью от смартфонов (Pearson, Hussain 2016). У группы риска были более высокие баллы самораскрытия, чем у нормальной группы пользователей (Park, Kwon, Baek et al. 2014).

В нескольких исследованиях обнаружено, что *студенты-гуманитарии* имеют более высокий уровень зависимости, чем студенты-физики (Al-Barashdi, Bouazza, Jabur 2015).

С точки зрения использования Интернета мужчины оказались более зависимыми ($p < 0,05$), чем женщины; однако в отношении смартфонов эта картина ($p < 0,001$) была обратной (Mok, Choi, Kim et al. 2014). Средний показатель зависимости от смартфонов у женщин выше, чем у мужчин (Tateno, Teo, Ukai et al. 2019).

Организация и методы исследования

Предметом настоящего исследования явились личностные свойства и состояния зависимых от смартфона женщин и мужчин.

Объектом исследования послужили женщины и мужчины — активные пользователи смартфонов.

Гипотезы настоящего исследования: 1) в русскоязычной среде имеют место связи зависимости от смартфона с личностными свойствами и состояниями его активных пользователей, аналогичные выявленным в зарубежных социумах; 2) имеют место совпадения и различия этих связей в русскоязычном и зарубежном социумах.

Цель исследования — выявить в русскоязычной среде связи зависимости от смартфона с личностными свойствами его активных пользователей и проанализировать различия в зависимости от смартфона в личностных и иных коррелятах.

Задачи исследования:

- 1) осуществить теоретическое обоснование исследования; выявить связи зависимости от смартфона женщин и мужчин с личностными свойствами его активных пользователей, обнаруженные в зарубежных исследованиях;
- 2) произвести сбор информации о результатах психодиагностики;
- 3) провести проверку полученных выборок на предмет соответствия нормальному

- закону распределения и выбрать приемлемые методы статистического анализа;
- 4) осуществить корреляционный анализ для выявления в русскоязычной среде значимых связей зависимости от смартфона женщин и мужчин с их личностными свойствами;
 - 5) проанализировать различия в зависимости от смартфона в личностных и иных коррелятах.

Используемые методики

Зависимость от смартфона диагностировалась с помощью предложенной автором короткой версии (Шейнов 2020b) опросника «Шкала зависимости от смартфона».

Экстраверсия, нейротизм и социальная желательность ответов оценивались с помощью широко известного личностного опросника Г. Айзенка ЕРІ (Энциклопедия психодиагностики 2009, 195–200).

Оценка агрессивности в отношениях производилась посредством опросника А. Ассингера (Опросник Ассингера 2011).

Импульсивность оценивалась с помощью «Методики диагностики потенциала коммуникативной импульсивности», предложенной В. А. Лосенковым (Фетискин, Козлов, Мануйлов 2009, раздел 3.5.1). Импульсивность — это черта личности, противоположная волевым качествам целеустремленности и настойчивости. Высокий уровень импульсивности характеризует человека с недостаточным самоконтролем в общении и деятельности.

Интернет-зависимость диагностировалась известным тестом Кимберли Янг (Young 1999).

Уровень *самоуважения* определялся «Шкалой самоуважения Розенберга» (Бодалев, Столин, Аванесов 2000, 362–363).

Кроме вопросов о половой принадлежности и возрасте каждому испытуемому были заданы вопросы о его образовании, отношениях с родителями, наличии у него привычки смотреть смартфон перед сном, степени его открытости, конфликтности и активности в социальных сетях. Вот эти вопросы:

Ваше типичное поведение в конфликте:

- а) стараюсь их избегать или завершить их миром;
- б) не успокоюсь, пока не добьюсь победы;
- в) нечто среднее между а) и б). *Ключ:* а = 0, б = 2, в = 1.

Ваши отношения с родителями (по 5-балльной системе): а) 5; б) 4; в) 3 или меньше. *Ключ:* а = 0, б = 1, в = 2.

Ваши отношения с соцсетями: а) не участвую в них; б) активный пользователь; в) нечто среднее между а) и б). *Ключ:* а = 0, б = 2, в = 1.

По работе Вы гуманитарий или «технарь»? а) скорее «технарь»; б) скорее гуманитарий; в) нечто среднее между а) и б). *Ключ:* а = 0, б = 2, в = 1.

Ложитесь ли спать позже из-за смартфона? а) нет; б) да; в) нечто среднее между а) и б). *Ключ:* а = 0, б = 2, в = 1.

Вы открытый человек? а) нет; б) да; в) нечто среднее между а) и б). *Ключ:* а = 0, б = 2, в = 1.

Участники исследования и сбор данных

Ввиду ограничения личных контактов в условиях пандемии (перевода многих работников на работу из дома, а студентов — на обучение в онлайн) стало невозможным проведение привычного для всех тестирования испытуемых в процессе непосредственного контакта с ними. Поэтому потребовалось найти приемлемые в сложившихся условиях формы и способы получения информации.

С целью разрешения данной проблемы математиком А. С. Девицыным создана автоматизированная система сбора информации, которая осуществляет также и обработку тестов, и рассылку респондентам в анонимном режиме результатов их тестирования. Создан соответствующий сайт, на котором представлены необходимые тесты и личное обращение к пользователям соцсетей: «Уважаемый(ая) коллега! Я, профессор кафедры психологии Республиканского института высшей школы (г. Минск), доктор наук Виктор Павлович Шейнов (см. sheinov.com), приглашаю лично Вас принять участие в исследовании «Влияние смартфона на жизнь и здоровье его активных пользователей». Ответив на ряд вопросов, Вы получите (после обработки ответов программой) достоверную информацию о многих аспектах своего психологического состояния. Тестирование бесплатное и анонимное. Из личных данных укажите только Ваш пол и возраст. Результаты тестирования получите на свой e-mail в течение 1 часа после отправки Вами своих ответов. Не сомневаюсь, мы будем полезны друг другу! Заранее благодарен. С уважением, В. П. Шейнов».

Тесты на сайте представлены в виде Google Forms. Полученные от респондентов ответы накапливались в банке данных, при их получении сразу осуществлялась их обработка. После того как испытуемый проходил все предложенные тесты, программа по заданному алгоритму генерировала документ с индивидуальными результатами тестирования и пояснениями и сразу пересылала его респонденту. Результат обработки тестов включался для последующего анализа в доступную только авторам исследования

итоговую таблицу Excel. Респондентам, приславшим ответы не на все вопросы, специальная программа высылала те, что остались неотвеченными, и напоминала, что только после ответов на все вопросы они получают свои результаты и соответствующие рекомендации специалиста.

Опрос испытуемых, которые напрямую обратились за консультациями к автору обращения, позволил выяснить, что активности респондентов способствовали следующие факторы: 1) гарантированные анонимность и мгновенное получение результата; 2) личное обращение специалиста, о профессионализме которого можно получить информацию; 3) обещание принести пользу респонденту; 4) простота и удобство работы с Google Forms.

Исследование проведено среди русскоязычных респондентов, проживающих в Беларуси, России, Украине.

В исследовании приняли участие 406 испытуемых 18–75 лет ($M = 27,06$), давшие полные ответы на все вопросы, в том числе 264 женщины 18–75 лет ($M = 28,8$) и 142 мужчины 17–67 лет ($M = 25,7$).

По возрастным группам были представлены: в возрасте меньше 30 лет — 161 женщина и 85 мужчин, 30–39 лет — 50 женщин и 29 мужчин, 40–49 лет — 32 женщины и 19 мужчин, старше 50 лет — 21 женщина и 9 мужчин.

Статистический анализ осуществлен с помощью пакета SPSS-20. Принят уровень значимости $p \leq 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Проверка выборок на соответствие нормальному закону распределения

Прежде чем проводить обнаружение возможных взаимосвязей между изучаемыми

переменными, было необходимо определить, какие использовать для этого статистические методы — параметрические или непараметрические.

Ответ на этот вопрос мы получили с помощью одновыборочного критерия Колмогорова-Смирнова, результаты применения которого представлены в таблице 1.

Асимптотическая значимость критерия Колмогорова-Смирнова, превышающая 0,05, свидетельствует о соответствии выборки закону нормального распределения. Таблица 1 показывает, что основные изучаемые переменные — зависимость от смартфона, агрессивность, импульсивность, экстраверсия, нейротизм, интернет-зависимость, самоуважение — распределены нормально, а все ответы на дополнительные вопросы имеют распределение, отличное от нормального (асимптотическая значимость равна нулю).

Поэтому связи между переменными первой группы естественно выявлять с помощью параметрического критерия (корреляции) Пирсона (выявляющего линейные взаимосвязи), а остальные связи — посредством непараметрического критерия. В качестве такового мы используем критерий (корреляции) Кендалла, который позволяет обнаружить и линейные, и нелинейные взаимосвязи.

Выявление значимых связей зависимости от смартфона женщин и мужчин в русскоязычной среде

Корреляционные взаимосвязи диагностируемых показателей представлены в нижеследующих таблицах.

Таблица 2 показывает, что зависимость от смартфона женщин и мужчин (в целом) положительно связана с импульсивностью, нейротизмом, интернет-зависимостью, активностью

Табл. 1. Проверка исследуемых выборок на нормальность распределения

Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова									
		ЗС	Агресс.	Имп.	Экстр.	Нейрот.	Ложь	ИЗ	СУ
Нормальные параметры ^{a, b}	18,6047	38,3372	48,24	11,36	13,7467	1,5333	8,63	28,9	4,18
	7,64242	2,66397	7,471	3,497	4,94317	1,2448	5,27	4,84	5,58
Разности экстремумов	,064	,123	,074	,110	,107	,213	,108	,099	,315
	,064	,123	,067	,110	,107	,213	,108	,059	,315
	–,054	–,085	–,074	–,080	–,059	–,121	–,072	–,099	–,284
Статистика Z Колмогорова-Смирнова		,590	1,138	,659	,953	,924	1,840	,943	,863
Асимпт. значимость (двухсторонняя)		,877	,150	,779	,323	,360	,002	,336	,446

Table 1. The sample normality test

One-sample Kolmogorov-Smirnov test									
		Smartphone addicition	Aggres-siveness	Impul-siveness	Extro-version	Neuro-ticism	Lies	Internet addi-tion	Self-respect
Normal parameters ^{a, b}	18.6047	38.3372	48.24	11.36	13.7467	1.5333	8.63	28.9	4.18
	7.64242	2.66397	7.471	3.497	4.94317	1.2448	5.27	4.84	5.58
Difference in extrema	.064	.123	.074	.110	.107	.213	.108	.099	.315
	.064	.123	.067	.110	.107	.213	.108	.059	.315
	-.054	-.085	-.074	-.080	-.059	-.121	-.072	-.099	-.284
Kolmogorov-Smirnov Z score		.590	1.138	.659	.953	.924	1.840	.943	.863
Bilateral asymptotic significance		.877	.150	.779	.323	.360	.002	.336	.446

Обозначения в таблицах: ЗС — зависимость от смартфона, Агресс. — агрессивность, Импульс. — импульсивность, Экстравер. — экстраверсия, Нейрот. — нейротизм, Ложь — социально желательные ответы, ИЗ — интернет-зависимость, СУ — самоуважение.

в соцсетях, использованием смартфоном перед сном и отрицательно — с самоуважением.

Все связи являются линейными.

Данные таблицы 3 свидетельствуют о том, что зависимость от смартфона женщин положительно связана с импульсивностью, нейротизмом, интернет-зависимостью, активностью в соцсетях, использованием смартфоном перед сном и отрицательно — с самоуважением.

При этом все зависимости являются линейными.

Как и в общем случае, в отличие от результатов зарубежных исследований, не обнаружено связей зависимости от смартфона с агрессивностью, экстраверсией, конфликтностью, отношением с родителями, родом занятий (гуманитарии или «технари») и открытостью.

Все связи являются линейными.

Табл. 2. Корреляции зависимости от смартфона с состояниями и свойствами личности (женщины и мужчины)

	Корреляции Пирсона	Знач. (2-сторон.)	Корреляции Кенделла	Знач. (2-сторон.)
Агрессивность	–0,119	0,276	–0,086	0,273
Импульсивность	0,342**	0,002	0,256**	0,001
Экстраверсия	–0,098	0,402	–0,089	0,283
Нейротизм	0,359**	0,002	0,270**	0,001
Социально желаемые ответы	–0,035	0,767	–0,027	0,758
Интернет-зависимость	0,666**	0,000	0,496**	0,000
Самоуважение	–0,308**	0,007	–0,217**	0,008
Конфликтность	–0,051	0,665	–0,058	0,540
Отношения с родителями	–0,018	0,877	–0,018	0,843
Активность в соцсетях	0,299**	0,009	0,282**	0,003
Гуманитарное образование	0,190	0,102	0,160	0,085
Пользование перед сном	0,595**	0,000	0,489**	0,000
Открытость	–0,073	0,532	–0,064	0,485

Обозначения в таблицах: ** — корреляция статистически значима при $p = 0,01$; * — корреляция статистически значима при $p = 0,05$.

Table 2. Correlation between smartphone addiction and individual states and traits (men and women)

	Pearson's r	Bilateral significance	Kendall's τ	Bilateral significance
Aggressiveness	-0.119	0.276	-0.086	0.273
Impulsiveness	0.342**	0.002	0.256**	0.001
Extraversion	-0.098	0.402	-0.089	0.283
Neuroticism	0.359**	0.002	0.270**	0.001
Lies	-0.035	0.767	-0.027	0.758
Internet dependence	0.666**	0.000	0.496**	0.000
Self-respect	-0.308**	0.007	-0.217**	0.008
Proneness to conflict	-0.051	0.665	-0.058	0.540
Relations with parents	-0.018	0.877	-0.018	0.843
Presence on social networks	0.299**	0.009	0.282**	0.003
A degree in humanities	0.190	0.102	0.160	0.085
Use before sleep	0.595**	0.000	0.489**	0.000
Openness	-0.073	0.532	-0.064	0.485

Notation in the tables: ** — correlation is statistically significant at $p = 0.01$; * — correlation is statistically significant at $p = 0.05$.

Табл. 3. Корреляции зависимости от смартфона с состояниями и свойствами личности (женщины)

	Корреляции Пирсона	Знач. (2-сторон.)	Корреляции Кенделла	Знач. (2-сторон.)
Агрессивность	-0,113	0,341	-0,079	0,351
Импульсивность	0,337**	0,005	0,248**	0,004
Экстраверсия	-0,139	0,278	-0,131	0,149
Нейротизм	0,330**	0,008	0,259**	0,004
Социально желаемые ответы	-0,011	0,930	-0,001	0,995
Интернет-зависимость	0,681**	0,000	0,520**	0,000
Самоуважение	-0,371**	0,003	-0,260**	0,004
Конфликтность	-0,072	0,574	-0,082	0,419
Отношения с родителями	0,064	0,615	0,055	0,581
Активность в соцсетях	0,268*	0,032	0,258*	0,014
Гуманитарное образование	0,134	0,293	0,136	0,18
Пользование перед сном	0,628**	0,000	0,520**	0,000
Открытость	-0,088	0,488	-0,08	0,425

Table 3. Correlation between smartphone addiction and individual states and traits (women)

	Pearson's r	Bilateral significance	Kendall's τ	Bilateral significance
Aggressiveness	-0.113	0.341	-0.079	0.351
Impulsiveness	0.337**	0.005	0.248**	0.004
Extraversion	-0.139	0.278	-0.131	0.149

Table 3. Completion

Neuroticism	0.330**	0.008	0.259**	0.004
Lies	-0.011	0.930	-0.001	0.995
Internet dependence	0.681**	0.000	0.520**	0.000
Self-respect	-0.371**	0.003	-0.260**	0.004
Proneness to conflict	-0.072	0.574	-0.082	0.419
Relations with parents	0.064	0.615	0.055	0.581
Presence on social networks	0.268*	0.032	0.258*	0.014
A degree in humanities	0.134	0.293	0.136	0.18
Use before sleep	0.628**	0.000	0.520**	0.000
Openness	-0.088	0.488	-0.08	0.425

Таблица 4 показывает, что зависимость от смартфона мужчин положительно связана с импульсивностью, нейротизмом, интернет-зависимостью, активностью в соцсетях, использованием смартфоном перед сном, с гуманитарным образованием и отрицательно —

с самоуважением, социально желаемыми ответами и взаимоотношениями с родителями.

Только у мужчин (см. табл. 2–4) имеется отрицательная корреляция зависимости от смартфонов с отношениями с родителями и положительная — с гуманитарным образованием владельцев смартфонов.

Табл. 4. Корреляции зависимости от смартфона с состояниями и свойствами личности (мужчины)

	Корреляции Пирсона	Знач. (2-сторон.)	Корреляции Кендалла	Знач. (2-сторон.)
Агрессивность	-0,136	0,408	-0,029	0,819
Импульсивность	0,479**	0,003	0,368**	0,004
Экстраверсия	0,021	0,902	-0,033	0,8
Нейротизм	0,486**	0,003	0,381**	0,003
Социально желаемые ответы	-0,341*	0,042	-0,324*	0,018
Интернет-зависимость	0,725**	0,000	0,646**	0,000
Самоуважение	-0,284**	0,007	-0,210**	0,011
Конфликтность	0,047	0,796	0,024	0,874
Отношения с родителями	-0,486**	0,004	-0,247	0,096
Активность в соцсетях	0,349*	0,047	0,271	0,067
Гуманитарное образование	0,291	0,100	0,334*	0,022
Пользование перед сном	0,353*	0,044	0,223	0,126
Открытость	-0,053	0,771	-0,132	0,362

Table 4. Correlation between smartphone addiction and individual states and traits (men)

	Pearson's r	Bilateral significance	Kendall's τ	Bilateral significance
Aggressiveness	-0.136	0.408	-0.029	0.819
Impulsiveness	0.479**	0.003	0.368**	0.004
Extraversion	0.021	0.902	-0.033	0.8
Neuroticism	0.486**	0.003	0.381**	0.003

Table 4. Completion

Lies	-0.341*	0.042	-0.324*	0.018
Internet dependence	0.725**	0.000	0.646**	0.000
Self-respect	-0.284**	0.007	-0.210**	0.011
Proneness to conflict	0.047	0.796	0.024	0.874
Relations with parents	-0.486**	0.004	-0.247	0.096
Presence on social networks	0.349*	0.047	0.271	0.067
A degree in humanities	0.291	0.100	0.334*	0.022
Use before sleep	0.353*	0.044	0.223	0.126
Openness	-0.053	0.771	-0.132	0.362

Сравнительный анализ зависимости от смартфона женщин и мужчин в русскоязычном и зарубежном социумах

Ряд установленных связей совпадает с теми, что обнаружены в зарубежных исследованиях: положительная связь зависимости от смартфонов с *импульсивностью* (Cho, Kim 2014; Jang, Ha 2019; Lim, Kim 2018; Lee, Kim 2018; Lee, Park 2014; Yang, Kim 2015), с *нейротизмом* (De Pasquale, Sciacca, Conti 2019; Luria 2018; Pearson, Hussain 2016; Pearson, Hussain 2017; Volungis, Kalpidou, Popores et al. 2019; Zhitomirsky-Geffe, Blau 2016), с *интернет-зависимостью* (Ayar, Bektas, Bektas, Kudubes 2017; Choi, Kim, Choi et al. 2015; Tateno, Teo, Ukai et al. 2019), *пользованием смартфоном перед сном* (Dong, Wang 2018; Zhang, Wu 2020), *активностью в соцсетях* (Jeong, Kim, Yum, Hwang 2016; Khoury, Neves, Roque 2019).

Совпадает и отрицательная связь зависимости от смартфонов с *самоуважением*, выявленная ранее за рубежом (Elhai, Dvorak, Levine, Hall 2017; Kim, Koh 2018).

В отличие от установленных в зарубежных социумах положительных связей зависимости от смартфонов с *агрессивностью* (Lim, Kim 2018; Lee, Kim 2018; Woo, Kwak, Lee 2018; Yang, Kim 2015), *экстраверсией* (De Pasquale, Sciacca, Conti 2019; Luria 2018; Volungis, Kalpidou, Popores 2019), с *межличностными конфликтами* (Park, Kwon, Baek et al. 2014) и *конflikтами с родителями* (Lee 2016; Lee, Kim 2018; Mahapatra 2019), с *открытостью* (Park, Kwon, Baek et al. 2014; Pearson, Hussain 2016) — в русскоязычном социуме подобные связи не выявлены.

Обнаруженные в зарубежных исследованиях отрицательная корреляция зависимости от смартфонов с отношениями с родителями и положительная — с гуманитарным образованием их владельцев (Al-Barashdi, Bouazza,

Jabur 2015) в русскоязычном социуме имеют место только у мужчин.

Группировка качеств по характеру их связи с зависимостью от смартфона

Таблица 5 показывает, что у женщин и мужчин (в целом) качества, положительно связанные с зависимостью от смартфона (импульсивность, нейротизм, интернет-зависимость, активность в соцсетях, пользование смартфоном перед сном), положительно коррелируют между собой и отрицательно — с самоуважением, которое отрицательно связано с зависимостью от смартфона.

Таким образом, качества, позитивно связанные с зависимостью от смартфона, образуют группу качеств, положительно связанных между собой и отрицательно связанных с самоуважением.

Различия в средних значениях изучаемых переменных у мужчин и женщин

Проверка с помощью t-критерия равенства средних для независимых выборок показала, что по ряду переменных средние показатели женщин статистически значимо превосходят соответствующие показатели мужчин. В таблице 6 представлены эти переменные, их средние значения и уровень статистической значимости различий. У остальных изучаемых в данном исследовании переменных различия в средних значениях статистически незначимы.

Особо отметим из данных таблицы 6, что зависимость от смартфонов женщин намного и высоко статистически значимо сильнее, чем у мужчин. Это соотношение совпадает с аналогичным результатом, полученным в зарубежных исследованиях (Mok, Choi, Kim et al. 2014; Tateno, Teo, Ukai et al. 2019).

Табл. 5. Корреляции между состояниями и свойствами, связанными с зависимостью от смартфона

	Импульс.	Нейрот.	ИЗ	СУ	Родит.	С/сети	Гуманит.	П/сном
Импульсивность	1,000	,389**	,273**	–,319**	,114	,108	,042	,282**
Нейротизм	,389**	1,000	,236**	–,432**	,218*	,106	,150	,242**
Интернет-зависимость	,273**	,236**	1,000	–,313**	,004	,340**	,014	,422**
Самоуважение	–,319**	–,432**	–,313**	1,000	–,227*	–,075	–,097	–,161
Родители	,114	,218*	,004	–,227*	1,000	,001	,055	,156
Соцсети	,108	,106	,340**	–,075	,001	1,000	,310**	,226*
Гуманитарии	,042	,150	,014	–,097	,055	,310**	1,000	–,050
Перед сном	,282**	,242**	,422**	–,161	,156	,226*	–,050	1,000

Table 5. Correlation between individual states and traits related to smartphone addiction

	Impulsiveness	Neuroticism	Internet dependence	Self-respect	Relations with parents	Social networks	A degree in humanities	Use before sleep
Impulsiveness	1.000	.389**	.273**	–.319**	.114	.108	.042	.282**
Neuroticism	.389**	1.000	.236**	–.432**	.218*	.106	.150	.242**
Internet dependence	.273**	.236**	1.000	–.313**	.004	.340**	.014	.422**
Self-respect	–.319**	–.432**	–.313**	1.000	–.227*	–.075	–.097	–.161
Relations with parents	.114	.218*	.004	–.227*	1.000	.001	.055	.156
Social networks	.108	.106	.340**	–.075	.001	1.000	.310**	.226*
A degree in humanities	.042	.150	.014	–.097	.055	.310**	1.000	–.050
Use before sleep	.282**	.242**	.422**	–.161	.156	.226*	–.050	1.000

Табл. 6. Основные статистики изучаемых переменных с различающимися средними значениями у мужчин и женщин

Изучаемая переменная	Пол	Среднее	Стд. отклонение	Стд. ошибка среднего	Уровень значимости
Зависимость от смартфона	мужчины	16,2308	6,53115	1,04582	0,006
	женщины	19,0274	7,76204	,90848	
Экстраверсия	мужчины	10,2500	3,10184	,51697	0,049
	женщины	11,5714	3,53651	,44556	
Самоуважение	мужчины	27,0000	4,68432	,78072	0,019
	женщины	29,3594	4,79208	,59901	
Участие в соцсетях	мужчины	1,1818	,58387	,10164	0,004
	женщины	1,5156	,50371	,06296	
Гуманитарное образование	мужчины	0,7273	,76128	,13252	0,000
	женщины	1,5000	,71270	,08909	

Table 6. Basic scores of variables under study with different mean values for men and women

Variable	Gender	Average	Standard deviation	Standard error of mean	Level of significance
Smartphone addiction	men	16.2308	6.53115	1.04582	0.006
	women	19.0274	7.76204	.90848	
Extraversion	men	10.2500	3.10184	.51697	0.049
	women	11.5714	3.53651	.44556	
Self-respect	men	27.0000	4.68432	.78072	0.019
	women	29.3594	4.79208	.59901	
Presence on social networks	men	1.1818	.58387	.10164	0.004
	women	1.5156	.50371	.06296	
A degree in humanities	men	0.7273	.76128	.13252	0.000

Выводы

Показано, что зависимость от смартфона женщин и мужчин положительно связана с импульсивностью, нейротизмом, интернет-зависимостью, активностью в соцсетях, использованием смартфоном перед сном и отрицательно — с самоуважением. Все эти связи являются линейными. Зависимость от смартфонов у женщин намного и высоко статистически значимо выше, чем у мужчин. Перечисленные соотношения совпадают с теми, что обнаружены в зарубежных исследованиях.

В отличие от установленных в зарубежных социумах положительных связей зависимости от смартфонов с агрессивностью, экстраверсией, межличностными конфликтами и с открытостью, в русскоязычном социуме подобные связи не выявлены.

Обнаруженные в зарубежных исследованиях отрицательная корреляция зависимости от смартфонов с отношениями с родителями и положительная — с гуманитарным образованием их владельцев в русскоязычном социуме имеют место только у мужчин.

Практическая значимость представленных в статье результатов состоит в том, что они могут использоваться в воспитательной работе с учащимися и студентами. Психологами учреждений образования, кураторами учебных групп эти результаты могут быть положены

в основу разработки и проведения мероприятий, направленных на профилактику зависимости от смартфона у учащихся и студентов.

Полученные теоретические результаты могут быть полезными при планировании дальнейших исследований зависимости от смартфонов и использовании предложенной методики.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics approval

The authors report that the research was carried out in accordance with the ethical principles stipulated by for research involving humans and animals.

Литература

- Бодалев, А. А., Столин, В. В., Аванесов, В. С. (2000) *Общая психодиагностика*. СПб.: Речь, 440 с.
- Варламова, С. Н., Гончарова, Е. Р., Соколова, И. В. (2015) Интернет-зависимость молодежи мегаполисов: критерии и типология. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 2 (126), с. 165–182. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.11>

- Опросник Ассингера. (2011) А. Я. *Психология: тесты, тренинги, словарь, статьи*. [Электронный ресурс]. URL: http://azps.ru/tests/tests_assingera.html (дата обращения 29.05.2011).
- Райгородский, Д. Я. (ред.). (2009) *Энциклопедия психодиагностики. Т. 2. Психодиагностика взрослых*. Самара: Бахрах-М, 704 с.
- Фетискин, Н. П., Козлов, В. В., Мануйлов, Г. М. (2002) *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. М.: Изд-во Института Психотерапии, 488 с.
- Шейнов, В. П. (2020а) Связи зависимости от смартфона с состояниями и свойствами личности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*, № 4, с. 120–127. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-120-127>
- Шейнов, В. П. (2020b) Короткая версия опросника «Шкала зависимости от смартфона». *Институт психологии Российской Академии Наук. Организационная психология и психология труда*, т. 6, № 1, с. 97–115. <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2021.18.1.005>
- Шейнов, В. П. (2021a) Взаимосвязи зависимости от смартфона с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности: обзор зарубежных исследований. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, т. 18, № 1, с. 235–253. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-235-253>
- Шейнов, В. П. (2021b) Личностные свойства зависимых от смартфона учащихся колледжа. *Системная психология и социология*, № 1 (37), с. 50–60. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.37.1.4>
- Шейнов, В. П., Девицын, А. С. (2021) Личностные свойства и состояние здоровья жертв зависимости от смартфона. *Институт психологии Российской Академии Наук. Социальная и экономическая психология*, т. 6, № 1 (21), с. 171–191. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2021.21.1.007>
- Al-Barashdi, H. S., Bouazza, A., Jabur, N. H. (2015) Smartphone addiction among university undergraduates: A literature review. *Journal of Scientific Research and Reports*, vol. 4, no. 3, pp. 210–225. <https://doi.org/10.9734/JSRR/2015/12245>
- Ayar, D., Bektas, M., Bektas, I. et al. (2017) The effect of adolescents' internet addiction on smartphone addiction. *Journal of Addictions Nursing*, vol. 28, no. 4, pp. 210–214. <https://doi.org/10.1097/JAN.0000000000000196>
- Cho, G. Y., Kim, Y. H. (2014) Factors affecting smartphone addiction among university students. *Journal of the Korea Academia-Industrial Cooperation Society*, vol. 15, no. 3, pp. 1632–1640.
- Choi, S. W., Kim, D. J., Choi, J. S. et al. (2015) Comparison of risk and protective factors associated with smartphone addiction and Internet addiction. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 4, no. 4, pp. 308–314. <https://doi.org/10.1556/2006.4.2015.043>
- Elhai, J. D., Dvorak, R. D., Levine, J. C., Hall, B. J. (2017) Problematic smartphone use: A conceptual overview and systematic review of relations with anxiety and depression psychopathology. *Journal of Affective Disorders*, vol. 207, pp. 251–259. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2016.08.030>
- Jang, S.-H., Ha, Y. (2019) The effects of self-determination, depression, self-esteem, and impulsivity on smartphone overdependence of college students. *Journal of Digital Convergence*, vol. 17, no. 1, pp. 269–280. <https://doi.org/10.14400/JDC.2019.17.1.269>
- Jeong, S. H., Kim, H. J., Yum, J. Y., Hwang, Y. (2016) What type of content are smartphone users addicted to?: SNS vs. games. *Computers in Human Behavior*, vol. 54, pp. 10–17. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.07.035>
- Khouri, J. M., Neves, M. C. L., Roque M. A. V. et al. (2019) Smartphone and Facebook addictions share common risk and prognostic factors in a sample of undergraduate students. *Trends in Psychiatry and Psychotherapy*, vol. 41, no. 4, pp. 358–368. <http://dx.doi.org/10.1590/2237-6089-2018-0069>
- Kim, E., Koh, E. (2018) Avoidant attachment and smartphone addiction in college students: The mediating effects of anxiety and self-esteem. *Computers in Human Behavior*, vol. 84, pp. 264–271. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.02.037>
- Lee, E. J., Kim, H. S. (2018) Gender differences in smartphone addiction behaviors associated with parent–child bonding, parent–child communication, and parental mediation among Korean elementary school students. *Journal of Addictions Nursing*, vol. 29, no. 4, pp. 244–254. <https://doi.org/10.1097/JAN.0000000000000254>
- Lee, Y. J., Park, J. H. (2014) The effect of use motives, self-control and social withdrawal on smartphone addiction. *Journal of Digital Convergence*, vol. 12, no. 8, pp. 459–465. <https://doi.org/10.14400/JDC.2014.12.8.459>
- Lim, J. A., Kim, M. S. (2018) The influence of parental rearing attitudes on smartphone addiction — the mediating effect of aggression and impulse —. *Journal of Digital Convergence*, vol. 16, no. 3, pp. 395–405. <https://doi.org/10.14400/JDC.2018.16.3.395>
- Luria, G. (2018) The mediating role of smartphone addiction on the relationship between personality and young drivers' smartphone use while driving. *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behavior*, vol. 59, pt A, pp. 203–211. <https://doi.org/10.1016/j.trf.2018.09.001>
- Mahapatra, S. (2019) Smartphone addiction and associated consequences: Role of loneliness and self-regulation. *Behaviour & Information Technology*, vol. 38, no. 8, pp. 833–844. <https://doi.org/10.1080/0144929X.2018.1560499>
- Mok, J. Y., Choi, S. W., Kim, D. J. et al. (2014) Latent class analysis on internet and smartphone addiction in college students. *Neuropsychiatric Disease and Treatment*, vol. 10, pp. 817–828. <https://doi.org/10.2147/NDT.S59293>

- Park, S., Kwon, M. A., Baek, M. J. et al. (2014) Relation between smartphone addiction and interpersonal competence of college students using social network service. *The Journal of the Korea Contents Association*, vol. 14, no. 5, pp. 289–297. <https://doi.org/10.5392/JKCA.2014.14.05.289>
- Pasquale, C. de, Sciacca, F., Conti, D. et al. (2019) Personality and dissociative experiences in smartphone users. *Life Span and Disability*, vol. 22, no. 1, pp. 129–146.
- Pearson, C., Hussain, Z. (2016) Smartphone addiction and associated psychological factors. *Addicta: The Turkish Journal of Addictions*, vol. 3, no. 2, pp. 193–207. <https://doi.org/10.15805/addicta.2016.3.0103>
- Pearson, C., Hussain, Z. (2017) Smartphone use, addiction, narcissism, and personality: A mixed methods investigation. In: *Gaming and technology addiction: Breakthroughs in research and practice. Vol. 1*. Hershey: IGI Global, pp. 212–229. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-0778-9.ch011>
- Tateno, M., Teo, A. R., Ukai, W. et al. (2019) Internet addiction, smartphone addiction, and hikikomori trait in Japanese young adult: Social isolation and social network. *Front Psychiatry*, no. 10, article 455. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2019.00455>
- Volungis, A. M., Kalpidou, M., Popores, C., Joyce, M. (2020) Smartphone addiction and its relationship with indices of social-emotional distress and personality. *International Journal Mental Health Addiction*, vol. 18, no. 5, pp. 1209–1225. <https://doi.org/10.1007/s11469-019-00119-9>
- Woo, J. J., Kwak, E. M., Lee, H. J. (2018) The convergence study of smartphone overuse on cyberbullying: Focusing on mediating effects of aggression. *Journal of the Korea Convergence Society*, vol. 9, no. 5, pp. 61–67. <https://doi.org/10.15207/JKCS.2018.9.5.061>
- Xie, X., Dong, Y., Wang, J. (2018) Sleep quality as a mediator of problematic smartphone use and clinical health symptoms. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 7, no. 2, pp. 466–472. <https://doi.org/10.1556/2006.7.2018.40>
- Yang, H. C., Kim, Y. E. (2015) Intermittent addiction and double sidedness of thought suppression: Effects of student smart phone behavior. *The Journal of Distribution Science*, vol. 13, no. 9, pp. 13–18. <https://doi.org/10.15722/JDS.13.9.201509.13>
- Young, K. S. (1999) Internet addiction: Symptoms, evaluation and treatment. In: L. Vandecreek, T. L. Jackson (eds.). *Innovations in clinical practice. A source book. Vol. 17*. Sarasota, FL: Professional Resource Press, pp. 351–352.
- Zhang, M. X., Wu, A. M. S. (2020) Effects of smartphone addiction on sleep quality among Chinese university students: The mediating role of self-regulation and bedtime procrastination. *Addictive Behaviors*, vol. 111, article 106552. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2020.106552>
- Zhitomirsky-Geffet, M., Blau, M. (2016) Cross-generational analysis of predictive factors of addictive behavior in smartphone usage. *Computers in Human Behavior*, vol. 64, pp. 682–693. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.07.061>

References

- Al-Barashdi, H. S., Bouazza, A., Jabur, N. H. (2015) Smartphone addiction among university undergraduates: A literature review. *Journal of Scientific Research and Reports*, vol. 4, no. 3, pp. 210–225. <https://doi.org/10.9734/JSRR/2015/12245> (In English)
- Ayar, D., Bektas, M., Bektas, I. et al. (2017) The effect of adolescents' internet addiction on smartphone addiction. *Journal of Addictions Nursing*, vol. 28, no. 4, pp. 210–214. <https://doi.org/10.1097/JAN.0000000000000196> (In English)
- Bodalev, A. A., Stolin, V. V., Avanesov, V. S. (2000) *Obshchaya psikhodiagnostika [General psychodiagnostics]*. Saint Petersburg: Rech' Publ., 440 p. (In Russian)
- Cho, G. Y., Kim, Y. H. (2014) Factors affecting smartphone addiction among university students. *Journal of the Korea Academia-Industrial Cooperation Society*, vol. 15, no. 3, pp. 1632–1640. (In English)
- Choi, S. W., Kim, D. J., Choi, J. S. et al. (2015) Comparison of risk and protective factors associated with smartphone addiction and Internet addiction. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 4, no. 4, pp. 308–314. <https://doi.org/10.1556/2006.4.2015.043>
- Elhai, J. D., Dvorak, R. D., Levine, J. C., Hall, B. J. (2017) Problematic smartphone use: A conceptual overview and systematic review of relations with anxiety and depression psychopathology. *Journal of Affective Disorders*, vol. 207, pp. 251–259. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2016.08.030> (In English)
- Fetiskin, N. P., Kozlov, V. V., Manujlov, G. M. (2002) *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp [Socio-psychological diagnostics of the development of personality and small groups]*. Moscow: Institut Psikhoterapii Publ., 488 p. (In Russian)
- Jang, S.-H., Ha, Y. (2019) The effects of self-determination, depression, self-esteem, and impulsivity on smartphone overdependence of college students. *Journal of Digital Convergence*, vol. 17, no. 1, pp. 269–280. <https://doi.org/10.14400/JDC.2019.17.1.269> (In English)
- Jeong, S. H., Kim, H. J., Yum, J. Y., Hwang, Y. (2016) What type of content are smartphone users addicted to?: SNS vs. games. *Computers in Human Behavior*, vol. 54, pp. 10–17. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.07.035> (In English)

- Khouri, J. M., Neves, M. C. L., Roque M. A. V. et al. (2019) Smartphone and Facebook addictions share common risk and prognostic factors in a sample of undergraduate students. *Trends in Psychiatry and Psychotherapy*, vol. 41, no. 4, pp. 358–368. <http://dx.doi.org/10.1590/2237-6089-2018-0069> (In English)
- Kim, E., Koh, E. (2018) Avoidant attachment and smartphone addiction in college students: The mediating effects of anxiety and self-esteem. *Computers in Human Behavior*, vol. 84, pp. 264–271. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.02.037> (In English)
- Lee, E. J., Kim, H. S. (2018) Gender differences in smartphone addiction behaviors associated with parent–child bonding, parent–child communication, and parental mediation among Korean elementary school students. *Journal of Addictions Nursing*, vol. 29, no. 4, pp. 244–254. <https://doi.org/10.1097/JAN.0000000000000254> (In English)
- Lee, Y. J., Park, J. H. (2014) The effect of use motives, self-control and social withdrawal on smartphone addiction. *Journal of Digital Convergence*, vol. 12, no. 8, pp. 459–465. <https://doi.org/10.14400/JDC.2014.12.8.459> (In English)
- Lim, J. A., Kim, M. S. (2018) The influence of parental rearing attitudes on smartphone addiction — the mediating effect of aggression and impulse. *Journal of Digital Convergence*, vol. 16, no. 3, pp. 395–405. <https://doi.org/10.14400/JDC.2018.16.3.395> (In Korean)
- Luria, G. (2018) The mediating role of smartphone addiction on the relationship between personality and young drivers' smartphone use while driving. *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behavior*, vol. 59, pt A, pp. 203–211. <https://doi.org/10.1016/j.trf.2018.09.001> (In English)
- Mahapatra, S. (2019) Smartphone addiction and associated consequences: Role of loneliness and self-regulation. *Behaviour & Information Technology*, vol. 38, no. 8, pp. 833–844. <https://doi.org/10.1080/0144929X.2018.1560499> (In English)
- Mok, J. Y., Choi, S. W., Kim, D. J. et al. (2014) Latent class analysis on internet and smartphone addiction in college students. *Neuropsychiatric Disease and Treatment*, vol. 10, pp. 817–828. <https://doi.org/10.2147/NDT.S59293> (In English)
- Oprosnik Assingera [Assinger's questionnaire]. (2011) A. Ya. Psikhologiya: testy, treningi, slovar', stat'i [A. Z. Psychology: Tests, trainings, dictionary, articles]. [Online]. Available at: http://azps.ru/tests/tests_assinger.html (accessed 29.05.2011). (In Russian)
- Park, S., Kwon, M. A., Baek, M. J. et al. (2014) Relation between smartphone addiction and interpersonal competence of college students using social network service. *The Journal of the Korea Contents Association*, vol. 14, no. 5, pp. 289–297. <https://doi.org/10.5392/JKCA.2014.14.05.289> (In Korean)
- Pasquale, C. de, Sciacca, F., Conti, D. et al. (2019) Personality and dissociative experiences in smartphone users. *Life Span and Disability*, vol. 22, no. 1, pp. 129–146. (In English)
- Pearson, C., Hussain, Z. (2016) Smartphone addiction and associated psychological factors. *Addicta: The Turkish Journal of Addictions*, vol. 3, no. 2, pp. 193–207. <https://doi.org/10.15805/addicta.2016.3.0103> (In English)
- Pearson, C., Hussain, Z. (2017) Smartphone use, addiction, narcissism, and personality: A mixed methods investigation. In: *Gaming and technology addiction: Breakthroughs in research and practice. Vol. 1*. Hershey: IGI Global, pp. 212–229. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-0778-9.ch011> (In English)
- Sheinov, V. P. (2020a) Svyazi zavisimosti ot smartfona s sostoyaniyami i svojstvami lichnosti [Connections of smartphone addiction with states and personality traits]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya — Journal of the Belarusian State University. Sociology*, no. 4, pp. 120–127. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-120-127> (In Russian)
- Sheinov, V. P. (2020b) Korotkaya versiya oprosnika "Shkala zavisimosti ot smartfona" [Short version of the questionnaire "Scale of dependence on the smartphone"]. *Institut psikhologii Rossijskoj Akademii Nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda — Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, vol. 6, no. 1, pp. 97–115. <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2021.18.1.005> (In Russian)
- Sheinov, V. P. (2021a) Vzaimosvyazi zavisimosti ot smartfona s psikhologicheskimi i sotsial'no-psikhologicheskimi kharakteristikami lichnosti: obzor zarubezhnyh issledovaniy [Smartphone addiction and personality: Review of international research]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika — RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, vol. 18, no. 1, pp. 235–253. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-235-253> (In Russian)
- Sheinov, V. P. (2021b) Lichnostnye svojstva zavisimykh ot smartfona uchashchikhsya kolledzha [Personal properties of college students dependent on smartphone]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya — Systems Psychology and Sociology*, no. 1 (37), pp. 50–60. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.37.1.4> (In Russian)
- Sheinov, V. P., Devitsyn, A. S. (2021) Lichnostnye svojstva i sostoyanie zdorov'ya zhertv zavisimosti ot smartfona [Personal properties and health status of victims of smartphone addiction]. *Institut psikhologii Rossijskoj Akademii Nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya — Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, vol. 6, no. 1 (21), pp. 171–191. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2021.21.1.007> (In Russian)

- Tateno, M., Teo, A. R., Ukai, W. et al. (2019) Internet addiction, smartphone addiction, and hikikomori trait in Japanese young adult: Social isolation and social network. *Front Psychiatry*, no. 10, article 455. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2019.00455> (In English)
- Rajgorodskij, D. Ya. (ed.). (2009) *Entsiklopediya psikhodiagnostiki. T. 2. Psikhodiagnostika vzroslykh [Encyclopedia of psychodiagnostics. Vol. 2. Psychodiagnostics of adults]*. Samara: Bahrah-M Publ., 704 p. (In Russian)
- Varlamova, S. N., Goncharova, E. R., Sokolova, I. V. (2015) Internet-zavisimost' molodezhi megapolisov: kriterii i tipologiya [Internet addiction among young people living in metropolitan cities: Criteria and typology]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny — Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, no. 2 (126), pp. 165–182. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.11> (In Russian)
- Volungis, A. M., Kalpidou, M., Popores, C., Joyce, M. (2020) Smartphone addiction and its relationship with indices of social-emotional distress and personality. *International Journal Mental Health Addiction*, vol. 18, no. 5, pp. 1209–1225. <https://doi.org/10.1007/s11469-019-00119-9> (In English)
- Woo, J. J., Kwak, E. M., Lee, H. J. (2018) The convergence study of smartphone overuse on cyberbullying: Focusing on mediating effects of aggression. *Journal of the Korea Convergence Society*, vol. 9, no. 5, pp. 61–67. <https://doi.org/10.15207/JKCS.2018.9.5.061> (In Korean)
- Xie, X., Dong, Y., Wang, J. (2018) Sleep quality as a mediator of problematic smartphone use and clinical health symptoms. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 7, no. 2, pp. 466–472. <https://doi.org/10.1556/2006.7.2018.40> (In English)
- Yang, H. C., Kim, Y. E. (2015) Intermittent addiction and double sidedness of thought suppression: Effects of student smart phone behavior. *The Journal of Distribution Science*, vol. 13, no. 9, pp. 13–18. <https://doi.org/10.15722/JDS.13.9.201509.13> (In English)
- Young, K. S. (1999) Internet addiction: Symptoms, evaluation and treatment. In: L. Vandecreek, T. L. Jackson (eds.). *Innovations in clinical practice. A source book. Vol. 17*. Sarasota, FL: Professional Resource Press, pp. 351–352. (In English)
- Zhang, M. X., Wu, A. M. S. (2020) Effects of smartphone addiction on sleep quality among Chinese university students: The mediating role of self-regulation and bedtime procrastination. *Addictive Behaviors*, vol. 111, article 106552. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2020.106552> (In English)
- Zhitomirsky-Geffet, M., Blau, M. (2016) Cross-generational analysis of predictive factors of addictive behavior in smartphone usage. *Computers in Human Behavior*, vol. 64, pp. 682–693. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.07.061> (In English)

Личность как субъект образования
на различных этапах жизненного пути
и проблемы психологии воспитания

УДК 159.9

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-329-338>

Психологическая оценка программ обучения, направленных на сохранение и укрепление профессионального здоровья менеджеров

С. М. Шингаев^{✉1}

¹ Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования,
191002, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, д. 11–13, лит. А

Сведения об авторе

Сергей Михайлович Шингаев,
SPIN-код: 1043-7169,
Scopus AuthorID: 56964987900,
ResearcherID: S-4159-2016,
ORCID: 0000-0001-7546-7375,
e-mail: sshingaev@mail.ru

Для цитирования:

Шингаев, С. М.
(2021) Психологическая оценка
программ обучения,
направленных на сохранение
и укрепление профессионального
здоровья менеджеров. *Психология
человека в образовании*, т. 3, № 3,
с. 329–338.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-329-338>

Получена 11 мая 2021; прошла
рецензирование 11 июня 2021;
принята 11 июня 2021.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © С. М. Шингаев (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Введение. Актуальным вопросом реализации разнообразных программ остается оценка их эффективности. На примере программ сохранения и укрепления профессионального здоровья менеджеров в статье рассматривается проблема оценки эффективности обучающих программ с опорой на объективные и субъективные данные. В качестве объективных критериев выступают медицинские показатели (уровень заболеваемости, выявляемость хронических заболеваний, срок временной нетрудоспособности). Приводятся критерии эффективности краткосрочного обучения (тренингов, семинаров, коуч-сессий) по А. К. Марковой и С. И. Макшанову. Автором предлагается анализировать два аспекта: оценивание процесса тренинга и оценивание результатов тренинга, при этом отдельно рассматривать оценки, даваемые участниками тренинга (сотрудниками организации) и руководителями организации (заказчиками программы обучения). При разработке системы оценки эффективности программы обучения предлагается опираться на следующие методологические основы: 1) четырехуровневую модель Д. Киркпатрика; 2) возврат на инвестиции (Return on Investment – ROI) — подход Д. Филипса; 3) методики (анкеты, тесты и т. д.). Приводится описание четырехуровневой модели Д. Киркпатрика для оценки эффективности программы обучения «Стресс-менеджмент»: планирование оценки, сбор и анализ данных, создание отчета о результатах.

Материалы и методы. Для оценки эффективности обучения применяются такие методики, как: анкета на отношение к тренингу (ожидания от программы, основные сложности на работе, с которыми сталкиваются участники и которые связаны с умением управлять стрессом); тесты для оценки уровня знаний (используются до и после тренинга); самооценочные формы по поведенческим референтам; ассесмент для оценки уровня развития компетенции «Умение управлять стрессом, стрессоустойчивость»; форма «Контроль качества обучения».

Результаты исследования. Опираясь на результаты собственных исследований и опыт проведения программ по стресс-менеджменту (2007–2020 гг.), автор выделяет наиболее эффективные инструменты и техники управления стрессом: дыхательные техники; офисная йога, физические упражнения; поиск позитивного в ситуации, позитивные мысли, рефрейминг. Каждый третий участник программы отметил важность понимания психофизиологических механизмов стресса, знание модели стресса.

Заключение. Реализация программ по стресс-менеджменту показывает, что прохождение обучения и приобретенные на тренингах навыки напрямую связаны с профессиональным здоровьем менеджеров и отражаются на выполнении ими прямых функциональных обязанностей.

Ключевые слова: профессиональное здоровье менеджеров, стресс-менеджмент, программа, тренинг, оценка эффективности, анкета.

Psychological assessment of training programs aimed at maintaining and strengthening the professional health of managers

S. M. Shingaev^{✉1}

¹ St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education,
11–13 Lomonosova Str., Saint Petersburg 191002, Russia

Author

Sergei M. Shingaev,
SPIN: 1043-7169,
Scopus AuthorID: 56964987900,
ResearcherID: S-4159-2016,
ORCID: 0000-0001-7546-7375,
e-mail: sshingaev@mail.ru

For citation:

Shingaev, S. M.
(2021) Psychological assessment
of training programs aimed
at maintaining and strengthening
the professional health of managers.
Psychology in Education, vol. 3,
no. 3, pp. 329–338.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-329-338>

Received 11 May 2021;

reviewed 11 June 2021;

accepted 11 June 2021.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © S. M. Shingaev (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](#)
License 4.0.

Abstract. Introduction. When implementing various training programmes, the assessment of their effectiveness is an ever-pressing concern. This article presents a case study of the effectiveness of programmes teaching manager-level employees techniques to maintain and strengthen their health. The study is based on both objective and subjective metrics. Medical data—sickness rate, chronic disease prevalence and sick day rate—were used as objective metrics. The programmes were also assessed according to short-term training effectiveness criteria by A. K. Markov and S. I. Makshanov. Two aspects were assessed: training process and training results; assessment was done separately by training participants (employees) and organisation leadership (clients). In evaluating an educational programme's effectiveness, I suggest using the following methodology: (1) Kirkpatrick's Training Evaluation Model; (2) Philips ROI Methodology; and (3) other methodology (questionnaires, tests, etc.). The article also provides a description of Kirkpatrick's four level model for a stress management training programme: assessment planning, data gathering and analysis and reporting the results.

Materials and methods. To assess the effectiveness of training, the following methods are used: a questionnaire on participants' attitude to the training (expectations and key stress-management challenges participants face at work); tests to assess participants' level of knowledge (before and after the training); self-assessment forms for behavioural referents; stress management and resistance assessment tool and training quality control form.

Research results. Based on the results of my own research and experience in conducting stress management programmes (2007–2020), I identify the most effective tools and techniques for stress management: breathing exercises, office yoga, physical exercise, looking on the bright side, positive thinking and reframing. A third of the participants of the programme noted the importance of understanding the psychophysiological mechanisms of stress and knowledge of the stress model.

Conclusion. The implementation of stress management programmes shows that the training and the skills acquired during the training are directly related to the professional health of managers and have an impact on the performance of their direct responsibilities.

Keywords: professional health of managers, stress management, programme, training, performance assessment, questionnaire.

Статья выполнена по материалам докторской диссертации С. М. Шингаева «Психологическое обеспечение профессионального здоровья менеджеров» (2014, Санкт-Петербургский государственный университет).

Введение

Многие из тех, кто писал диссертацию или выдвигал идею по созданию нового обучающего продукта, сталкивался с проблемой оценки эффективности предлагаемых программ развития, обучения. Сложность оценки заключается прежде всего в отсроченном эффекте от реализации программы, он не проявляется немедленно сразу по окончании обучения, будь

то краткосрочная программа (тренинг, семинар) или долгосрочная (курсы повышения квалификации, профессиональная переподготовка). Еще одна сложность заключается в высоком уровне субъективности оценивающего, когда критериями выступают показатели «понравилось — не понравилось», «загорелись глаза или нет».

На примере программ сохранения и укрепления профессионального здоровья менеджеров организации рассмотрим проблему оценки

эффективности таких программ, опираясь на ряд объективных и субъективных данных. В качестве объективных критериев чаще всего выступают медицинские показатели. Так, в страховой компании «Ренессанс», реализующей проект health management, получены данные, что в результате реализации программы через два года заболеваемость в коллективе снизилась на 40–50%, выявляемость хронических недугов выросла на 10–15%, количество дней нетрудоспособности уменьшилось на 20%, средний срок временной нетрудоспособности — на 30% (Макаренко 2021).

Отдельного рассмотрения требует вопрос оценки эффективности программ краткосрочного обучения (тренингов, семинаров, коуч-сессий) в области профессионального здоровья. По мнению А. К. Марковой, критериями эффективности профессионального тренинга выступают возрастание профессионализма (переход работников на новый уровень, этап и ступень профессионализма) (Маркова 1996). С. И. Макшанов предлагает определять эффективность обучающих программ через повышение эффективности профессиональной деятельности, перенос знаний и умений, полученных на программе, в реальную профессиональную деятельность, позитивные изменения в профессионально важных качествах и компетенциях, повышение удовлетворенности человека выполняемой работой и жизнью вообще (Макшанов 1993). Отметим, что поиск эффективных инструментов оценки программ обучения продолжается и в настоящее время (Дроздов 2019; Рыбалко, Ганич 2019).

При оценке эффективности тренинга как составной части программы «Стресс-менеджмент» мы выделяем два аспекта: 1) оценивание процесса тренинга; 2) оценивание результатов тренинга. При этом различаются оценки, даваемые разными сторонами процесса обучения. С точки зрения участника тренинга (сотрудника компании) — насколько тренинг поможет эффективнее управлять своим эмоциональным состоянием, стрессом и, соответственно, лучше выполнять свою работу. С точки зрения руководителей компании (заказчиков тренинга) — насколько тренинг поможет достичь поставленных целей (повысить стрессоустойчивость менеджеров), оправданы ли вложенные в программу деньги. С точки зрения ведущего тренинга (тренера) — насколько тренинг был эффективен и достигнуты ли поставленные цели.

При разработке системы оценки эффективности программы обучения предлагается опираться на следующие методологические основы: 1) четырехуровневую модель Д. Киркпатрика (табл. 1) (Serhat 2018); 2) возврат на инвестиции (Return on Investment – ROI) — подход Д. Филиппса; 3) методики (анкеты, тесты и т. д.).

Подход Д. Филиппса, выступающий продолжением модели Д. Киркпатрика и добавляющий пятый уровень — возврат на инвестиции, позволяет дать ответ на вопрос «Оправдал ли тренинг вложенные в него средства?». ROI представляет собой соотношение чистых выгод от программ обучения к затратам на проведение программы.

Табл. 1. Применение четырехуровневой модели Д. Киркпатрика для оценки эффективности программы обучения «Стресс-менеджмент»

Уровень	Ключевой вопрос	Методики оценки
1 — Реакция	Какова реакция обучаемых на процесс обучения?	Анкеты-отзывы после тренинга Опрос участников в конце программы
2 — Обучение	Что обучаемые усвоили в ходе тренинга?	Анкеты-отзывы после тренинга Опрос участников Выходное тестирование
3 — Поведение	Как применяются полученные на тренинге знания и навыки на рабочем месте? Насколько сильно изменилась стрессоустойчивость сотрудников?	Наблюдение Тестирование Самооценка Экспертное оценивание
4 — Результаты	Насколько сильно увеличилась эффективность компании и каждого сотрудника в отдельности после обучения?	Экспертное оценивание

Table 1. Application of D. Kirkpatrick's four-level model to assess the effectiveness of the training programme "Stress Management"

Level	Key question	Assessment methodology
1 — Reaction	How do the trainees react to the learning process?	Feedback forms after the training Participant survey at the end of the programme
2 — Training	What did the trainees learn during the training?	Feedback forms after the training Participant poll Post-training testing
3 — Behavior	How do the trainees apply knowledge and skills gained during the training in their job? How much has the stress tolerance of employees changed?	Observation Testing Self-assessment Expert assessment
4 — Results	How much has the efficiency of the company and each employee increased after the training?	Expert assessment

Методология определения ROI включает в себя последовательное прохождение четырех этапов.

- 1) Планирование оценки — определение цели и основных данных. Предполагает получение ответов на вопросы: почему именно эта программа? Какова «цена вопроса»? Каков должен быть возврат от программы? Каковы цели программы? Каковы единицы измерения? Кто заинтересованные лица? Какие факторы будут влиять на результат? Какие результаты даст программа? Какую стратегию оценки выбрать? Можно ли прогнозировать, что произойдет?
- 2) Сбор данных — в ходе реализации программы и после ее выполнения. Какова реакция обучаемых? Чему научились? Что менеджеры стали делать после программы иначе? Что этому препятствует и способствует? Каковы бизнес-результаты?
- 3) Анализ данных — изолирование эффектов программы и перевод данных в денежное выражение, расчет ROI. Какие влияющие факторы? Насколько результат сгенерирован именно программой обучения? Каков вклад программы в денежном и неденежном выражении? Каковы прямые и косвенные затраты на программу? Каковы неосознаваемые эффекты (польза)?
- 4) Создание отчета о результатах. Каковы финансовые и нефинансовые результаты? Что означают эти данные?

Для оценки эффективности обучения применяются такие методики, как:

- анкета на отношение к тренингу (ожидания от программы, основные сложности на работе, с которыми сталкиваются участники и которые связаны с умением управлять стрессом);
- тесты для оценки уровня знаний (используются до и после тренинга — пример теста приведен ниже — табл. 2);
- самооценочные формы по поведенческим референтам;
- ассесмент для оценки уровня развития компетенции «Умение управлять стрессом, стрессоустойчивость»;
- форма «Контроль качества обучения» (табл. 3).

Материалы и методы

Для решения задач оценки эффективности программ сохранения и укрепления профессионального здоровья менеджеров мы опирались на три вышеперечисленные методологические основы. Применялись: теоретический анализ литературы по теме исследования, анкетирование, опрос.

Результаты и их обсуждение

Из отработываемых на программе техник управления стрессом участники больше всего отмечают эффективность следующих инструментов: дыхательные техники (на это указали 77% участников обучения); офисная йога,

Табл. 2. Тест (до и после тренинга)

Вам предлагается ответить на 10 вопросов по программе тренинга «Stress Management». На каждый вопрос дано по 3 варианта ответов. Выберите тот вариант, который наиболее полно и правильно раскрывает ответ на вопрос.

Стресс — это:	• состояние напряжения, возникающее у человека под влиянием сильных воздействий; • негативное состояние, которое приносит вред, наносит ущерб эффективности сотрудников и организации в целом; • состояние эмоционального напряжения, отрицательно влияющее на результативность человека.
Стресс проявляется на трех уровнях:	• рациональном, иррациональном, эмоциональном; • физиологическом, психологическом, поведенческом; • эмоциональном, логическом, образном.
Согласно концепции Г. Селье, выделяются следующие стадии стресса:	• тревога, сопротивление, истощение; • начало стресса, стадия кризиса, упадок сил; • стадия внутреннего сопротивления раздражающим факторам, стадия истощения энергетических запасов, полный упадок сил и потеря способности организма к сопротивлению.
Знание психофизиологических механизмов стресса позволяет управлять им на 5 уровнях:	• эмоции, тело, мысли, дыхание, установки; • знания, умения, навыки, привычки, опыт; • снижение активации гипоталамуса, выработка эндорфинов, запуск парасимпатической нервной системы, снятие мышечных зажимов, работа с пространством сознания.
Рефрейминг — это:	• переформулирование негативных мыслей в позитивные; • формулировка личной ответственности за развитие ситуации; • способ не реагировать на стрессовую ситуацию.

Table 2. Test (before and after the training)

We ask you to answer 10 questions on the “Stress Management” training programme. Each question has 3 possible answers. Choose the option that answers the question most fully and correctly.

Stress is:	• a state of tension a person experiences under strong pressure; • a negative and harmful state that damages the efficiency of employees and the organisation as a whole; • a state of emotional tension that negatively affects a person's performance.
Stress manifests itself at three levels:	• rational, irrational, emotional; • physiological, psychological, behavioral; • emotional, logical, figurative.
G. Selye identifies the following stages of stress:	• anxiety, resistance, exhaustion; • the onset of stress, the stage of crisis, loss of energy; • the stage of internal resistance to irritating factors, the stage of depletion of energy reserves, a complete breakdown and loss of the body's ability to resist.
Awareness of the psychophysiological mechanisms of stress makes it possible to manage stress at five levels:	• emotions, body, thoughts, breathing, attitudes; • knowledge, abilities, skills, habits, experience; • decrease in the activation of the hypothalamus, the production of endorphins, the launch of the parasympathetic nervous system, the removal of muscle cramps, work with consciousness.
Reframing is:	• reformulating negative thoughts into positive ones; • formulation of personal responsibility for the development of the situation; • a way not to react to a stressful situation.

Табл. 3. Контроль качества обучения

№п/п	Срок проведения	Содержание	Ответственный за проведение	Кто участвует
1	За 7–10 дней до тренинга	Заполнение самооценочных и оценочных форм (в т. ч. психодиагностических методик)	Менеджер по обучению	Участники программы и их непосредственные руководители
2	Перед началом тренинга (1-й день программы)	Заполнение формы входного контроля (тест)	Тренер	Участники программы
3	По окончании тренинга (заключительный день программы)	Заполнение формы выходного контроля	Тренер	Участники программы
4	Через 21 день после проведения тренинга	Тестирование участников тренинга на уровень знаний	Менеджер по обучению	Участники программы
5	Через 3 дня после проведения тестирования	Проведение индивидуальной беседы с участниками (цель — рекомендации по развитию компетенций)	Непосредственный руководитель участника программы Менеджер по обучению	Участники программы
6	Через 3 дня после проведения беседы	Разработка плана действий по развитию навыков и умений сотрудников (основа — результаты тестирования, анализ деятельности)	Непосредственный руководитель участника программы Менеджер по обучению	Участники программы и их непосредственные руководители
7	Через 3 месяца после первой индивидуальной беседы	Повторное заполнение самооценочных и оценочных форм (цель — отследить динамику развития участника обучения)	Менеджер по обучению	Участники программы и их непосредственные руководители
8	Через 5–7 дней после заполнения форм	Проведение повторной индивидуальной беседы (цель — коррекция плана развития компетенций)	Непосредственный руководитель участника программы Менеджер по обучению	Участники программы

Table 3. Quality control of education

No	Timeframe	Content	Responsible for the event	Who participates
1	7–10 days before the training	Filling in self-assessment and assessment forms (including psychodiagnostic techniques)	Training manager	Programme participants and persons they report to
2	Before the start of the training (1 st day of the programme)	Filling in the entrance control form (test)	Trainer	Programme participants

Table 3. Completion

3	At the end of the training (the final day of the programme)	Filling in the post-training control form	Trainer	Programme participants
4	21 days after the training	Testing the training participants for the level of knowledge	Training manager	Programme participants
5	3 days after the testing	Conducting an individual conversation with the participants (to provide recommendations for the development of competencies)	The person the trainee reports to; training manager	Programme participants
6	3 days after the interview	Development of an action plan to develop the skills and abilities of employees (based on the test results and performance analysis)	The person the trainee reports to; training manager	Programme participants and their line managers
7	3 months after the first individual conversation	Re-filling of self-assessment and assessment forms (to track the dynamics of the development of the training participant)	Training manager	Programme participants and persons they report to
8	5–7 days after filling in the forms	Another individual conversation (to adjust the competency development plan)	The person the trainee reports to; training manager	Programme participants

физические упражнения (55%); поиск позитивного в ситуации, позитивные мысли, рефрейминг (45%); психосаморегуляция, аутогенная тренировка, релаксация (43%); «якорение» (22%); «4 шага в составлении и реализации плана изменения ситуации» (20%); управляемое воображение, визуализация, переключение внимания (20%); «наблюдение» за собой в стрессовой ситуации со стороны (20%); методы профилактики стресса и профессионального выгорания (15%); самомассаж (10%); «3 шага управления эмоциональным состоянием» (10%); поиск поддержки коллег (8%); дарить себе подарки (7%); «выплескивание» отрицательных эмоций с помощью листа гнева (5%); юмор, музыка, ароматерапия (по 3%). Каждый третий участник программы отметил важность понимания психофизиологических механизмов стресса, знание модели стресса. Из числа участников 60% указали на эффективность трехуровневого подхода к управлению стрессом (изменение ситуации, изменение отношения и изменение состояния).

Реализация программ по стресс-менеджменту показывает, что прохождение обучения и приобретенные на тренингах навыки напрямую связаны с профессиональным здоровьем менеджеров и отражаются на выполнении ими прямых функциональных обязанностей.

Оценка эффективности обучения осуществлялась по трем направлениям: 1) анкеты

обратной связи по окончании тренингов, 2) письма прошедшим обучение менеджерам с целью получения информации об использовании полученных на программе знаний и навыков, 3) собеседования с руководителями обучающихся менеджеров с целью получения информации о том, как отразилось обучение на их профессиональной деятельности.

По окончании тренингов проводилось анонимное анкетирование участников обучения, в ходе которого оценивались следующие аспекты программы: полезность, новизна пройденной программы, вовлеченность в работу в ходе программы, отношение к ведущему программы, что из программы планируется использоваться в своей работе, удобство для использования раздаточных материалов.

Средние значения по проведенным 58 программам показывают высокую эффективность такой формы повышения квалификации менеджеров в области профессионального здоровья (оценивание проводилось по 5-балльной шкале):

- полезность программы — 4,7 балла («программа очень полезная, я инвестировал свое время очень эффективно»¹);
- новизна программы — 4,4 («более двух третей программы было для меня новым»);

¹ В высказываниях, приведенных в статье, сохранены авторская орфография и пунктуация.

- вовлеченность в работу в ходе программы — 4,6 («программа сильно увлекала, я не заметил, как прошло время»);
- отношение к ведущему программы — 4,8 («я очень доволен работой ведущего, хочу принять участие в других его программах и буду рекомендовать другим»);
- удобство для использования раздаточных материалов — 4,6 («очень удобны»).

Те высказывания менеджеров по окончании обучения, которые касались здоровья, а также полученных на тренингах знаний и навыков, дают подтверждение влияния тренингов по стресс-менеджменту на профессиональное здоровье. Наиболее типичные фразы из анкет обратной связи:

«Тренинг помог систематизировать знания, логично разложить “по полочкам”, очень ценно, что даны конкретные формулировки и рекомендации»;

«Хоть я и раньше знала многое по стрессу, но в первый раз убедилась реально в продуктивности методик и в способности управлять стрессом»;

«Я пересмотрел свое отношение к стрессу: стресс для меня помимо негативного впечатления стал и детонатором источников резерва моих сил»;

«Многое из услышанного знала, но не придавала значения»;

«Очень интересно, большой объем интересной и главное — полезной информации, много практических рекомендаций, персональные рекомендации»;

«Я уже некоторые моменты использую дома, а на работе много чего можно использовать»;

«Сам Бог, наверное, посылает мне такие, замечательные поддерживающие обучения, после которых по-новому начинаешь воспринимать окружающий мир и находишь ответы на многие вопросы жизни»;

«Ваша программа очень полезна и настраивает на позитивное отношение к жизни, я продолжаю использовать навыки аутогенной тренировки и некоторые упражнения, а также советы из собеседования».

Для того чтобы убрать эмоциональную составляющую, сопровождающую обратную связь сразу после окончания тренинга, всем менеджерам, прошедшим обучение, были отправлены письма через два месяца с целью получения т. н. «сухого остатка». Менеджеров просили в свободной форме высказать свое мнение о прошедшей ранее программе: «Что запомнилось больше всего?», «Что из полученного

на программе используется сейчас (дома, на работе)?».

Более 80% ответивших менеджеров отметили полезность прошедшего обучения, больше всего запомнились и в настоящее время используются на практике офисная йога, методы снятия напряжения, дыхательные упражнения, психофизиология стресса.

Очень часто менеджеры указывают, что применяют полученные навыки снятия стресса не в одиночку, а с привлечением коллег по работе. Кроме того, эти же навыки применяются и дома. Вот как пишут менеджеры:

«При возникновении нестандартных, конфликтных ситуаций, уже не впадаю в панику, как часто было раньше, а стараюсь разобраться в ситуации, получить полную информацию, найти положительные моменты в любых неприятных ситуациях»;

«Лично для меня данная программа была **ОЧЕНЬ** полезной, т. к. сейчас я чувствую в себе уверенность и спокойствие в нестандартных ситуациях, желание не обойти их, а разобраться до конца. Данный факт заметила не только я, а что очень приятно — мой руководитель, который проговорил мне это при оценке деятельности за прошлый год»;

«Как ни странно, Ваш тренинг вспоминаю в течение последнего месяца уже раз 5-ый. Причем добрым словом»;

«Тренинг был, безусловно, полезен. Он помог мне понять, что не надо сразу закидываться на действия — стремиться сразу победить в конфликте или откатить. Можно абстрагироваться от ситуации, посмотреть на нее со стороны и затем начать ей управлять. Постоянно настраиваю себя на мысль: хороший отдых — хорошая работа. Надо давать организму отдыхать, причем разными способами»;

«Самое главное для меня это то, что теперь я чаще всего могу уловить момент и осознать, когда у меня начинает возникать стрессовая ситуация. А значит, я уже могу ее контролировать. Это же отмечаю в нашем коллективе. Если же стресса избежать не удастся, то лучшее упражнение для меня — это задержка дыхания и другие дыхательные упражнения, а еще физическая нагрузка в спортзале. Очень мне понравился способ оценки ситуации — это “просмотреть” эту ситуацию со стороны наблюдателя. Еще я поняла, что для того, чтобы свести к минимуму стрессовые ситуации нужно не делать то, что не нравится, и относиться ко всем людям нравится».

Контент-анализ анкет обратной связи показывает, что у подавляющего большинства

менеджеров после обучения: а) повышается уровень осознанности значения здоровья в профессиональной деятельности; б) повышается уверенность в своих силах и в том, что стрессом можно управлять, профилактика профессионального выгорания — это реальная возможность, она дает результаты; в) возникает «внутренний толчок» к активным шагам по поддержанию собственного профессионального здоровья, повышается мотивация к ведению здорового образа жизни.

Также субъективным показателем эффективности программ обучения с точки зрения усиления фактора здоровья служат результаты опроса руководителей тех менеджеров, которые проходили тренинг. Чаще всего звучали такие высказывания: «После тренинга у менеджеров глаза горят»; «Я вижу, с каким желанием они стали приходить на работу» (Шингаев 2014).

Выводы

Предлагаемые методы и методики оценки эффективности программ обучения (тренингов, семинаров, коуч-сессий) разнообразны и дополняют друг друга. Выбор того или иного инструмента обусловлен как индивидуальными предпочтениями проводящего обучение, так

и спецификой запроса заказчика обучения на получение необходимой информации. В любом случае целесообразно задействовать комплекс инструментов, компактных и удобных для получения требуемой информации.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics approval

The author reports that the research was carried out in accordance with the ethical principles stipulated by for research involving humans and animals.

Литература

- Дроздов, И. Н. (2019) Бизнес-тренинг для персонала предпринимательских организаций: формы, возможности, ограничения, оценка эффективности. *Лидерство и менеджмент*, т. 6, № 3, с. 323–334. <https://doi.org/10.18334/lim.6.3.40982>
- Макаренко, А. (2021) Будьте здоровы! Переживет ли health management кризисные времена. *Психология и бизнес*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psych.ru/library/3106> (дата обращения 24.04.2021).
- Макшанов, С. И. (1993) Профессиональный тренинг. В кн.: Г. С. Никифоров (ред.). *Психология профессиональной подготовки*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 44–81.
- Маркова, А. К. (1996) *Психология профессионализма*. М.: Знание, 308 с.
- Рыбалко, А. В., Ганич, Л. В. (2019) Оценка эффективности тренинга в организации. В кн.: Е. Г. Кошелева (ред.). *Географические и экономические исследования в контексте устойчивого развития государства и региона. Материалы международной научно-практической конференции 31 октября — 1 ноября 2019 г.* Донецк: Изд-во Донецкого национального университета, с. 248–250.
- Шингаев, С. М. (2014) *Психологическое обеспечение профессионального здоровья менеджеров. Диссертация на соискание степени доктора психологических наук*. СПб., СПбГУ, 573 с.
- Serhat, K. (2018) Kirkpatrick model: Four levels of learning evaluation. *Educational technology*. [Online]. Available at: <https://educationaltechnology.net/kirkpatrick-model-four-levels-learning-evaluation/> (accessed 24.04.2021).

References

- Drozдов, I. N. (2019) Biznes-trening dlya personala predprinimatel'skikh organizatsij: formy, vozmozhnosti, ogranicheniya, otsenka effektivnosti [Business training for personnel of entrepreneurial organizations: Forms, opportunities, limitations, performance evaluation]. *Liderstvo i menedzhment — Leadership and Management*, vol. 6, no. 3, pp. 323–334. <https://doi.org/10.18334/lim.6.3.40982> (In Russian)
- Makarenko, A. (2021) Bud'te zdorovy! Perezhivet li health management krizisnye vremena [Be healthy! Will health management the crisis times?] *Psikhologiya i biznes*. [Online]. Available at: <http://www.psych.ru/library/3106> (accessed 24.04.2021). (In Russian)

- Makshanov, S. I. (1993) Professional'nyj trening [Professional training]. In: G. S. Nikiforov (ed.). *Psikhologiya professional'noj podgotovki [Psychology of vocational training]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 44–81. (In Russian)
- Markova, A. K. (1996) *Psikhologiya professionalizma [Psychology of professionalism]*. Moscow: Znanie Publ., 308 p. (In Russian)
- Rybalko, A. V., Ganich, L. V. (2019) Otsenka effektivnosti treninga v organizatsii [Evaluating the effectiveness of training in the organization]. In: E. G. Kosheleva (ed.). *Geograficheskie i ekonomicheskie issledovaniya v kontekste ustojchivogo razvitiya gosudarstva i regiona. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii 31 oktyabrya — 1 noyabrya 2019 g. [Geographic and economic research in the context of sustainable development of the state and region. Proceedings of the international scientific and practical conference 31 October — 1 November, 2019]*. Donetsk: Donetsk National University Publ., pp. 248–250. (In Russian)
- Serhat, K. (2018) Kirkpatrick model: Four levels of learning evaluation. *Educational technology*. [Online]. Available at: <https://educationaltechnology.net/kirkpatrick-model-four-levels-learning-evaluation/> (accessed 24.04.2021). (In English)
- Shingaev, S. M. (2014) *Psikhologicheskoe obespechenie professional'nogo zdorov'ya menedzherov [Psychological support of professional health of managers]*. PhD dissertation (Psychology). Saint Petersburg, Saint Petersburg State University, 573 p. (In Russian)

Check for updates

Цифровая эволюция современного
образования: психологическая теория
и практика

УДК 159.9

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-339-351>

Психологическая адаптация к обучению с использованием дистанционных образовательных технологий обучающихся, имеющих перерыв в получении образования

Е. В. Коробова¹, С. В. Васильева^{✉2}

¹ Педагогический колледж № 4 Санкт-Петербурга,

194214, Россия, г. Санкт-Петербург, Костромской пр., д. 46, лит. А

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,

191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторах

Екатерина Витальевна Коробова,
SPIN-код: 2176-0193,
e-mail: korobova.pk4@gmail.com

Светлана Викторовна Васильева,
SPIN-код: 9387-8525,
Scopus AuthorID: 57221043888,
ResearcherID: N-3380-2019,
ORCID: 0000-0002-6052-3431,
e-mail: vivatvsv@mail.ru

Для цитирования:

Коробова, Е. В., Васильева, С. В.
(2021) Психологическая
адаптация к обучению
с использованием дистанционных
образовательных технологий
обучающихся, имеющих перерыв
в получении образования.
*Психология человека
в образовании*, т. 3, № 3, с. 339–351.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-339-351>

Получена 16 апреля 2021; прошла
рецензирование 13 мая 2021;
принята 19 мая 2021.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © Е. В. Коробова,
С. В. Васильева (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей психологической адаптации взрослых, имеющих значительный перерыв в получении образования, к обучению с использованием дистанционных образовательных технологий. Актуальность изучения данной проблематики определяется недостаточной представленностью подобных исследований, а также необходимостью разработки программ дистанционного обучения с учетом специфики данной категории обучающихся.

В исследовании приняли участие 60 студентов, обучающихся по направлению «Дошкольное образование» в государственном бюджетном профессиональном образовательном учреждении «Педагогический колледж № 4 Санкт-Петербурга», 30 студентов без перерыва в получении, 30 студентов — с перерывом в получении образования. В диагностический комплекс были включены методики, направленные на диагностику различных аспектов адаптации к обучению: мотивационный компонент (Шкала академической мотивации), аффективный компонент (Методика оценки психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности; Индикатор копинг-стратегий); когнитивный компонент (Методика «Тип мышления»), деятельностный компонент (Методика «Диагностика стилей учебной деятельности») и анкета, направленная на выявление отношения к дистанционным образовательным технологиям у студентов.

Результаты исследования подтвердили наличие существенных различий в мотивации обучения (преобладание мотивации достижения и мотивации самоуважения у обучающихся с перерывом в получении образования), эмоциональном ответе на трудности в обучении (повышенный уровень напряжения, сниженный эмоциональный тонус), а также предпочтении копинг-стратегии избегания неудач у обучающихся с перерывом в получении образования. Кроме того, студентов с перерывом в получении образования характеризуют особенности в организации собственного обучения, проявляющиеся в ориентации на скрупулезную проверку данных, проверку убедительности заключений и достоверности выводов, а также в затруднениях при необходимости проявлять гибкость и разносторонность педагогических технологий в обучении.

С учетом выявленных особенностей данной категории обучающихся и их затруднений при обучении с использованием дистанционных образовательных технологий предлагаются практические рекомендации для педагогов, разрабатывающих и реализующих программы дистанционного обучения на основе модульного подхода и специфики обучения взрослых.

Ключевые слова: психологическая адаптация к обучению, субъективные и объективные факторы успешности адаптации к обучению, студенты, имеющие перерыв в получении образования, дистанционные образовательные технологии, особенности дистанционного обучения взрослых.

Psychological adaptation of students continuing their education after a break to distance learning

E. V. Korobova¹, S. V. Vasileva^{✉2}

¹ Teachers' Training College No. 4 of Saint-Petersburg, 46A Kostromskoy Av., Saint Petersburg 194214, Russia

² Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Authors

Ekaterina V. Korobova,
SPIN: 2176-0193,
e-mail: korobova.pk4@gmail.com

Svetlana V. Vasileva,
SPIN: 9387-8525,
Scopus AuthorID: 57221043888,
ResearcherID: N-3380-2019,
ORCID: 0000-0002-6052-3431,
e-mail: vivatvsv@mail.ru

For citation:

Korobova, E. V., Vasileva, S. V.
(2021) Psychological adaptation
of students continuing their
education after a break to distance
learning. *Psychology in Education*,
vol. 3, no. 3, pp. 339–351.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-339-351>

Received 16 April 2021;
reviewed 13 May 2021;
accepted 19 May 2021.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © E. V. Korobova,
S. V. Vasileva (2021). Published
by Herzen State Pedagogical
University of Russia. Open access
under [CC BY-NC License 4.0](#).

Abstract. This article focuses on psychological adaptation of adults who have had a significant break in their education to distance learning. This topic has not seen extensive research but is important to tailor distance learning programmes to such students.

The study involved 60 female students majoring in pre-school education at the St Petersburg Pedagogical College No. 4: 30 students continuing their education without any breaks and 30 students continuing their education after a break. The set of assessment tools included techniques aimed at evaluating various aspects of a student's learning adaptation: motivation (Scale of Academic Motivation), affective component (Methodology for Assessing Mental Activation, Interest, Emotional Tone, Tension and Comfort; Coping Strategy Indicator); cognitive component ("Type of Thinking"), activity component ("Assessment of Learning Styles") and a questionnaire aimed at identifying students' attitudes towards distance learning technologies.

The results of the study confirmed the existence of significant differences in motivation for learning (predominance of motivation for achievement and motivation for self-esteem), emotional response to learning difficulties (increased level of stress, decreased emotional tone) and preference for loss-aversion coping strategies in students continuing their education after a break. Additionally, students continuing their education after a break have a different learning style, tend to verify data more scrupulously, focus on checking persuasiveness and reliability of their conclusions and have difficulties showing flexibility and versatility in their learning.

Taking into account the challenges these students face in distance learning, we have drafted practical recommendations for teachers developing and implementing distance learning programmes based on a modular approach and the unique nature of adult learning.

Keywords: psychological adaptation to learning, subjective and objective factors of successful adaptation to learning, students taking a break in their education, distance learning technologies, distance learning for adults.

Введение

В настоящее время стремительно растет количество людей, возобновляющих получение образования после перерыва разной длительности. Необходимость обучения в учреждениях профессионального образования связана, в первую очередь, с повышающимся уровнем требований к соответствию работников профессиональным стандартам и, соответственно, уровню квалификации.

Зачастую именно обучающиеся, имеющие перерыв в образовании, сталкиваются с рядом проблем в адаптации к обучению: затруднения в планировании самостоятельной учебной деятельности, неэффективность приемов и способов организации собственной учебной деятельности, трудности в поиске информации, сниженная скорость приобретения знаний, сложности в организации знаний в систему,

повышенная тревожность, связанная с возможным неуспехом в учебной деятельности, и др. Особенно явно эти сложности проявляются в случае использования дистанционных образовательных технологий (далее — ДОТ), так как современные образовательные программы не всегда адаптированы под потребности взрослых, имеющих перерыв в получении образования, в планировании образовательного процесса не учитываются трудности таких обучающихся при интеграции в современную информационно-образовательную среду. Часто у педагогов отсутствует опыт разработки программ дистанционного и смешанного обучения, поэтому ДОТ применяются ими интуитивно, без учета особенностей студентов. Методистами и педагогами при разработке учебных материалов, предназначенных для дистанционного обучения, как правило, не учитываются особенности мотивации, познавательных стратегий и стилей учебной

деятельности, а также уровня адаптации к работе с ДОТ различных групп студентов.

Сегодня вопрос влияния перерыва в получении образования на психологическую адаптацию взрослых к обучению остается малоизученным. Тем не менее в новых образовательных условиях все студенты вынуждены работать с элементами ДОТ. Таким образом, изучение особенностей психологической адаптации взрослых, имеющих перерыв в получении образования, к обучению с использованием ДОТ является актуальным и имеет большое практическое значение.

Теоретический обзор современного состояния проблемы

В нашем исследовании психологическую адаптацию студентов к обучению мы рассматриваем как процесс вхождения личности в совокупность ролей и форм деятельности в образовательном учреждении, процесс содержательного и творческого приспособления к особенностям избранной профессии и специальности, как приспособление к новым формам, методам и технологиям учебно-воспитательной деятельности, к новым формам контроля за качеством обучения студента (Авдиенко, Головешкин 2009).

Традиционно выделяют следующие виды психологической адаптации к процессу обучения: организационная адаптация — изучение принятых норм и требований в образовательной организации, внутреннее принятие и построение своего поведения сообразно ситуации; деятельностная адаптация — определение собственных прав и обязанностей в роли студента, а также требований деятельности в процессе обучения; профессиональная адаптация — готовность и стремление овладеть профессией, понимание ее сути; социально-психологическая адаптация — самоутверждение в группе, налаживание рабочих и личных доброжелательных отношений с однокурсниками и преподавателями. В общем процессе адаптации студентов выделяют и отдельные «критические точки», соответствующие различным этапам обучения, которые требуют максимального внимания к личности студента, так как нагрузка на адаптивные ресурсы человека в эти периоды наиболее высока. Одной из таких критических точек является начало обучения, то есть первый семестр первого года обучения (Васильева 2000).

Студент-первокурсник неизбежно сталкивается с новыми для него образовательными условиями: в современном образовании это, пре-

жде всего, непрерывно развивающаяся информационно-образовательная среда, взаимодействие с которой предъявляет высокие требования к навыкам самостоятельной работы и самоорганизации (Стариков 2011). Так, в образовательных организациях создаются и используются различные информационные образовательные ресурсы, разрабатываются учебно-методические комплексы, которые обеспечивают эффективную самостоятельную работу студентов (включая обучение и контроль знаний), методическое и дидактическое сопровождение подготовки, а также информационную поддержку обучения. Такие ресурсы зачастую представлены на различных типах носителей, размещаются в цифровом виде (электронные тексты, мультимедиа, аудио- и видеоматериалы и др.) и часто аккумулированы в электронных библиотечных системах. Это означает, что студенты должны не только уметь использовать необходимые для обучения ресурсы, но и успешно ориентироваться в современной информационно-образовательной среде. Важно отметить, что отсутствие необходимых умений, знаний и навыков работы с этим видом ресурсов может приводить к психоэмоциональному перенапряжению, что влечет за собой риск развития хронического стресса, болезней адаптации (Васильева 2000; Смирнов, Живаев 2009).

Успешность процесса адаптации определяется целым рядом субъективных и объективных факторов: среди субъективных факторов особое внимание уделяют мотивационным, темпераментным, когнитивным особенностям личности, усвоенным способам эмоционального реагирования на новые жизненные обстоятельства и стилевым особенностям учебной деятельности; среди объективных факторов отмечается роль пола, возраста, особенностей образовательной среды и методов обучения (Микляева, Безгодова, Васильева и др. 2017; Смирнов, Живаев 2009; Степанова, Ламонина 2016).

В педагогической практике очень часто понятия «дистанционные образовательные технологии» и «электронное обучение» употребляются как синонимы, хотя синонимичными не являются. История возникновения электронного обучения тесно связана с дистанционным обучением. Дистанционное обучение получило распространение в начале XIX века, когда образование можно было получить заочно, по переписке, т. е. дистанционно, без непосредственного взаимодействия с преподавателем. Понятие «дистанционное обучение» стало широко использоваться в России с 90-х годов XX века и с тех пор трактуется как «целенаправленный,

организованный процесс интерактивного взаимодействия обучающихся и обучающихся между собой и со средствами обучения, инвариантный к их расположению в пространстве и времени, который реализуется в специфической дидактической системе» (Андреев, Солдаткин 1999, 33).

С началом повсеместной компьютеризации и появлением сети Интернет дистанционное обучение получило новый виток развития. Стало возможным передавать большое количество информации на расстояние, размещать учебные материалы в сети Интернет, что сделало образование общедоступным.

В нашей работе под дистанционными образовательными технологиями понимаются «образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» (Отекина 2017, 127). Современное дистанционное обучение — это форма организации учебного процесса, соединяющая в себе традиционные и новые информационные технологии обучения, основывающаяся на принципе самостоятельного получения знаний, предполагающая в основном телекоммуникационный принцип доставки обучаемому учебного материала и интерактивное взаимодействие обучаемых и преподавателей как непосредственно в процессе обучения, так и при оценке полученных ими в процессе обучения знаний и навыков (Зубов, Зубова 2004).

Педагогическая наука акцентирует внимание на следующих особенностях дистанционного обучения: наличие согласия студента на применение образовательной организацией ДОТ при реализации образовательной программы; техническое и программное обеспечение бесперебойного образовательного процесса; пространственное разделение преподавателя и обучаемого; пространственное разделение студента и образовательной организации; взаимодействие между всеми участниками образовательного процесса; подбор материалов, предназначенных специально для дистанционной работы.

Дистанционное образование имеет свои преимущества и недостатки. С. С. Демцура и В. Р. Якупов на основе анализа ситуации в российских вузах в качестве положительных сторон дистанционного образования отмечают возможность самостоятельно выбирать время и место для учебы, гибкие сроки обучения, снижение расходов на обучение за счет отсутствия

затрат на проезд к месту учебы и обратно, возможность организовать обучение большого количества студентов. Доступ к учебным материалам через интернет осуществляется практически из любой точки мира, дистанционные технологии позволяют заниматься помимо обучения еще и другими видами деятельности. К недостаткам дистанционного образования авторы относят «аспекты, которые негативно влияют в целом на получение знаний. Во-первых, рядом нет человека, который мог бы “эмоционально окрашивать” процесс обучения. Во-вторых, существуют обязательные технические и программные требования (должен быть персональный компьютер, программное обеспечение и бесперебойный доступ к интернету). В-третьих, одной из проблем обучения остается проблема идентификации пользователя во время проверки знаний (невозможно установить, кто именно выполнил эту работу). В-четвертых, дистанционное образование требует самодисциплины от студентов. В-пятых, высокая сложность разработки дистанционных учебных курсов» (Демцура, Якупов 2020, 33).

В последнее время в связи с массовым переходом в 2020 году образовательных организаций в России к онлайн-обучению с применением ДОТ появилось большое количество исследований, направленных на изучение затруднений, возникающих у студентов во время дистанционного обучения, результаты которых указывают на то, что студенты отдают предпочтение очному формату обучения, живому непосредственному общению с преподавателями, испытывают страх не сдать сессию, тревожатся по поводу возможного невыполнения заданий в установленные сроки и др. Исследования показывают, что студенты больше удовлетворены собой и своей самореализацией в роли студента в условиях очного обучения; кроме того, активно исследуются личностные качества, которые усложняют онлайн-обучение (Олейник, Муталова, Безенкова, Мананникова 2020; Углова, Королева, Богдановская и др. 2020 и др.). И эти затруднения характерны для молодых людей, несмотря на то, что поколение «цифровых аборигенов» демонстрирует большую готовность к изменениям, чем лица в возрасте старше 24 лет (Сиврикова, Харланова 2020).

Обучение студентов, получающих среднее или высшее профессиональное образование спустя много лет после окончания школы, должно строиться с учетом достижений андрогогики — науки, разрабатывающей теорию и методику обучения взрослых. Важно понимать, что взрослый человек, возвращающийся к учебной

деятельности после длительного перерыва, встречается со множеством трудностей, связанных как со страхом и неуверенностью в себе (возможно, обусловленных предыдущим негативным опытом, боязнью выглядеть некомпетентным), осознанностью мотивов обучения, ориентацией на конкретные, актуальные для профессиональной деятельности цели и задачи, так и с объективным снижением функционирования познавательных процессов. Кроме того, полученный ранее опыт обучения в рамках старой педагогической парадигмы не позволяет студенту сразу переключиться на обучение с использованием современных информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) (Степанова, Ламонина 2016).

Поэтому в работе со взрослыми обучающимися преподавателю важно учитывать особенности дистанционного обучения взрослых для создания так называемой адаптивной системы обучения, а именно: доступность (важно обеспечить возможность изучения учебных материалов в удобное для студента время); модульность (построение учебного процесса направлено на получение необходимых знаний, материал структурирован по модулям, сформулированы достижимые цели и задачи каждого модуля); гибкость (студент свободен самостоятельно выбирать форму получения знаний (чтение лекций, изучение методической или учебной литературы, прослушивание подкастов, просмотр видеоматериалов)); обратная связь (взрослый обучающийся нуждается в комментариях преподавателя и своевременной оценке своей работы) (Лебедева, Павлова 2012; Ромашко 2016).

Таким образом, недостаточная представленность исследований психологической адаптации к обучению с использованием ДОТ обучающихся, имеющих перерыв в получении образования, и необходимость включения данной формы работы со студентами в их профессиональную подготовку явились причинами, побудившими провести исследование по данной проблематике и на его основе разработать практические рекомендации для педагогов, осуществляющих обучение данной категории студентов.

Организация и методы исследования

Целью данного исследования было изучение особенностей психологической адаптации к обучению с использованием дистанционных образовательных технологий обучающихся с перерывом в получении образования.

Гипотеза исследования заключалась в том, что существует взаимосвязь между перерывом в получении образования и спецификой психологической адаптации обучающихся (а именно, с такими ее аспектами, как: доминирующая мотивация, используемые копинг-стратегии, особенности познавательных стратегий и способов организации учебной деятельности).

Предметом исследования выступила психологическая адаптация к обучению с использованием дистанционных образовательных технологий.

В выборочную совокупность вошли 60 респондентов — студенты 1 курса специальности «Дошкольное образование» (женщины). Из них: 30 человек имеют перерыв в получении образования (средняя продолжительность перерыва в получении образования — 22 года) и 30 человек не имеют перерыва в получении образования (в качестве группы сравнения). Средний возраст студентов, имеющих перерыв в получении образования, — 41 год, средний возраст студентов, не имеющих перерыва в получении образования, — 21 год. Базой для проведения исследования послужило государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Педагогический колледж № 4 Санкт-Петербурга».

Для проведения исследования были отобраны методики, с помощью которых можно диагностировать мотивационный, аффективный, когнитивный и деятельностный компоненты психологической адаптации к обучению: «Шкала академической мотивации» (Т. О. Гордеева, О. А. Сычев, Е. Н. Осин); «Методика оценки психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности» (Т. А. Немчин, Л. А. Курганский); «Индикатор копинг-стратегий» (Д. Амирхан); «Тип мышления» (Г. В. Резапкина); «Диагностика стилей учебной деятельности» (Н. Энтвистл, перевод и адаптация Л. Г. Васильева, В. В. Бурлакова) и анкета, направленная на выявление отношения к ДОТ у студентов.

Сбор данных включал в себя очную групповую диагностику по выбранным методикам, анкетирование на выявление отношения студентов к ДОТ проводилось дистанционно с помощью Google Forms.

Для статистической обработки результатов исследования использовались сравнительный анализ (t-критерий Стьюдента) и корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена).

Результаты и их обсуждение

В ходе анализа особенностей мотивации учебной деятельности были выявлены значимые различия между группой «с перерывом в образовании» и группой «без перерыва в образовании» по показателям мотивации достижения и мотивации самоуважения (табл. 1).

Таким образом, студенты, имеющие перерыв в получении образования, в большей степени нацелены на достижение успехов в учебной деятельности и рассматривают успешное продолжение обучения в качестве одной из важных составляющих позитивной самооценки. Кроме того, мотивация самоуважения положительно коррелирует с длительностью перерыва в образовании ($r = 0,596$, $p < 0,001$), указывая на то, что для студентов, имеющих перерыв в получении образования, приоритетом в обучении является избегание социального отторжения, и их действия направлены на то, чтобы как можно полнее оправдать ожидания окружающих.

При анализе особенностей состояния студентов были выявлены значимые различия между группой «с перерывом в образовании» и группой «без перерыва в образовании» по показателям психической активации, эмоционального тонуса, напряжения и комфорта в процессе обучения (табл. 2).

Результаты показали, что сниженная психическая активация у студентов из группы, имеющих перерыв в получении образования, может проявляться в неясности сознания, некоторой замедленности действий, движений и психомоторных реакций, в нежелании изменять ситуацию, по сравнению с группой студентов, не имеющих перерыва в получении образования. Напряжение как стержневая характеристика психического состояния проявляется в форме ощущения нарушения равновесия, внутреннего дискомфорта, а также готовности изменить поведение при встрече с каким-либо угрожающим фактором, которые характерны в большей степени для студентов, имеющих перерыв в получении образования.

Различия в используемых студентами для разрешения проблем и снятия напряжения копинг-стратегиях оказались связаны со стратегией избегания проблем, которая в большей степени характеризует студентов с перерывом в получении образования и может проявляться в недостаточной подготовке к экзаменам и урокам, пропускам занятий; такой формат работы провоцирует экстренную подготовку к экзаменам, семинарским и иным занятиям, что влечет за собой трудности в усвоении информации, быстрое (поверхностное) запоминание и быструю утрату приобретенных знаний.

Табл. 1. Результаты сравнительного анализа видов академической мотивации в группах студентов с перерывом / без перерыва в образовании

Шкала	$X \pm \sigma$ в группе «с перерывом»	$X \pm \sigma$ в группе «без перерыва»	Уровень значимости различий
Мотивация достижения	$17,933 \pm 1,818$	$13,5 \pm 3,224$	0***
Мотивация самоуважения	$16,7 \pm 2,184$	$14,933 \pm 3,194$	0,016*

Условные обозначения (здесь и далее): * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$, X — среднее значение по группе, σ — среднее квадратичное отклонение.

Table 1. Results of the comparative analysis of academic motivation in groups of students with/without a gap in study

Scales	$X \pm \sigma$ in the group that took a gap	$X \pm \sigma$ in the group that did not take a gap	Significance level of difference
Motivation of achievement	17.933 ± 1.818	13.5 ± 3.224	0***
Motivation of self-respect	16.7 ± 2.184	14.933 ± 3.194	0.016*

Legend (in here and what follows): * — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$; *** — $p < 0.001$, X — group mean value, σ — root-mean-square deviation.

Табл. 2. Результаты сравнительного анализа показателей психического состояния и используемых копинг-стратегий в группах студентов с перерывом / без перерыва в образовании

Шкалы	X ± Б в группе «с перерывом»	X ± Б в группе «без перерыва»	Уровень значимости
Психическая активация	10,3 ± 3,271	13,133 ± 3,857	0,004**
Эмоциональный тонус	8,233 ± 3,081	10,433 ± 2,725	0,016*
Напряжение	14,6 ± 3,147	12,967 ± 1,829	0,03*
Комфортность	9,7 ± 3,098	11 ± 2,865	0,048*
Копинг-стратегия избегания проблем	19,633 ± 4,047	16,533 ± 3,071	0,002**

Table 2. Results of the comparative analysis of psychic state and copying strategies in groups of students with/without a gap in study

Scales	X ± Б in the group that took a gap	X ± Б in the group that did not take a gap	Level of significance
Psychic activation	10.3 ± 3.271	13.133 ± 3.857	0.004**
Emotional state	8.233 ± 3.081	10.433 ± 2.725	0.016*
Tension	14.6 ± 3.147	12.967 ± 1.829	0.03*
Comfort	9.7 ± 3.098	11 ± 2.865	0.048*
Coping strategy to avoid problems	19.633 ± 4.047	16.533 ± 3.071	0.002**

Степень выраженности ориентации на избегание проблем положительно коррелирует с длительностью перерыва в получении образования ($r = 0,565$, $p < 0,01$), а предпочтение в использовании стратегии, связанной с поиском социальной поддержки, отрицательно взаимосвязано с длительностью перерыва в получении образования ($r = -0,418$, $p < 0,05$), что указывает на неумение студентов из этой группы решать проблемы за счет привлечения внешних ресурсов, отсутствие навыков эффективного взаимодействия с другими людьми в стрессогенных ситуациях, нежелание получать советы, сочувствие или конкретную действенную помощь.

Для изучения особенностей познавательных процессов была использована методика «Тип мышления» Г. В. Резапкиной. Анализ полученных результатов с помощью t-критерия Стьюдента не показал значимых различий между группами

студентов: студенты с перерывом в получении образования и без него не различаются по степени сформированности предметно-действенного, абстрактно-символического, словесно-логического, наглядно-образного мышления и креативности. Однако результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что креативность отрицательно взаимосвязана с длительностью перерыва в получении образования ($r = -0,374$, $p < 0,05$), и трудности, возникающие у студентов с перерывом в образовании, могут объясняться в том числе отсутствием внутренней готовности выйти за рамки общепринятых правил и использованием хорошо усвоенных и привычных алгоритмов мышления.

Для определения ведущих стилей учебной деятельности нами была использована методика «Диагностика стилей учебной деятельности»

Н. Энствилла. Были выявлены значимые различия между предпочитаемыми стилями учебной деятельности для студентов с перерывом и без перерыва в получении образования (табл. 3).

Результаты исследования показывают, что для студентов с перерывом в получении образования характерен более глубокий подход к учению, стремление установить и понять логические связи между изучаемыми явлениями, они ориентированы на скрупулезную проверку данных, проверку убедительности заключений и достоверности выводов. Но у студентов этой группы слабо выражена концентрация на отдельных деталях, есть затруднения как при углублении в детали, так и в построении общей картины изучаемого материала, обнаруживаются затруднения и при необходимости проявлять гибкость и разносторонность в обучении.

Для выявления отношения студентов к обучению с использованием дистанционных

образовательных технологий была использована авторская анкета. На момент проведения анкетирования только 13% студентов с перерывом в получении образования положительно относились к обучению с использованием ДОТ. Из числа опрошенных 90% студентов, имеющих перерыв в получении образования, главным плюсом такого обучения считают возможность его совмещения с работой. Важным для студентов этой группы является также возможность развития ИКТ-компетенций. Для студентов, имеющих перерыв в получении образования, главным недостатком ДОТ является отсутствие живого общения с педагогами (90%) студенты также отмечают, что отсутствие четких инструкций при работе с ДОТ может являться одним из факторов, провоцирующих возникновение трудностей в усвоении материала. 70% студентов испытывают внутреннее сопротивление при работе с ДОТ, а 67% фиксируют у себя наличие негативных переживаний, 60% студентов

Табл. 3. Результаты сравнительного анализа стилей учебной деятельности в группах студентов с перерывом / без перерыва в образовании

Стили учебной деятельности	X ± 6 в группе «с перерывом»	X ± 6 в группе «без перерыва»	Уровень значимости
С (глубокий подход к учению)	10,467 ± 1,042	7,2 ± 1,424	0***
Е (понимающий подход)	8,767 ± 1,547	5,933 ± 2,273	0***
F (концентрация на отдельных деталях)	4,967 ± 2,008	8,1 ± 1,583	0***
G (схватывание общего плана)	5 ± 1,838	7,533 ± 1,592	0***
E3 (многосторонний гибкий подход к учению)	27,5 ± 5,171	34,533 ± 2,886	0***

Table 3. Results of the comparative analysis of learning styles in groups of students with/without a gap in study

Learning styles	X ± 6 in the group that took a gap	X ± 6 in the group that did not take a gap	Level of significance
C (a deep approach to learning)	10.467 ± 1.042	7.2 ± 1.424	0***
E (learning through understanding)	8.767 ± 1.547	5.933 ± 2.273	0***
F (focus on specific details)	4.967 ± 2.008	8.1 ± 1.583	0***
G (catching a general idea)	5 ± 1.838	7.533 ± 1.592	0***
E3 (multi-faceted flexible approach to learning)	27.5 ± 5.171	34.533 ± 2.886	0***

связывают свое нежелание работать с ДОТ с тем, что «плохо разбираются» в таких технологиях и показывают низкую результативность при их использовании. В качестве приоритетных способов представления материала студенты с перерывом в получении образования чаще выбирают схемы, рисунки и инфографику (43%), видеоуроки выбирают 33% студентов, тексты лекций, книги, дополнительные текстовые материалы хотели бы видеть в электронном учебном курсе 20% студентов.

Таким образом, гипотеза нашего исследования подтвердилась, и программы с использованием ДОТ для обучающихся, имеющих перерыв в получении образования, должны строиться с учетом особенностей их мотивации, эмоционального реагирования на обучение с применением ДОТ, особенностей познавательных процессов и стилевых характеристик адаптации к требованиям учебной деятельности.

Поэтому приоритетными в деятельности преподавателя становятся цели, связанные с обучением студентов работать в дистанционном формате, находить разнообразные решения учебных и профессиональных задач, ставить собственные цели, а также поддерживать и развивать у себя позитивную учебную мотивацию. Так, например, студентам, имеющим перерыв в получении образования, свойственна мотивация самоуважения, поэтому возможно использование внешнего подкрепления в виде графического учета достижений (баллы, награды за выполнение работы), публичную похвалу и положительную оценку деятельности студента, но также важно стимулировать и внутреннюю мотивацию: студенты должны получать удовлетворение от процесса учебы.

Основная функция преподавателя трансформируется из воспитательной и информационной — в сопровождающую и поддерживающую. Обучающиеся, имеющие перерыв в получении образования, нуждаются в том, чтобы преподаватель давал им четкие и определенные задания или поручения. Используя систему дистанционного обучения, можно выстраивать материалы учебного курса таким образом, чтобы студенты могли самостоятельно выбирать для себя разные задачи или виды активности. Электронный курс должен быть максимально полным и содержать всю необходимую информацию для достижения учебной цели, чтобы студентам было легче контролировать цифровое потребление и они могли снизить уровень утомления при обучении с использованием ДОТ.

Одной из главных проблем обучения с использованием ДОТ является опосредованная

коммуникация и отсутствие невербальных сообщений при общении субъектов образовательного процесса. Благодаря использованию цифровых решений можно обеспечить принцип гарантированной обратной связи. Это реализуемо с помощью видеоконференций, а также изображений и эмоджи, голосовых комментариев, видеоответов в индивидуальном общении со студентами. Так как при использовании ДОТ студенты с перерывом в образовании испытывают повышенное психоэмоциональное напряжение, важно проинформировать студента, что каждое выполненное им задание точно будет проверено. Когда по каждому учебному заданию обучающийся получает обратную связь, он понимает, верно ли решена поставленная задача, правильный ли алгоритм решения он использовал, что можно улучшить, какое альтернативное решение задачи можно использовать. Такая организация обучения позволит студенту не только работать с учебными материалами, но и научит ставить перед собой собственные образовательные цели, сформировать осознанный алгоритм их достижения (Коробова 2020).

В связи с этим особый интерес представляет персонализированная модель обучения. При использовании этой модели структурной единицей образовательного процесса является учебный модуль — относительно самостоятельный объект, в котором реализуется одна или несколько учебных целей. Модульное планирование обеспечивает возможность для маневра по времени, поскольку большинство учебных целей невозможно достичь за один урок. Нами было установлено, что для студентов, имеющих перерыв в получении образования, крайне важно иметь свободное от обучения время (это связано с большим количеством социальных ролей), а значит, необходимо предоставлять таким студентам образовательный контент, который будет доступен для изучения в любое удобное время, но при этом позволит пройти все этапы для достижения учебной цели.

Так как студенты с перерывом в образовании испытывают трудности при углублении в детали, целесообразно разрабатывать обучающий курс на основе крупных блоков, что позволяет студентам увидеть ключевые идеи дисциплины. Также важно учитывать повышенное психоэмоциональное напряжение и трудности, которые испытывают такие студенты при выборе способов обучения, которые гарантировали бы им успех в данной конкретной ситуации. Модульный подход к построению курса для организации дистанционного обучения позволяет студентам легче включаться в учебную деятель-

ность, так как она представляется целостной: понятны ее основные задачи, общий объем работ, образ результата. Благодаря модульному подходу студентам легче выявить и понять связи между отдельными элементами курса, преподаватель же может дополнять учебный модуль материалами по необходимости, не нарушая при этом общую структуру (Коробова 2020; Христова 2020).

В структуру учебного модуля целесообразно включать такие элементы, как:

- 1) *Справочный блок* — содержит инструкции по работе с курсом, критерии оценивания, а также дополнительные материалы. Это позволяет студентам не испытывать лишнего напряжения при самостоятельном поиске и анализе учебно-методических материалов по дисциплине, так как зачастую им сложно ориентироваться в больших потоках информации.
- 2) *Оrientировочный блок* — включает в себя мотивационный элемент; основную идею (цель) модуля; описание необходимых умений и навыков; пример работы, которую смогут выполнять студенты после освоения модуля. Блок направлен на повышение мотивации, осознанности обучения.
- 3) *Блок заданий* включает поурочное планирование с поддерживающими материалами.

Основываясь на результатах анкетирования, мы считаем, что необходимо предоставлять информацию в различных видах: текстовые файлы, видеолекции, аудиозаписи. Различные форматы заданий позволяют студенту самостоятельно выбирать наиболее эффективные и удобные варианты работы (посмотреть обучающее видео, изучить лекции, прослушать подкаст, провести эксперимент и пр.). По результатам анкетирования приоритетными видами учебных материалов в группе студентов, имеющих перерыв в образовании, стали видеолекции и схемы, рисунки, графики.

Так как студенты, имеющие перерыв в получении образования, как правило, используют стратегию избегания проблем, необходимо установить четкие временные критерии выполнения работ. Напоминания, автоматически рассылаемые системой дистанционного обучения о необходимости предоставить работу на проверку, дополнительно стимулируют способности обучающихся к самоорганизации.

Вариативные задания. Оптимально сочетать задания с автоматической проверкой, в качестве заданий предлагать как индивидуальные

практические работы, так и групповые проекты, а также творческие задания, способствующие отклонению от традиционных схем мышления, что благоприятно сказывается на развитии креативности студентов.

Важно соблюдать *практическую направленность* в обучении: теоретические знания необходимо подкреплять практикой, при этом практические задания должны быть смоделированы на основе профессиональных реалий.

Обратная связь. Взрослый обучающийся особенно нуждается в своевременной и подробной оценке его работы. В ходе анкетирования мы выяснили, что студенты с перерывом в получении образования часто считают свою работу с ДОТ нерезультативной: по мнению студентов, у них мало что получается, поэтому важно поддерживать студента, отмечать даже незначительные его успехи.

Инструменты рефлексии и самооценки. Важно проводить опросы по итогам курса, анкетирование по результатам работы, самооценку достигнутых результатов.

При использовании модульного подхода работа с каждым студентом индивидуализируется: с помощью видео, аудио и текстовых материалов урок легко повторить, благодаря описанию конкретных целей и задач курса, а также визуальной демонстрации ожидаемого результата студенты более ориентированы на работу. Важно делать образовательный контент максимально доступным и понятным, так как больше половины студентов с перерывом в получении образования испытывают трудности в усвоении учебного материала. Оценки каждого студента автоматически вносятся в электронный журнал, к которому студенты имеют персонализированный доступ, а преподаватель видит актуальную картину успеваемости студентов в любое время. Так как при работе с ДОТ студенты с перерывом в образовании часто переживают негативные эмоции, важно создать возможность для переключения внимания с обязательных, оцениваемых заданий на интересные дополнительные материалы, касающиеся их профессиональной деятельности. Также студент, получающий максимальную пользу от курса, будет успешнее справляться с внутренним сопротивлением обучению с использованием ДОТ.

Выводы

Обобщая результаты эмпирического исследования, можно сформулировать следующие выводы:

1. У студентов, имеющих перерыв в получении образования, преобладают мотивация

самоуважения и мотивация достижения. Существует положительная корреляция между перерывом в образовании и мотивацией самоуважения.

2. Студенты, имеющие перерыв в получении образования, характеризуются повышенным уровнем напряжения (общее ощущение нарушения равновесия, внутренний психологический дискомфорт, вынужденность поведения).
3. Студентам, имеющим перерыв в получении образования, более свойственна копинг-стратегия «избегание проблем». Также у студентов этой группы могут наблюдаться инфантильные формы поведения в стрессовых ситуациях.
4. Наиболее характерная черта стиля учебной деятельности студентов, имеющих перерыв в получении образования, — стремление выявить и понять связи, необходимость скрупулезной проверки данных и убедительности выводов. У студентов этой группы слабо выражена ориентация на выбор способов учения, приносящих успех в данной конкретной ситуации, есть затруднения при углублении в детали.
5. У студентов, имеющих перерыв в образовании, чаще возникают трудности во время использования ДОТ, их эмоции и переживания часто имеют негативную окраску. Большинство студентов этой

группы отмечают, что использование ДОТ увеличивает временные затраты на обучение. Студенты с перерывом в образовании чаще испытывают внутреннее сопротивление при работе с ДОТ, у них проявляется негативная оценка особенностей своего мышления и поведения во время использования ДОТ.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics approval

The authors report that the research was carried out in accordance with the ethical principles stipulated by for research involving humans and animals.

Литература

- Авдиенко, Г. Ю., Головешкин, И. Д. (2009) Особенности адаптации студентов первого курса к образовательной среде вуза. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия: Психология*, № 2, с. 35–47.
- Андреев, А. А., Солдаткин, В. И. (1999) *Дистанционное обучение: сущность, технология, организация*. М.: Изд-во МЭСИ, 196 с.
- Васильева, С. В. (2020) *Структурные и динамические особенности студенческого адаптационного синдрома. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук*. СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 185 с.
- Демцура, С. С., Якупов, В. Р. (2020) Информационные технологии в образовании (на примере дистанционных образовательных технологий в российских вузах). *Наукосфера*, № 7, с. 31–36.
- Зубов, А. В., Зубова, И. И. (2004) *Информационные технологии в лингвистике*. М.: Академия, 208 с.
- Коробова, Е. В. (2020) Использование СДО Google Classroom в работе со взрослыми обучающимися педагогического колледжа на уроках информатики. *Экстернат.РФ*. [Электронный ресурс]. URL: <http://ext.spb.ru/index.php/16700> (дата обращения 12.04.2020).
- Лебедева, И. С., Павлова, Е. Б. (2012) Медиа контент как средство повышения психологической адаптации студентов и эффективности усвоения материала при дистанционном обучении. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*, № 660, с. 116–124.
- Микаяева, А. В., Безгодова, С. А., Васильева, С. В. и др. (2017) Характеристики познавательной сферы и стиль учебной деятельности как факторы успешности адаптации к образовательной среде вуза у студентов различной профильной направленности. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*, т. 22, с. 42–54.
- Олейник, Е. В., Муталова, Д. А., Безенкова, Т. А., Мананникова, А. В. (2020) Изучение проблемы адаптации студентов вуза в условиях самоизоляции к on-line обучению с применением дистанционных образовательных технологий. *Современное педагогическое образование*, № 5, с. 69–72.

- Отекина, Н. Е. (2017) Электронное обучение, дистанционные образовательные технологии. *Инновационная наука*, № 4–2, с. 127–128.
- Ромашко, О. В. (2016) Особенности обучения взрослых посредством дистанционного обучения. *Современный мир: опыт, проблемы и перспективы развития*, т. 2, № 1, с. 16–19.
- Сиврикова, Н. В., Харланова, Е. М. (2020) Стратегии поведения цифровых аборигенов в период пандемии COVID-19. В кн.: *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. Материалы III Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 1–2 октября 2020 г. Вып. 3*. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, с. 648–655. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-59>
- Смирнов, А. А., Живаев, Н. Г. (2009) *Психология вузовской адаптации*. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 115 с.
- Стариков, Д. А. (2011) О понятии мультимедиа технологии и их использовании в образовательном процессе. *Научные исследования в образовании*, № 2, с. 53–55.
- Степанова, Т. Ю., Ламонина, Л. В. (2016) Андрагогические подходы к обучению взрослого населения в процессе реализации программы «Обучение компьютерной грамотности». *Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ*, № 1 (4), статья 22. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-journal.omgau.ru/index.php/vyp-rus/2106-rus/1-4-rus/25-statya-2016-1/258-00085> (дата обращения 30.06.2021).
- Углова, А. Б., Королева, Н. Н., Богдановская, И. М. и др. (2020) Личностные факторы отношения студентов к дистанционной форме обучения. *Письма в Эмиссия.Оффлайн: электронный научный журнал*, № 10, ART 2883. [Электронный ресурс]. URL: <http://emissia.org/offline/2020/2883.htm> (дата обращения 12.04.2020).
- Христова, Ю. А. (2020) Опыт применения дистанционных образовательных технологий при реализации курса «Информационные технологии». *Вопросы педагогики*, № 5-1, с. 405–407.

References

- Avdienko, G. Yu., Goloveshkin, I. D. (2009) Osobennosti adaptatsii studentov pervogo kursa k obrazovatel'noj srede vuza [Features of adaptation of first-year students to the educational environment of the university]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Seriya: Psikhologiya*, no. 2, pp. 35–47. (In Russian)
- Andreev, A. A., Soldatkin, V. I. (1999) *Distsionnoe obuchenie: sushchnost', tekhnologiya, organizatsiya* [Distance learning: Essence, technology, organization]. Moscow: Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics Publ., 196 p. (In Russian)
- Demtsura, S. S., Yakupov, V. R. (2020) Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii (na primere distantsionnykh obrazovatel'nykh tekhnologiy v rossijskikh vuzakh) [Information technologies in education (on the example of distance learning technologies in Russian universities)]. *Naukosfera*, no. 7, pp. 31–36. (In Russian)
- Khristova, Yu. A. (2020) Opyt primeneniya distantsionnykh obrazovatel'nykh tekhnologiy pri realizatsii kursa "Informatsionnye tekhnologii" [Experience of using distance educational technologies in the implementation of the course "Information Technology"]. *Voprosy pedagogiki*, no. 5-1, pp. 405–407. (In Russian)
- Korobova, E. V. (2020) Ispol'zovanie SDO Google Classroom v rabote so vzroslymi obuchayushchimisya pedagogicheskogo kolledzha na urokakh informatiki [Use of LMS Google Classroom in work with adult students of the pedagogical college in computer science lessons]. *Eksternat.RF — Externat.RF*. [Online]. Available at: <http://ext.spb.ru/index.php/16700> (accessed 12.04.2020). (In Russian)
- Lebedeva, I. S., Pavlova, E. B. (2012) Mediakontent kak sredstvo povysheniya psikhologicheskoy adaptatsii studentov i effektivnosti usvoeniya materiala pri distantsionnom obuchenii [Media content as a means of creating a comfortable environment for more effective distance learning]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta — Vestnik of the Moscow State Linguistic University*, no. 660, pp. 116–124. (In Russian)
- Miklyaeva, A. V., Bezgodova, S. A., Vasil'eva, S. V. et al. (2017) Kharakteristiki poznavatel'noj sfery i stil' uchebnoj deyatel'nosti kak faktory uspekhov adaptatsii k obrazovatel'noj srede vuza u studentov razlichnoj profil'noj napravlenosti [Cognitive attributes and learning activity style as aspects of successful adaptation of students of various majors to educational environment]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya — The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology*, vol. 22, pp. 42–54. (In Russian)
- Olejnuk, E. V., Mutalova, D. A., Bezenkova, T. A., Manannikova, A. V. (2020) Izuchenie problemy adaptatsii studentov vuza v usloviyakh samoizolyatsii k on-line obucheniyu s primeneniem distantsionnykh obrazovatel'nykh tekhnologiy [Studying the problem of adaptation university students in conditions of selfisolation to on-line training with the use of distance education technologies]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie — Modern Pedagogical Education*, no. 5, pp. 69–72. (In Russian)
- Otekina, N. E. (2017) Elektronnoe obuchenie, distantsionnye obrazovatel'nye tekhnologii [E-learning, distance learning technologies]. *Innovatsionnaya nauka*, no. 4–2, pp. 127–128. (In Russian)
- Romashko, O. V. (2016) Osobennosti obucheniya vzroslykh posredstvom distantsionnogo obucheniya [Features of adult learning through distance learning]. *Sovremennyy mir: opyt, problemy i perspektivy razvitiya*, vol. 2, no. 1, pp. 16–19. (In Russian)

- Sivrikova, N. V., Kharlanova, E. M. (2020) Strategii povedeniya tsifrovyykh aborigenov v period pandemii COVID-19 [Behaviour strategies of digital natives during the COVID-19 pandemic]. In: *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 1–2 oktyabrya 2020 g.* [The Herzen University Studies: Psychology in Education. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Saint Petersburg, 1–2 October 2020]. Iss. 3. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 648–655. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-59> (In Russian)
- Smirnov, A. A., Zhivaev, N. G. (2009) *Psikhologiya vuzovskoy adaptatsii* [Psychology of university adaptation]. Yaroslavl: Yaroslavl State University Publ., 115 p. (In Russian)
- Starikov, D. A. (2011) O ponyatii mul'timedia tekhnologii i ikh ispol'zovanii v obrazovatel'nom protsesse [On the concept of multimedia technology and their use in the educational process]. *Nauchnye issledovaniya v obrazovanii*, no. 2, pp. 53–55. (In Russian)
- Stepanova, T. Yu., Lamonina, L. V. (2016) Andragogicheskie podkhody k obucheniyu vzroslogo naseleniya v protsesse realizatsii programmy "Obuchenie komp'yuternoy gramotnosti" [Andragogical approaches to teaching the adult population in the process of implementing the program "Teaching computer literacy"]. *Elektronnyy nauchno-metodicheskij zhurnal Omskogo GAU — Research and Scientific Electronic Journal of Omsk SAU*, no. 1 (4), article 22. [Online]. Available at: <http://e-journal.omgau.ru/index.php/vyp-rus/2106-rus/1-4-rus/25-statya-2016-1/258-00085> (accessed 30.06.2021). (In Russian)
- Uglova, A. B., Koroleva, N. N., Bogdanovskaya, I. M. et al. (2020) Lichnostnye faktory otnosheniya studentov k distantsionnoj forme obucheniya [Personal factors of students' attitude to distance learning]. *Pis'ma v Emissiya. Offlajn: elektronnyy nauchnyy zhurnal — The Emissia. Offline Letters*, no. 10, ART 2883. [Online]. Available at: <http://emissia.org/offline/2020/2883.htm> (accessed 12.04.2020). (In Russian)
- Vasil'eva, S. V. (2020) *Strukturnye i dinamicheskie osobennosti studencheskogo adaptatsionnogo sindroma* [Structural and dynamic features of student adaptation syndrome]. PhD dissertation (Psychology). Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 185 p. (In Russian)
- Zubov, A. V., Zubova, I. I. (2004) *Informatsionnye tekhnologii v lingvistike* [Information technology in linguistics]. Moscow: Publishing House Academia, 208 p. (In Russian)

Check for updates

Клинические и образовательные аспекты
психологии здоровья

УДК 159.9

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-352-360>

Особенности взаимоотношений со сверстниками дошкольников с общим недоразвитием речи

Д. А. Балтийская¹, О. Г. Пархоменко^{✉2}

¹ ГБДОУ № 14 компенсирующего вида Василеостровского района,
199397, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Наличная, д. 40, корп. 6

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторах

Дарья Александровна Балтийская,
e-mail: dashabalt111@mail.ru

Ольга Геннадьевна Пархоменко,
SPIN-код: 4871-0982,
ResearcherID: D-8194-2017,
ORCID: 0000-0003-2386-0049,
e-mail: parhomenkoog@herzen.spb.ru

Для цитирования:

Балтийская, Д. А., Пархоменко, О. Г.
(2021) Особенности
взаимоотношений
со сверстниками дошкольников
с общим недоразвитием речи.

*Психология человека
в образовании*, т. 3, № 3, с. 352–360.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-352-360>

Получена 25 мая 2021; прошла
рецензирование 5 июня 2021;
принята 15 июня 2021.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © Д. А. Балтийская,
О. Г. Пархоменко (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Психическое развитие детей с проблемами в развитии речи, особенности их личностного развития уже давно привлекают внимание психологов и педагогов. Но в последние десятилетия можно наблюдать повышенный интерес к детям с различными проблемами развития речевой сферы. Создается впечатление, что увеличилось количество детей, для которых характерны различной сложности проблемы в развитии речи и которым необходима помощь специалистов в этой области. Но скорее изменилось отношение к данной группе детей, понимание необходимости уделять таким детям больше внимания на профессиональном уровне. Теоретический анализ научно-психологической литературы показывает, что отставание в развитии речевой сферы у дошкольников ведет к глобальному отставанию во всех сферах детского психического развития.

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимоотношений со сверстниками детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи. В исследовании участвовало 58 детей, возраст которых от пяти с половиной до шести с половиной лет. Это 29 детей с общим недоразвитием речи, которые посещают детский сад компенсирующего вида, и 29 детей с нормальным развитием речи. С целью исследования коммуникативных способностей детей были использованы две методики: «Два домика» Т. Д. Марцинковской и карта наблюдения за проявлениями коммуникативных способностей у дошкольников А. М. Щетиной. Целью работы было выяснить, насколько существенна взаимосвязь речевого развития и коммуникативных способностей ребенка.

Результаты исследования показали, что общее недоразвитие речи дошкольника напрямую связано с развитием его коммуникативных способностей. Развитие коммуникативной сферы дошкольников с общим недоразвитием речи существенно отстает от возрастной нормы, коммуникативные действия и умения таких детей, как и коммуникативные качества личности, слабо сформированы. Дети с общим недоразвитием речи чаще, чем их сверстники с нормальным развитием речи, занимают низкий социальный статус в группе. Результаты исследования еще раз подтверждают необходимость комплексной психолого-педагогической работы с дошкольниками с проблемами развития речи.

Ключевые слова: дети с общим недоразвитием речи, дошкольники, коммуникативные способности, коммуникативные качества личности, коммуникативные действия и умения, социометрический статус.

Relationships of pre-schoolers with delayed speech development with their peers

D. A. Baltiyskaya¹, O. G. Parhomenko^{✉2}

¹ GBDOU No. 14 of the compensating type of Vasileostrovsky District, 6 Nalichnaya Str., Saint Petersburg 199397, Russia

² Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Authors

Daria A. Baltiyskaya,
e-mail: dashabalt111@mail.ru

Olga G. Parhomenko,
SPIN: 4871-0982,
ResearcherID: D-8194-2017,
ORCID: 0000-0003-2386-0049,
e-mail: parhomenkoog@herzen.spb.ru

For citation:

Baltiyskaya, D. A., Parhomenko, O. G. (2021) Relationships of pre-schoolers with developmental verbal dyspraxia with their peers. *Psychology in Education*, vol. 3, no. 3, pp. 352–360. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-352-360>

Received 25 May 2021;
reviewed 5 June 2021;
accepted 15 June 2021.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © D. A. Baltiyskaya, O. G. Parhomenko (2021). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. Psychological and personality development of children with speech disorders has been a focus of psychology and education science for a significant period. In recent decades specifically, there has been an increased interest in children with various speech disorders. It seems that the number of children suffering from various difficulties in speech development needing specialised assistance has increased. However, it is more likely that it is the attitude towards this group of children that has changed, together with the understanding that it requires more professional assistance. Analysis of prior research indicates that speech disorders in pre-schoolers lead to challenges in all the other areas of psychological development.

This article presents the results of an empirical study into the relationships of pre-schoolers with delayed speech development with their peers. 58 children aged 5 to 6 years participated in the study: 29 children with delayed speech development attending a special needs kindergarten, and 29 children with normal speech development. Two methods were used to study the communication abilities of children: “Two Houses” by T. D. Marcinkovskaya and the Pre-schooler Communicative Abilities Observation Chart by A. M. Shchetinina. The purpose of the study was to find out the relationship between the development of speech and the communicative abilities of the child. The research has demonstrated that there is a link between delayed speech development in pre-schoolers and the development of their communicative abilities. The development of the communication skills in preschool children with delayed speech development significantly lags behind the age norm, with generally underdeveloped communicative activities and skills. Children with delayed speech development are more likely than their peers with normal speech development to occupy a low social status in the group. The results of this research once again confirm the need for comprehensive psychological and pedagogical work with pre-schoolers with problems of speech development.

Keywords: children with delayed speech development, pre-school children, communicative abilities, communicative aspects of children’s personality, communicative actions and skills, sociometric status.

Введение

Внимание к детям с проблемами развития речи, изучению особенностей их личностного развития и в психологии, и в педагогике было всегда. Но в последние десятилетия можно наблюдать разносторонний профессиональный интерес к детям с различными проблемами развития речевой сферы. Все больше появляется специализированных детских садов, в штат которых входят специалисты различного профиля. Это воспитатели, прошедшие специальную подготовку по работе с детьми речевых групп детского сада, учителя-логопеды, учителя-дефектологи и педагоги-психологи. Структура детских садов компенсирующего вида включает группы для детей с тяжелым нарушением

речи (заиканием), с общим недоразвитием речи, с задержкой психического развития в целом. И количество таких профильных речевых детских садов в Санкт-Петербурге за последние годы значительно увеличилось. Создается впечатление, что увеличилось количество детей, для которых характерны различной сложности проблемы в развитии речи, которым необходима помощь специалистов в этой области. Но скорее изменилось отношение к данной группе детей, понимание необходимости уделять таким детям больше внимания на профессиональном уровне. Педагоги и психологи создают специальные программы, показывая эффективность их применения при коррекционной работе с детьми (Жигорева, Левченко 2018; Китаева, Попкова 2020).

Теоретический обзор и современное состояние проблемы

В психологии вопрос о взаимосвязи развития мышления и речи, их влияния на все области детского развития рассматривается достаточно давно. Исследования убедительно показывают, что отставание в речевом развитии влечет за собой проблемы в развитии психики ребенка, отставании во всех сферах его развития. Эта проблема нашла свое отражение еще в работах Л. С. Выготского, А. В. Запорожца, А. Р. Лурия, С. А. Рубинштейна и других психологов. В целом подчеркивается дисгармония и отставание в развитии личности ребенка с нарушением речи. Но и сегодня этот вопрос является актуальным, особенно когда он касается проблем речевого развития детей дошкольного возраста.

В современных исследованиях психологов рассматриваются конкретные проблемы детей с недоразвитием речи. Прежде всего это нарушения в формировании личности, мышления, эмоциональной и коммуникативной сфер дошкольника, недостаточное развитие воображения и памяти. Для таких детей характерна замкнутость, отгороженность в общении, тревожность, агрессивность. Так, Ю. Г. Демьянов подчеркивает, что осознание детьми собственных расстройств речи влечет за собой разнообразные невротические расстройства (Демьянов 2020).

Для детей с речевыми расстройствами чаще, чем для детей с нормальным развитием речи, характерны нарушения эмоциональной сферы, что приводит к проблемам в социализации, в освоении коммуникативных навыков и умений, отсутствию инициативы в общении, несоблюдению правил взаимодействия. Бедность словарного запаса, неполноценные речевые высказывания не дают ребенку возможности полноценно общаться со сверстниками. Отсюда и более низкая самооценка по сравнению с другими детьми (Терентьева 2000).

Проблемы развития мышления связаны прежде всего с преодолением центрации в дошкольном возрасте. Для детей с отставанием в развитии речи характерно и отставание в развитии децентрации в мышлении, что влечет за собой проблемы в коммуникативной сфере. У таких детей к концу дошкольного периода наблюдается неспособность не только к когнитивной, но к социальной децентрации, что приводит к проблемам в сопереживании и установлении контактов со сверстниками, вступлении в совместные игры (Андреева 2016;

Балтийская, Пархоменко 2019; Ермаков, Воробьева, Кайдановская, Стрельникова 2016).

Авторы другого исследования обратили внимание на выраженность проблем в личностном развитии в зависимости от степени переживания собственного речевого дефекта (Волковская, Юсупова 2014). В этом исследовании детей с диагнозом «общее недоразвитие речи» распределили на три группы в зависимости от самооценки своего дефекта. Дети первой группы не переживали относительно своего дефекта речи и легко вступали в речевой контакт и со взрослыми, и со сверстниками. Дети второй группы переживали свой дефект речи, но умеренно. Для них были характерны определенные трудности при общении, особенно речевом. Они часто прибегали к невербальным формам общения в процессе игры. Дети третьей группы открыто избегали общения, демонстрировали отгороженность, агрессивность.

В зарубежной психологии проблемы психического развития детей с нарушениями развития речи в основном рассматриваются в связи с их когнитивным развитием: проблемами в развитии памяти, мышления (Torrington, Ratner 2016). Коммуникативная сфера детей с недоразвитием речи оказывается в профессиональном поле логопедов, то есть прежде всего изучается роль именно речевых барьеров и способы их преодоления в процессе установления контактов между детьми (Kent, McDonald 2021).

Анализ психолого-педагогической литературы показывает, что для детей с проблемами развития речи характерно и глобальное отставание в развитии психики в целом. Но следует отметить, что современные исследования такого рода немногочисленны. Изучение научной литературы позволяет предположить, что проблемы во взаимоотношениях со сверстниками напрямую связаны со степенью проявления проблем в развитии речи дошкольника. Таким образом, в качестве предмета нашего исследования выступает социальный статус в группе и уровень развития коммуникативных качеств детей в связи с уровнем их речевого развития.

Организация и методы исследования

В эмпирическом исследовании участвовало 58 детей, возраст дошкольников составил от пяти с половиной до шести с половиной лет. В общую выборку вошло две группы детей. Первую группу составили 29 детей с общим недоразвитием речи, посещающих детский сад компенсирующего вида. В другую группу вошли 29 детей с нормальным развитием речи, они

также посещают детский сад, но комбинированного типа. С целью исследования коммуникативных способностей детей были использованы две методики. Первая методика «Два домика» Т. Д. Марцинковской позволяет определить социометрический статус детей в группе и уровень благополучия взаимоотношений детей в группе (Марцинковская 1997). Вторая методика «Карта наблюдения за проявлениями коммуникативных способностей у дошкольников» (Щетинина 2000) позволяет выявить уровни развития коммуникативных качеств личности. Карта наблюдения содержит 6 шкал: «Эмпатийность»; «Доброжелательность»; «Непосредственность, аутентичность, искренность»; «Открытость в общении»; «Конфронтация»; «Инициативность». Дополнительно оценивается уровень развития коммуникативных действий и умений, таких как организационные, перцептивные и оперативные. При обработке результатов исследования использовались описательная статистика, U-критерий Манна — Уитни, коэффициент ранговой корреляции r-Спирмена.

Результаты и их обсуждение

Анализ социометрического статуса детей обеих групп показал, что как для группы детей с общим недоразвитием речи, так и для группы с нормальным развитием речи характерно наличие практически всех типов статуса.

Результаты, представленные в таблице 1, показывают, что в обеих группах больше половины детей носят статус «Популярные» и «Предпочитаемые», хотя «Популярных» («Звезд») в группе детей с нормальным развитием речи значительно больше, чем в группе детей с общим недоразвитием речи. В обеих группах есть дети и с низким социальным статусом, для которых характерны проблемы во взаимоотношениях и сложности в налаживании контактов со сверстниками. Но среди детей с нормальным развитием речи таких детей меньше (9 детей / 31,1%), чем в группе с общим недоразвитием речи (13 детей / 44,8%). В целом же распределение детей по статусам позволяет говорить о высоком уровне благополучия взаимоотношений в обеих группах детей. Однако сравнение позволяет предположить, что социальный статус детей в группе напрямую связан с уровнем развития речи.

Результаты наблюдения за коммуникативными качествами детей, их действиями и умениями представлены в таблице 2.

Результаты наблюдения показывают, что в целом дети группы с нормальным развитием речи демонстрируют средний уровень развития коммуникативных способностей, в отличие от детей группы с общим недоразвитием речи, для которых характерен низкий уровень коммуникативных способностей. Данное превосходство по всем рассматриваемым коммуникативным

Табл. 1. Социометрический статус детей с разным уровнем развития речи

Социометрический статус	Группа с общим недоразвитием речи (количество детей)		Группа с нормальным развитием речи (количество детей)	
Популярные	4	13,8%	11	37,9%
Предпочитаемые	12	41,4%	9	31,0%
Пренебрегаемые	5	17,2%	8	27,6%
Изолированные	5	17,2%	0	0%
Отвергаемые	3	10,4%	1	3,5%

Table 1. Sociometric status of children with different levels of speech development

Sociometric status	Group with general speech disability (number of children)		Group with normal speech development (number of children)	
Popular	4	13.8%	11	37.9%
Preferred	12	41.4%	9	31.0%
Neglected	5	17.2%	8	27.6%
Isolated	5	17.2%	0	0%
Rejected	3	10.4%	1	3.5%

Табл. 2. Коммуникативные способности детей с разным уровнем развития речи

Коммуникативные способности детей (показатели)	Группа с общим недоразвитием речи (средний показатель)	Группа с нормальным развитием речи (средний показатель)	Mann—Whitney U Test	p-value
Коммуникативные качества личности				
Эмпатийность	5,31	6,69	188,00	0,000517
Доброжелательность	6,38	9,76	122,00	0,000006
Непосредственность	5,0	6,69	201,00	0,001097
Открытость в общении	3,93	6,52	177,00	0,000265
Конфронтация	2,31	5,41	106,50	0,000002
Инициативность	3,48	4,62	272,50	0,033755
Коммуникативные действия и умения				
Организационные	4,59	6,45	238,00	0,007502
Перцептивные	2,69	5,97	105,50	0,000002
Оперативные	6,45	12,55	157,50	0,000075
Суммарный показатель	40,14	64,66	120,00	0,000005

Table 2. Communication abilities of children with different levels of speech development

Communication abilities of children (indicators)	Group with general speech disability (average indicator)	Group with normal speech development (average indicator)	Mann—Whitney U Test	p-value
Individual communication qualities				
Empathy	5.31	6.69	188.00	0.000517
Friendliness	6.38	9.76	122.00	0.000006
Frankness	5.0	6.69	201.00	0.001097
Openness in communication	3.93	6.52	177.00	0.000265
Confrontation	2.31	5.41	106.50	0.000002
Initiative	3.48	4.62	272.50	0.033755
Communication actions and skills				
Organizational	4.59	6.45	238.00	0.007502
Perceptive	2.69	5.97	105.50	0.000002
Operational	6.45	12.55	157.50	0.000075
Total indicator	40.14	64.66	120.00	0.000005

Табл. 3. Уровень развития коммуникативных способностей детей с разным уровнем развития речи

Уровень развития коммуникативных способностей	Группа с общим недоразвитием речи (количество детей)		Группа с нормальным развитием речи (количество детей)	
Высокий	0	0%	9	31,0%
Средний	5	17,2%	8	27,6%
Низкий	24	82,8%	12	41,4%

Table 3. Development level of the communication abilities of children with different levels of speech development

Development level of the communication abilities	Group with general speech disability (number of children)		Group with normal speech development (number of children)	
High	0	0%	9	31.0%
Average	5	17.2%	8	27.6%
Low	24	82.8%	12	41.4%

показателям, включая суммарный показатель, подтверждается и статистически (U-критерий Манна — Уитни, $p \leq 0,01$). Исходя из представленных результатов, можно утверждать, что дети с развитием речи в пределах нормы в большей степени в сравнении с детьми с проблемами речевого развития готовы охотно общаться не только со взрослыми, но и с детьми своего возраста, часто проявляют доброжелательность и эмпатию к партнеру по общению, пытаются использовать коммуникативные навыки, но иногда все же вступают в конфликты. Уровень речевого развития позволяет им наладить вербальное общение, использовать экспрессию в речи. Всего этого нельзя сказать о детях группы с общим недоразвитием речи. Отставание в развитии речи ведет за собой и трудности в диалоге с партнерами по общению, в сопереживании и понимании партнера. Для таких детей характерны частые конфликты со сверстниками, агрессия в диалоговом поведении.

Интересно посмотреть, как конкретно дети двух исследуемых групп распределились по уровням развития коммуникативных способностей. Данная картина представлена в таблице 3.

В группе детей с нормальным уровнем развития речи почти треть детей в процессе наблюдения за ними проявляли высокий уровень развития навыков и умений общения. Но в этой группе также есть дети (41,4%) с низким уровнем коммуникативных навыков. Однако их в два

раза меньше, чем в группе детей с проблемами развития речи. В группе детей с общим недоразвитием речи детей с высоким уровнем развития коммуникативных навыков вообще не наблюдалось, основная часть детей (82,8%) демонстрировали неумение общаться со сверстниками.

Проведенный корреляционный анализ подтверждает результаты наблюдения за поведением детей в процессе взаимодействия со сверстниками. Уровень развития речи тесно взаимосвязан с развитием коммуникативных способностей. На рисунке наглядно представлена структура взаимосвязей (см. рис.).

Представленные результаты эмпирического исследования достоверно подтверждают, что для детей с проблемами речевого развития характерен и широкий спектр проблем коммуникативного характера.

Выводы

Общее недоразвитие речи дошкольника напрямую связано с развитием его коммуникативных способностей. Дети с общим недоразвитием речи глобально отстают от своих сверстников с нормальным развитием речи в развитии коммуникативной сферы. Для них в основном характерен низкий уровень сформированности коммуникативных действий и умений, слабо развиты коммуникативные качества личности. Проблемы взаимоотношений

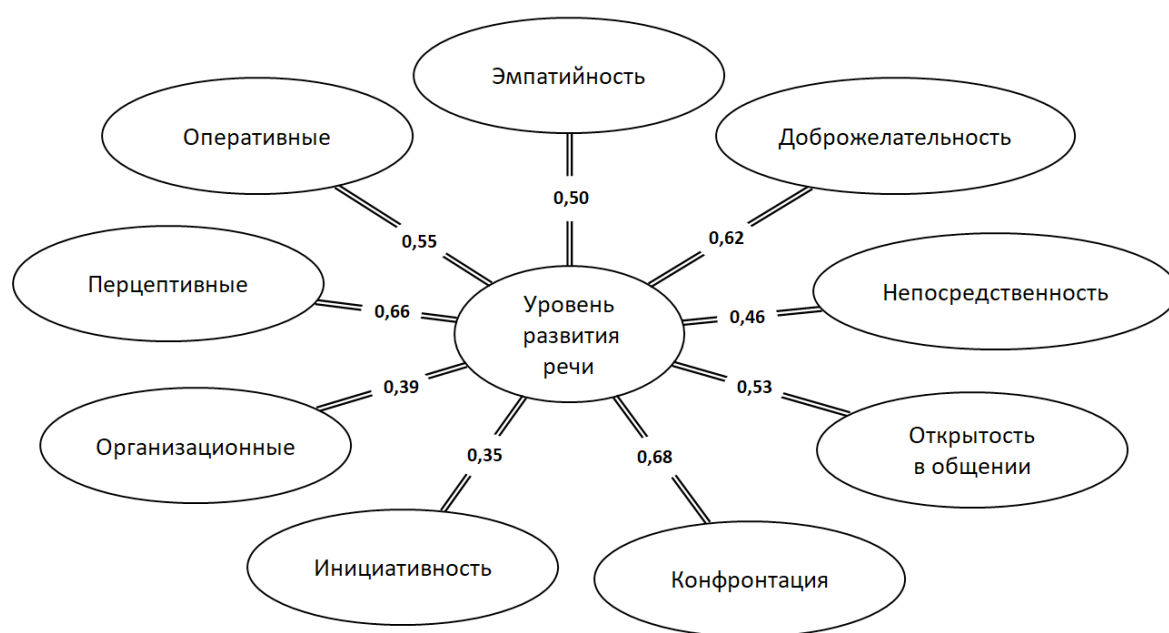

Рис. Корреляции показателей уровня развития речи и коммуникативных способностей детей ($p \leq 0,01$)

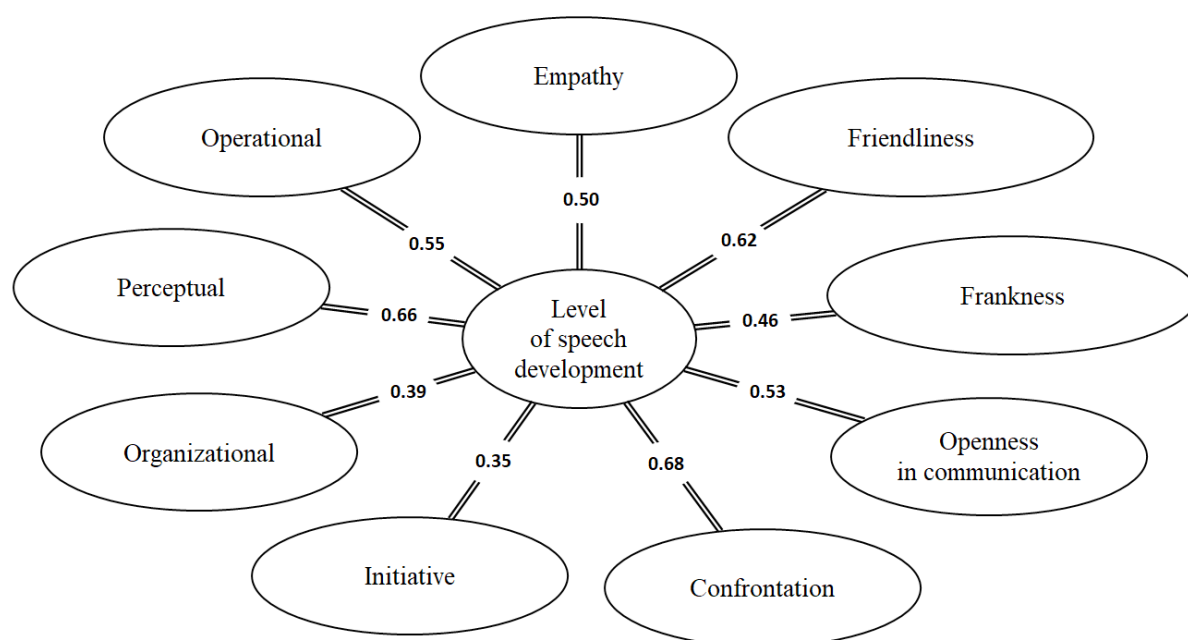

Fig. Correlations of the indicators of the level of speech development and of communication abilities of children ($p \leq 0,01$)

со сверстниками приводят и к невысокому социальному статусу в детской группе. Именно поэтому необходимо проводить комплексную профессиональную работу с такими детьми, которая включала бы не только занятия с учителями-логопедами по развитию речи, но и занятия с психологами по развитию коммуникативных умений и навыков. Исследования показывают, что дети с общим недоразвитием речи, как и дети с нормальным речевым

развитием, стремятся занять лидирующие позиции в группе, пытаются активно общаться со сверстниками, вступать в совместные игры. Эти стремления детей можно использовать при проведении коррекционных занятий, организации сюжетно-ролевых игр. В перспективе интересно посмотреть, каковы особенности выстраивания взаимоотношений со сверстниками у детей с проблемами нарушения речи разной степени тяжести.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics approval

The authors report that the research followed the ethical principles provided for research involving humans and animals.

Вклад авторов

Авторы совместно провели эмпирическое исследование и анализ полученных результатов при подготовке публикации.

Author contributions

The authors together performed an empirical study and analysis of the results during the preparation of the publication.

Литература

- Андреева, А. Д. (2016) Становление способности к децентрации в дошкольном возрасте. *Теоретическая и экспериментальная психология*, т. 9, № 4, с. 39–52.
- Балтийская, Д. А., Пархоменко, О. Г. (2019) Взаимоотношения сверстников в речевых группах детского сада в зависимости от способности детей к децентрации: результаты эмпирического исследования. В кн.: Е. Н. Волкова (ред.). *Актуальные вопросы психологии в исследованиях студентов и аспирантов*. М.: СВИВТ, с. 4–9.
- Волковская, Т. Н., Юсупова, Г. Х. (2014) *Психологическая помощь дошкольникам с общим недоразвитием речи*. М.: Национальный книжный центр, 96 с.
- Демьянов, Ю. Г. (2020) *Основы психиатрии*. М.: Юрайт, 308 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/450831> (дата обращения 30.04.2021).
- Ермаков, П. Н., Воробьева, Е. В., Кайдановская, И. А., Стрельникова, Е. О. (2016) Модель психического и развитие мышления у детей дошкольного возраста. *Экспериментальная психология*, т. 9, № 3, с. 72–80. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090306>
- Жигорева, М. В., Левченко, И. Ю. (2018) В помощь дефектологу дошкольной образовательной организации: методические подходы к проектированию адаптированной основной образовательной программы для детей раннего возраста с тяжелыми множественными нарушениями развития. *Воспитание и обучение детей с нарушениями развития*, № 4, с. 23–28.
- Китаева, И. И., Попкова, Н. С. (2020) Развитие речи дошкольников как основного механизма мышления. *Молодой ученый*, № 7 (297), с. 241–243.
- Марцинковская, Т. Д. (1997) *Диагностика психического развития детей. Пособие по практической психологии*. М.: Линка-Пресс, 176 с.
- Терентьева, В. И. (2000) Социально-психологические особенности детей с нарушениями речи 6–7 лет. *Дефектология*, № 4, с. 74–77.
- Щетинина, А. М. (2000) *Диагностика социального развития ребенка*. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 89 с.
- Kent, J., McDonald, S. (2021) What are the experiences of speech and language therapists implementing a staff development approach in early years settings to enhance good communication practices? *Child Language Teaching and Therapy*, vol. 37, no. 1, pp. 85–97. <https://doi.org/10.1177/0265659020974426>
- Torrington, E. C., Ratner, N. B. (2016) An exploration of the role of executive functions in preschoolers' phonological development. *Clinical Linguistics & Phonetics*, vol. 30, no. 9, pp. 679–695. <https://doi.org/10.1080/02699206.2016.1179344>

References

- Andreeva, A. D. (2016) Stanovlenie sposobnosti k detsentratsii v doshkol'nom vozraste [Formation of the ability to decentralize in preschool age]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya — Journal of Theoretical and Experimental Psychology*, vol. 9, no. 4, pp. 39–52. (In Russian)
- Baltiyskaya, D. A., Parkhomenko, O. G. (2019) Vzaimootnosheniya sverstnikov v rechevykh gruppakh detskogo sada v zavisimosti ot sposobnosti detej k detsentratsii: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya [Peer relationships in speech groups of a kindergarten depending on the ability of children to decentralize: results of an empirical study].

- in kindergarten speech groups depending on children's ability to decentralize: Results of an empirical study]. In: E. N. Volkova (ed.). *Aktual'nye voprosy psikhologii v issledovaniyakh studentov i aspirantov* [Current issues of psychology in the research of students and postgraduates]. Moscow: SVIVT Publ., pp. 4–9. (In Russian)
- Dem'yanov, Yu. G. (2020) *Osnovy psikhiatrii* [Fundamentals of psychiatry]. Moscow: Yurajt Publ., 308 p. [Online]. Available at: <https://urait.ru/bcode/450831> (accessed 30.04.2021). (In Russian)
- Ermakov, P. N., Vorob'eva, E. V., Kajdanovskaya, I. A., Strel'nikova, E. O. (2016) Model' psikhicheskogo i razvitie myshleniya u detej doshkol'nogo vozrasta [Model of mental and developmental thinking in preschool children]. *Eksperimental'naya psikhologiya — Experimental Psychology*, vol. 9, no. 3, pp. 72–80. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090306> (In Russian)
- Kent, J., McDonald, S. (2021) What are the experiences of speech and language therapists implementing a staff development approach in early years settings to enhance good communication practices? *Child Language Teaching and Therapy*, vol. 37, no. 1, pp. 85–97. <https://doi.org/10.1177/0265659020974426> (In English)
- Kitaeva, I. I., Popkova, N. S. (2020) Razvitie rechi doshkol'nikov kak osnovnogo mekhanizma myshleniya [Development of preschool children's speech as the main mechanism of thinking]. *Molodoj uchenyj*, no. 7 (297), pp. 241–243. (In Russian)
- Martsinkovskaya, T. D. (1997) *Diagnostika psikhicheskogo razvitiya detej* [Diagnostics of children's mental development]. Moscow: Linka-Press Publ., 176 p. (In Russian)
- Shchetinina, A. M. (2000) *Diagnostika sotsial'nogo razvitiya rebenka* [Diagnostics of the child's social development: An educational and methodological guide]. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 89 p. (In Russian)
- Terent'eva, V. I. (2000) Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti detej s narusheniyami rechi 6–7 let [Socio-psychological characteristics of children with speech disorders 6–7 years old]. *Defektologiya — Defectology*, vol. 4, pp. 74–77. (In Russian)
- Torrington, E. C., Ratner, N. B. (2016) An exploration of the role of executive functions in preschoolers' phonological development. *Clinical Linguistics & Phonetics*, vol. 30, no. 9, pp. 679–695. <https://doi.org/10.1080/02699206.2016.1179344> (In English)
- Volkovskaya, T. N., Yusupova, G. H. (2014) *Psikhologicheskaya pomoshch' doshkol'nikam s obshchim nedorazvitiem rechi* [Psychological assistance to preschool children with general speech underdevelopment]. Moscow: National Book Centre Publ., 96 p. (In Russian)
- Zhigoreva, M. V., Levchenko, I. Yu. (2018) V pomoshch' defektologu doshkol'noj obrazovatel'noj organizatsii: metodicheskie podkhody k proektirovaniyu adaptirovannoj osnovnoj obrazovatel'noj programmy dlya detej rannego vozrasta s tyazhelymi mnozhestvennymi narusheniyami razvitiya [Supportive system for special teachers in preschool educational institutes: Methodic approaches to creation of adaptive general educational program for young children with multiple and severe developmental impairments]. *Vospitanie i obuchenie detej s narusheniyami razvitiya — Education and Training of Children with Developmental Disabilities*, no. 4, pp. 23–28. (In Russian)